

СКОТТ В.

**СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ:
ПЕРТСКАЯ КРАСАВИЦА**

Собрание сочинений

Вальтер Скотт

Пертская красавица

«Алгоритм»

1828

УДК 821.111
ББК 84(4Вл)

Скотт В.

Пертская красавица / В. Скотт — «Алгоритм»,
1828 — (Собрание сочинений)

Вальтер Скотт (1771–1832) – английский поэт, прозаик, историк. По происхождению шотландец. Создатель и мастер жанра исторического романа, в котором он сумел слить воедино большие исторические события и частную жизнь героев. Из-под его пера возникали яркие, живые, многомерные и своеобразные характеры не только реальных исторических, но и вымышленных персонажей. За заслуги перед отечеством в 1820 г. Скотту был дарован титул баронета. Роман «Пертская красавица», публикуемый в этом томе, принадлежит к числу его лучших исторических произведений шотландского цикла. Борьба наследника Роберта III, герцога Ромсея, за сердце простой горожанки Катерины разворачивается на фоне жизни Шотландии XIV в. Соперничество претендентов на руку Катерины и столкновение интересов разных кланов мастерски переплетаются в сложной и гармоничной фабуле романа, создавая характерный для Скотта драматизм, так привлекавший его современников и находящий отклик у сегодняшнего читателя.

УДК 821.111
ББК 84(4Вл)

© Скотт В., 1828
© Алгоритм, 1828

Содержание

Предисловие	5
Глава I	9
Глава II	12
Глава III	25
Глава IV	30
Глава V	36
Глава VI	43
Глава VII	51
Глава VIII	59
Глава IX	70
Глава X	76
Конец ознакомительного фрагмента.	81
Комментарии	

Вальтер Скотт

Пертская красавица

Предисловие

[1]

Труды Кристела Крофтэнгри^[2] нашли продолжателей, но хотя за последние годы в печати появилось немало разных работ о шотландских гэлах^[3], однако до сей поры не было сделано ни одной попытки обрисовать нравы, какие могли бытовать среди них во времена, когда «Книга статут» и наряду с нею страницы летописцев начинают давать нам свидетельства тех трудностей, которые постоянно вставали перед короной, покуда на южной границе ее власти противостоял – едва ли не преобладая над ней – высокомерный дом Дугласов^[4], а Север между тем раздирали на части еще не укрощенная дикость горских племен и дерзкая заносчивость, с какою выдвигали свои притязания иные из их вождей, особенно на далеких окраинах. Достоверный факт, что два могущественных клана выставили каждый по тридцать бойцов, чтобы в битве разрешить свой давний спор пред лицом короля Роберта III, его брата герцога Олбени^[5] и всего королевского двора Шотландии в городе Перте в 1396 году нашей эры, видимо, с равной отчетливостью обрисовывает как ярость племенной вражды у горцев, так и упадочное состояние государственной власти в стране, соответственно он и стал осью, на которой могли бы вращаться главные события романтического повествования. Характеры Роберта III, его честолюбивого брата и беспутного сына, казалось, обещали благоприятную возможность создания интересных контрастов, а трагическая судьба наследника престола с ее прямыми последствиями позволяла завершить картину жестокости и беззакония.

Две черты в истории этой битвы-турнира на пертском Лугу – бегство одного из назначенных бойцов и безудержная отвага некоего горожанина, добровольно вызвавшегося за мелкую монету занять его место в смертельном бою, подсказали образы вымышленных персонажей, которым и отведена в романе существенная роль. Изобразить сбежавшего с поля кельта было бы нетрудно, если бы был избран игривый стиль описания. Но автор думал, что получится новее – да и глубже будет интерес, – если удастся привлечь к этому герою некоторое сочувствие, несовместимое с полным отсутствием уважения. Мисс Бейли^[6] изобразила труса по природе, который под действием сильной сыновней любви способен вести себя как герой. Казалось возможным представить себе и такой случай^[7], когда человека со слабыми нервами какое-то время поддерживают на высоте чувства чести и ревности, а потом он сразу сдает при таких обстоятельствах, что и самое храброе сердце не отказало бы ему в сострадании.

Спор о том, какие именно кланы на самом деле участвовали в варварской битве на Лугу, вновь оживился после выхода в свет «Пертской красавицы», и, в частности, он подробно разбирается мистером Робертом Маккеем из Турсо в его весьма любопытной «Истории дома и клана Маккеев». Отнюдь не притязая на то, что он в своем исследовании хотя бы частично разрешил вопрос в позитивном плане, этот джентльмен сумел вполне убедительно доказать, что его собственный почтенный род не принимал в деле никакого участия. Маккеи проживали в ту пору, как проживают и ныне, на крайнем севере нашего острова, и вождь их был в те времена столь влиятельным лицом, что его имя и назначенная ему роль не могли быть опущены в первых отчетах о происшествии. Был случай, когда он привел от своего клана четыре тысячи человек в помощь королю против Властителя Островов^[8]. Этот историк придерживается мнения, что кланом Кухил Уинтоун называет Камеронов^[9], которые в

те времена, кажется, чаще именовались Мак-Юэнами и лишь сравнительно недавно получили прозвание «Камерон», то есть «Кривой Нос» – по недочету на физиономии одного их героического вождя из рода Лохиель. Той же точки зрения придерживается и Дуглас в своей «Книге баронов»^[10], где он часто отмечает ожесточенность вражды между кланом Хаттан и кланом Кей, отождествляя второй из них – применительно к событиям 1396 года – с Камеронами. Едва ли возможно окончательно разрешить этот спорный вопрос, сам по себе малоинтересный, особенно для читателей по эту сторону Инвернесса^[11]. Уинтоун дает нам для тех двух враждовавших кланов имена «Кланхивил» и «Клахиния» – причем второе, возможно, искажено переписчиком. В «Скоти-Хроникон»^[12] они даются как Кланкухил и Кланкей. Гектор Боэций^[13] пишет «Кланхаттан» и «Кланкей», в чем ему следует Лесли^[14], тогда как Бьюкенен^[15] почитает недостойным осквернять свои страницы гэльскими именами этих кланов и только описывает их как два могущественных племени в диком и незаконном краю по ту сторону Грэмпианских гор^[16]. При такой путанице может ли какой-то сассенах надеяться^[17], что ему удастся dare lucem?¹ Имя Кланхейл появляется только в 1594 году – в одном из актов Иакова VI^[18]. Нельзя ли предположить, что это в конце концов просто искаженное наименование клана Лохиель?

Возможно, читатель не без удовольствия прочтет здесь строки из стихотворного рассказа Уинтоуна:

В тысяча триста девяносто
Шестом году, чтоб в битве просто
Решить издавний кровный спор,
Сошлись шотландцы диких гор –

По тридцать с каждой из сторон, –
И каждый мстью распален
Всех – шестьдесят Клан Кухквил
Одним из этих кланов был,

Звался другой Клахинийя.
Их возглавляли сын вождя
Ша Ферквариса у одних,
Вождь Кристи Джонсон у других

На тридцать – тридцать с двух сторон,
И каждый злобой распален,
Под монастырскою стеной
Сент-Джонстона^[19] вступили в бой.

Ареной им – приречный луг,
Оружием – кинжал да лук,
Секира да двуострый меч,
И стали – к черту! – сечь да сечь.

Рубились яростно, доколе
Телами не устлали поле.
Чья одолела сторона,

¹ Внести свет (*лат.*).

Кому победа зачтена?

Одно я знаю – изнемог
И победитель. Вот итог:
Легло полсотни, остальных
Убрали с поля чуть живых.

Настоятель Лохливена^[20] не упоминает ни о бегстве одного из гэльских бойцов, ни о рыцарственной доблести пертского ремесленника, вызвавшегося принять участие в сражении. Однако оба эти происшествия приводятся – несомненно, по традиции – продолжателем Фордуна^[21], чей рассказ излагается такими словами:

«В году Господнем тысяча триста девяносто шестом значительная часть северной Шотландии, за горным хребтом, была взбаламучена двумя очумелыми катеранами^[22] и их приспешниками, а именно Шебегом с его сородичами из клана Кей и Кристи Джонсоном с его кланом, называемым клан Кухил, их невозможно было умиротворить ни через какие договоры и соглашения, и никакой король или правитель не мог их привести к подчинению, пока благородный и деятельный лорд, Давид Линдсейский и Крофордский, вместе с лордом Томасом, графом Морей^[23], не приложили к этому делу свое усердие и силы и не уладили спор между двумя сторонами таким образом, что те согласились встретиться в некий назначенный день под городом Пертом пред лицом короля, выставив каждый от своего клана по тридцать человек против тридцати противной стороны и сразиться мечами, луками и стрелами, исключая всякое иное оружие или доспехи (кроме двуострых секир), каковая встреча и должна была положить конец их спору и установить мир в стране. Такой сговор весьма понравился обеим сторонам, и в ближайший понедельник, предшествующий празднику святого Михаила^[24], на пертском Северном Лугу перед королем, правителем и великим множеством зрителей они вступили в самую ожесточенную битву, в которой из шестидесяти человек были убиты все, кроме одного со стороны Кланкея и одиннадцати с противной стороны. А еще случилось так, что когда все они собрались на арене битвы, один из них огляделся вокруг, ища пути к побегу, на глазах у всех бросился в Тэй и пересек его вплавь. В погоню за ним кинулись тысячи, но он так и не был схвачен. Оба отряда стояли друг против друга в недоумении и не могли приступить к делу из-за недостачи уплывшего: ибо тот отряд, который был в полном числе, не соглашался, чтобы одного из них исключили, другая же сторона не могла ни за какую награду подрядить кого-либо взамен беглеца. Итак, все стояли в растерянности, сокрушаясь об утрате сбежавшего бойца. И думали уже, что всему делу конец, когда вдруг на середину арены врывается какой-то местный ремесленник, малорослый, но свирепый с виду, и говорит: “Вот я! Кто тут меня наймет, чтобы я вступил в театральное игрище с этими работниками? Я попытаю счастья в этой забаве за полкроны, а сверх того, оговорю лишь одно – что, если я вернусь с арены живой, я буду от кого-нибудь из вас получать довольствие до конца моей жизни, ибо, как говорится, “никто не возлюбит большей любовью, нежели тот, кто отдаст свою жизнь за друзей”. Так какой же награды заслуживаю я, готовый отдать свою жизнь за врагов государства и короля?” То, о чем он попросил, было тут же обещано ему и королем и разными вельможами. Тогда тот человек сразу натянул свой лук и, первым послав в противный отряд стрелу, убил одного из бойцов. Тотчас же полетели стрелы туда и сюда, засвистали клинки, засверкали секиры, и как на бойне мясники разделывают быков, так здесь противники неустрашимо рубились в сече. Среди всего их множества не нашлось ни единого, кто по слабости духа или со страху норовил бы, хоронясь за спиной другого, уклониться от этой резни. А тот наймит-доброволец в конце концов вышел из битвы невредим. С той поры Север надолго угомонился, и впредь не бывало, чтобы катераны совершали оттуда свои набеги».

Сцена эта у Боэция и Лесли разукрашена многими цветистыми добавлениями, а у Бьюкенена соревнующиеся дикие горцы произносят речи по самым признанным образцам из Ливия^[25].

Преданность приемного отца и названных братьев юному вождю клана Кухил, как она изображена в романе, составляет характерную черту клановой верности, чему история Горной Страны дает немало примеров. Известен случай, когда в битве под Инверки-тингом между роялистами и войсками Оливера Кромвеля^[26] один приемный отец и семеро его отважных родных сыновей таким же образом пожертвовали собой ради сэра Гектора Маклина из Дьюарта, причем старик отец каждый раз, как падал мертвым один из его мальчиков высылал вперед другого занять его место по правую руку любимого вождя с теми самыми словами, которые позаимствованы отсюда для романа: «Еще один за Гектора!»

Да, чувства могут переходить из поколения в поколение. Покойный генерал Стюарт из Гарта^[27] (чья смерть явилась большой потерей для нашей страны) в своем отчете о сражении при Килликрэнки^[28] сообщает нам, что Лохиеля^[29] сопровождал на поле боя сын его названного брата: «Этот верный приверженец следовал за нами как тень, готовый помочь ему мечом или же прикрыть его своим телом от вражеского выстрела. Вдруг вождь почувствовал, что друга нет рядом с ним, и, оглянувшись посмотреть, что с ним приключилось, увидел его лежащим навзничь с вонзившейся в грудь стрелой. Он умирал и при последнем дыхании лишь успел сказать, что, увидев, как враг, какой-то горец из армии генерала Маккея^[30], целится в Лохиеля из лука, он забежал за его спину и заслонил от немедленной гибели. «Это особого рода долг, – добавляет рыцарственный Дэвид Стюарт, – не так уж часто выполняемый современными нашими адъютантами» (см. «Очерки о горцах Верхней Шотландии», т. I, с. 65).

Мне остается лишь добавить, что вторая серия «Хроники Кэнонгейта» вышла в свет в мае 1828 года и встретила благосклонный прием.

Эбботсфорд, 15 августа 1831 года

Глава I

*Тщеславный римлянин, увидев Тэй,
Воскликнул встарь: «Глядите, Тибр, ей-ей!»
Но мы в отместку-то ужель не смеем
Их жалкий Тибр сравнить с шотландским
Тэем?^[31]*

Неизвестный автор

Если знатоку-чужеземцу предложат назвать самую живописную и пленительную область Шотландии, он, вероятно, укажет на графство Перт. Да и уроженец всякого другого округа Каледонии^[32], даже если он из понятного пристрастия отведет первое место родному графству, на втором непременно поставит Перт – и тем самым даст его жителям гордое право утверждать, что Пертшир, по непредвзятому суждению, являет собой красивейшую часть Северного королевства. Еще в давние годы леди Мэри Уортли Монтегю^[33], чьи писания отмечены превосходным вкусом, высказала мнение, что в каждой стране самой живописной местностью, с наибольшим разнообразием и полнотой раскрывающей красоту природы, оказывается та, где горы, понижаясь, переходят в холмистые поля или равнину. Так и в Перте можно видеть хоть и не очень высокие, но необычайно живописные холмы. Реки дикими прыжками свергаются с вершин и по таинственным ущельям прокладывают себе дорогу из Горной Страны в Низину. Наверху богатая растительность, вызванная к жизни благоприятными климатом и почвой, сочетается с обычными чертами горного ландшафта, а у подножия холмов рощи, дубравы и заросли кустарника одевают склоны, избегают по лощинам, взбираются на кручи. В этих отрадных местах путешественник находит то, что Грей или кто-то другой из поэтов^[34] назвал «на лоне ужаса почившей красотой».

Благодаря счастливому расположению эта область отмечена самым приятным разнообразием. Ее озера, леса и горы поспорят красотой с любыми, какие встретит путешественник в Верхней Шотландии, но графство Перт, помимо романтических пейзажей, – а иногда и тут же, среди них, – радует глаз еще и полосами плодородной земли, не уступающей богатством даже веселой старой Англии. И немало этому краю довелось увидеть замечательных подвигов и событий – таких, что вошли в историю, и других, интересных для поэта или романиста, хотя память о них сохранило только народное предание. В этих долинах не раз происходили кровавые побоища между саксами Нижней Шотландии и гэльскими кланами^[35], причем зачастую оставалось неясным, кто же одержал победу – закованные в броню рыцари Низины или их противники, горцы в шерстяных плащах.

Помимо красоты расположения, Перт замечателен своей древностью: старинное предание гласит, что он основан римлянами^[36]. Гордые победители, говорит оно, соизволили приравнять к Тибру судоходный и куда более величественный Тэй, а в широкой равнине, известной под именем Северного Луга, увидеть сходство с Марсовым полем. Перт часто избирали своей резиденцией наши государи, правда, у них не было в городе дворца, но они находили цистерцианский монастырь^[37] достаточно просторным, чтобы принять их со всем двором. Здесь Иаков I, один из умнейших и лучших королей Шотландии, пал жертвой зависти озлобленной аристократии^[38]. Здесь же возник и загадочный заговор Гаури^[39], старинный дворец, где разыгралась эта трагедия, был разрушен лишь совсем недавно. В ревностном внимании к старине, Пертское антикварное общество опубликовало точный план этого исто-

рического здания и в примечаниях, свидетельствующих о тонком и добросовестном исследовании предмета, приводит приуроченный к этому месту рассказ о заговоре.

Один из красивейших пейзажей в Великобритании, а может быть, и во всем мире открывается – или, лучше скажем, открывался – из так называемых Врат Судьи. Это нечто вроде арки, под которой путешественник, покинув Кинросс^[40], должен был проехать после долгого пути по неприглядной и пустынной местности, и тут перед ним с вершины высокого горного кряжа, куда он незаметно поднимался, развевалась долина Тэя, прорезаемая полноводным и горделивым потоком: и город Перт с двумя прилегающими к нему широкими поймами, или Лугами, с колокольнями и башнями, и горы Монкриф и Кинноул, поднимающиеся вдаль красивыми, мягкими уступами, кое-где одетыми лесом, и богатый берег реки с разбросанными по нему изящными строениями, а по краю кругозора – очертания могучих Грэмпианских гор, замыкающих с севера этот восхитительный ландшафт. Новая дорога – в общем, нельзя не признать, значительно улучшившая сообщение – проходит стороной, открывая описанный здесь великолепный вид не так неожиданно: он предстает взору по частям, но, впрочем, это зрелище, даже если мы приближаемся к месту постепенно, остается на редкость красивым. Еще сохранилась, кажется, тропа, ведущая к Вратам Судьи, так что путешественник, сойдя с коня или выйдя из кареты и пройдя несколько сот ярдов пешком, может сравнить подлинную картину с тем эскизом, который мы здесь попытались набросать. Но мы не властны передать (как и он не почувствовал бы) всю прелесть, какую сообщает удовольствием неожиданность, если чудесный вид возникнет перед путником внезапно, в минуту, когда он никак не ожидал чего-либо подобного, никогда не изведает бы он того, что довелось испытать вашему покорному слуге, Кристелу Крофтэнгри, когда он впервые увидел несравненное это зрелище.

К восторгу, охватившему меня, примешивалось еще и ребяческое удивление, ибо мне было тогда не более пятнадцати лет, к тому же мне впервые разрешили отправиться так далеко на моем пони, так что мой восторг усиливало еще и волнующее сознание независимости, не чуждое некоторой тревоге, которую даже самый самонадеянный мальчик невольно почувствует, когда впервые должен будет положиться на собственное разумение. Помню, сам того не ожидая, я осадил лошадку и жадно смотрел на открывшийся вид, точно боясь, что его снимут, как театральную декорацию, прежде чем я успею ясно разглядеть его во всех подробностях или увериться, что люблюсь им наяву. Свыше пятидесяти лет протекло с той поры, но неповторимая эта картина запечатлелась в моем уме и остается живой и яркой, когда многое из того, что повлияло на мою судьбу, безвозвратно ушло из памяти.

Вот почему, осмелившись занять внимание читателей развлекательной хроникой, я решил открыть ее рассказом, связанным с местностью, так поразившей некогда мое детское воображение. Быть может, я при этом цепляюсь за надежду, что самый пейзаж своим благотворным воздействием вознаградит читателя за недочеты моего письма. Так иная дама воображает, что изящный фарфоровый сервиз придает «букет» посредственному чаю². В ряде писем из Пертшира мне сообщают, что я допустил кое-какие мелкие погрешности в именах собственных. Но, несомненно, общее впечатление от долины Тэя и древнего юрода Перта, поднимающего свою седую голову среди тучных пастбищ над сверкающими водами величавой шотландской реки, остается по-прежнему столь ярким, что оно оправдало бы и более пламенные выражения, нежели те, какие нашлись у мистера Крофтэнгри.

Я задумал начать с поры куда более ранней, чем та, когда происходили примечательные исторические события, упоминавшиеся мною выше, – ибо все, о чем предстоит мне поведать, свершилось в последние годы четырнадцатого столетия, когда скипетр Шотлан-

---

² Кристел Крофтэнгри выразил здесь свои чувства, близкие к тем, что испытал я сам, насколько я их помню по прошествии долгих лет. (Примеч. авт.)

дии держал в благородной, но слабой руке Джон Стюарт, принявший при вступлении на престол имя Роберта III.

Глава II

*Пастушки губы – бархата нежней,
Не барыня – а та же сладость в ней^[41].*

Если Перт, как мы отметили, по праву гордится красотами природы, то никогда он не был обделен и другого рода красотой, более притягательной, хоть и не столь долговечной.

Прозываться «Прекрасной девой Перта» означало во все времена высокое отличие, и нужно было обладать поистине замечательной красотой, чтобы заслужить его в городе, где столько девушек могли притязать на эту завидную честь. А в феодальную эпоху, к которой ныне мы хотим привлечь внимание читателя, женская красота ценилась куда больше, чем впоследствии, когда идеи рыцарства стали угасать. У древних рыцарей любовь к женщине была своего рода дозволенным идолопоклонством, с которым могла сравниться страстью только любовь к небесам, да и то лишь в теории, так как на деле любовь к женщине почти неизменно брала верх. Имя Бога и прекрасной дамы сердца запросто призывалось одним дыханием, и служение прекрасному полу вменялось в обязанность жаждущим посвящения в рыцари так же непреложно, как и благочестие. В те времена власть красоты была почти безгранична. Она могла уравнивать со знатным вельможей девушку простого звания.

Незадолго до воцарения Роберта III, при его предшественнике, одна лишь красота позволила особе низкого рождения и сомнительной нравственности разделить с королем шотландский престол. И многие другие женщины, менее ловкие или не столь удачливые, начав свой жизненный путь наложницами, достигали высокого положения, – что допускалось и оправдывалось нравами тех времен. Такие примеры могли бы вскружить голову и девице более высокого рождения, чем Кэтрин, или Кейт, Гловер, которая была всенародно признана красивейшей из молодых обитательниц города и окрестностей и чье звание «пертской красавицы» неизменно привлекало к ней взоры юных щеголей, когда королевскому двору случалось обосноваться в Перте или поблизости от него, и добавим, что иной высокородный дворянин, прославившийся воинскими подвигами, так старался щегольнуть красивой посадкой в седле, проезжая по Кэрфью-стрит^[42], мимо окон Саймона Гловера, как не домогался бы победы на турнире, где его искусство могли оценить самые высокородные дамы Шотландии.

Но дочь Гловера-перчаточника (ее отец, как было принято в ту пору среди горожан, получил фамилию по своему ремеслу) не слушала любезностей, которые расточали перед ней вельможные поклонники. И хотя Кэтрин сознавала, конечно, свою привлекательность и не так уж была равнодушна к ней, она стремилась, как видно, одерживать победы только над людьми своего круга. Обладая красотой совсем особого рода! – той, что мы связываем больше с духовной, нежели с телесной сущностью, – она при всей природной доброте и милом нраве казалась скорее замкнутой, чем веселой, даже когда находилась среди равных, а глубокое чувство, с каким отправляла она долг благочестия, наводило многих на мысль, что Кэтрин Гловер затаила желание удалиться от мира и схоронить себя в монастырских стенах. Но если и были у нее подобные мысли, едва ли следовало ожидать, что ее отец, слывший человеком состоятельным и не имевший других детей, с легкостью согласится на такую жертву.

Зато в своей суровости к придворным рыцарям признанная Пертом королева красоты встречала полную поддержку со стороны отца.

– И не гляди ты на них! – говорил он ей. – Не гляди на них, Кэтрин, на этих щеголей! Ну их всех с их резвыми конями и бряцаньем шпор, с их перьями на шляпах и холеными

усами! Они не нашего сословия, и не пристало нам родниться с ними. Завтра день святого Валентина^[43], когда каждая птица выбирает себе подружку, но ты не увидишь, чтобы коноплянка свила гнездо в паре с ястребом-перепелятником или малиновка – с коршуном. Мой отец был честным горожанином Перта и владел иглой не хуже, чем я. А случилось подступить войне к воротам нашего славного города, мы откладывали в сторону иглу, и нитки, и замшу, доставали из укромного уголка добрый шлем и щит и снимали со стены над камином длинное копьё. Назови мне тот день, когда мэр созывал ополчение, а я или мой отец не явились бы в строй! Так мы жили, девочка моя: трудились, чтоб заработать свой хлеб, и сражались, чтоб защитить свою жизнь. Не нужно мне зятя, который будет мнить о себе, что он лучше меня, а что до лордов и рыцарей, так запомни хорошенько: ты слишком низко стоишь для их законной любви и слишком высоко – для их незаконной прихоти. А теперь отложи-ка свою работу, дочка, потому что нынче канун святого праздника и нам пора в церковь на вечернюю службу – помолимся, чтобы Господь послал тебе завтра хорошего Валентина.

Красавица отложила великолепную перчатку для соколиной охоты, которую вышивала по заказу леди Драммонд^[44], и, надев праздничное платье, приготовилась сопровождать отца в монастырь доминиканцев, примыкавший к Кэрфью-стрит, где они проживали. По дороге Саймон-перчаточник, исконный и почитаемый горожанин Перта, с годами несколько отяжелевший, важно принимал от встречных, и молодых и старых, подобающую дань уважения к своему бархатному полукафтанию и золотой цепи. Равно и перед признанной красотой его дочери, хотя и спрятавшейся под покров скрина³, склонялись, обнажая головы, и старые и молодые.

Отец и дочь шли рука об руку, а по пятам за ними следовал высокий, стройный юноша в одежде йомена^[45], самой простой, но выгодно обрисовывавшей его изящный стан, тогда как шотландская алая шапочка как нельзя лучше шла к его красивому лицу в рамке густых кудрей. При нем не было другого оружия, кроме трости, так как лицам его состояния (он был подмастерьем у старого Гловера) не полагалось показываться на улице с мечом или кинжалом у пояса – это почитали своим исключительным правом «джекмены», то есть воины-прислужники знатных господ. В свободное от работы время он сопровождал хозяина в качестве слуги или телохранителя, но нетрудно было заметить по его ревностному вниманию к дочери хозяина, что он охотней оказал бы добрую услугу Кэтрин Гловер, чем ее отцу. Впрочем, юноше так и не пришлось показать свое усердие: общее всем чувство уважения побуждало прохожих почтительно уступать дорогу отцу и дочери.

Но вот чаще замелькали в толпе стальные шлемы, береты и перья сквайров, лучников и конных латников, носители этих воинских знаков отличия вели себя куда грубее, чем горожане. Не раз, когда такая особа нечаянно или, может быть, в кичливом сознании своего превосходства на ходу оттесняла Саймона от стены, молодой провожатый перчаточника сразу вызывающе мерил невежу взглядом, как будто рвался доказать на деле свою пламенную готовность услужить госпоже. И каждый раз Конахара – так звали юношу – одергивал его хозяин, давая понять, что нечего ему лезть в драку, пока не приказали.

– Глупый мальчишка! – сказал он. – Или ты мало пожил в моем доме? Неужели ты до сих пор не усвоил, что удар порождает ссору... что клинок режет кожу так же быстро, как игла прокалывает замшу... и что я люблю мир, хотя никогда не боялся войны, и мне неважно, пройдем мы с дочерью ближе к стене или подальше, лишь бы идти нам тихо и мирно?

В свое оправдание Конахар заявил, что ему дорога честь его хозяина. Но этим он ничуть не успокоил старика.

– Что нам честь? – сказал Саймон Гловер. – Если хочешь остаться у меня на службе, думай о честности, а о чести пусть хлопочут хвастливые дураки, которые носят сталь на

³ Нечто вроде мантильи, какую носят во Фландрии. (Примеч. авт.)

пятках и железо на плечах. Если тебе охота щеголять таким убором – милости просим, но не в моем доме и не при мне.

Конахара эта отповедь не утихомирила, а только пуще распалила, но поданный молодую хозяйкой знак – если и впрямь можно было так истолковать чуть поднятый ею мизинец – подействовал сильнее, чем сердитый укор хозяина: юноша сразу утратил воинственный вид, казавшийся для него естественным, и превратился в простого слугу миролюбивого горожанина.

Между тем их небольшую группу догнал худощавый молодой человек, закутанный в плащ, которым он прикрыл или затенил часть лица, как нередко делали в ту пору кавалеры, когда хотели остаться неузнанными или пускались в поиски приключений. Словом, всем своим видом он как бы говорил окружающим: «Сейчас я не желаю, чтобы меня узнавали или обращались ко мне так, точно понимают, кто я. Но я ни перед кем не должен держать ответ, а потому свое инкогнито я храню лишь для видимости, и меня не беспокоит, разгадали вы его или нет». Он поравнялся с Кэтрин, державшей под руку отца, и, замедлив шаг, пошел рядом с нею с правой стороны, как бы присоединяясь к их компании.

– Доброго вечера вам, хозяин.

– Благодарю, ваша милость, пожелаю того же и вам... Но разрешите попросить вас пройти мимо... Мы идем слишком медленно для вашей светлости... и наше общество слишком низко для сына вашего отца.

– Сын моего отца лучше может об этом судить, почтенный! Мне нужно потолковать кое о чем с вами и с моей прекрасной святой Екатериной – самой прелестной и самой упрямой святой, какая числится в святцах.

– Почтительно напомню вам, милорд, – сказал старый мастер, – что нынче канун Валентинова дня, когда о делах толковать не годится. Пожалуйста, передайте мне через своих людей пожелания вашей милости, и я во всякое время готов вам услужить.

– Сейчас самое подходящее время, – сказал настойчивый юноша, которому его высокое звание позволяло, как видно, ни с кем не церемониться. – Я хочу знать, готов ли тот камзол из буйволово́й кожи, который я заказал на днях... А от вас, любезная Кэтрин, – тут он понизил голос до шепота, – я хочу услышать, потрудились ли над ним, как вы мне обещали, ваши нежные пальчики. Но к чему спрашивать? Ведь бедное мое сердце чувствовало укол каждый раз, когда вы делали стежок, расшивая шелком одежду, которая будет покрывать мою грудь. Предательница, как ты ответишь за то, что подвергла пытке сердце, полюбившее тебя так горячо?

– Милорд, – сказала Кэтрин, – я вас убедительно прошу не продолжать эти безумные речи, вам не подобает их говорить, а мне – слушать. Мы люди невысокого звания, но честного обычая, а присутствие отца должно бы защитить девушку от такого обращения – даже со стороны вашей светлости.

Она проговорила это так тихо, что ни отец, ни Конахар не могли разобрать ее слова.

– Хорошо, мой тиран, – ответил настойчивый искатель, – я не стану вам больше докучать, только позвольте мне увидеть вас в вашем окне завтра на рассвете, едва лишь солнце выглянет из-за восточного холма, – дайте мне право быть этот год вашим Валентином.

– Ни к чему это, милорд. Отец совсем недавно говорил мне, что ястреб (а орел тем более) никогда не возьмет себе в подруги скромную коноплинку. Подарите своим вниманием какую-нибудь придворную даму, которой ваш выбор будет к чести, меня же, позвольте мне, ваше высочество, сказать правду, – меня он может только опозорить.

Пока велся этот разговор, они подошли к вратам церкви.

– Полагаю, милорд, здесь вы позволите нам распрощаться с вами? – сказал отец. – Вам, я вижу, не очень-то хочется поступиться своим удовольствием ради того, чтобы избавить от огорчений и тревог таких людей, как мы. Но по тому, сколько слуг столпилось у ворот,

вы поймете, ваша милость, что в церкви есть и другие, кому даже и вы, милорд, должны оказать почтение.

– Да... почтение! А кто окажет это почтение мне? – сказал высокомерный вельможа. – Жалкий ремесленник и его дочь, для которых даже крупица моего внимания – слишком высокий почет, нагло заявляют мне в лицо, что мое внимание для них позор! Ну, моя королева белой замши и голубого шелка, ты у меня расквасишься!

Пока он бормотал это себе под нос, Гловер с дочерью вошли в доминиканскую церковь, а их провожатый Конахар, стараясь не отстать, задел плечом – быть может, не совсем преднамеренно – молодого вельможу. Рыцарь, потревоженный в своем неприятном раздумье и, верно, усмотрев тут нарочитое оскорбление, схватил юношу за грудь, притянул к себе, ударил и отбросил прочь. Рассерженный противник, еле оправившись, схватился за бок, точно ища меч или кинжал на том месте, где их обычно носят. Но, не найдя ни того, ни другого, он в бессильной ярости махнул рукой и вошел в церковь. Эти несколько секунд его замешательства молодой вельможа стоял, скрестив руки на груди, и надменно улыбался, точно приглашая его показать, на что он способен. Когда же Конахар вошел в церковь, его противник тщательней прикрыл лицо плащом и поднял над головой перчатку, подавая кому-то условный знак. Тотчас к нему подлетели два человека, которые, так же закрываясь плащами, ждали поодаль сигнала. Они озабоченно пошептались, потом вельможа удалился в одну сторону, а его друзья или приспешники – в другую.

Входя в церковь, Саймон Гловер бросил взгляд на их группу, однако, раньше чем они разошлись, он уже занял место среди молящихся. Он преклонил колена с видом человека, отягченного горькими мыслями, но, когда служба пришла к концу, он, казалось, освободился от тревоги, как бывает у того, кто вверился в своих заботах Божьему промыслу.

В церкви собралось много знатных кавалеров и дам, и обедню служили с пением, торжественно. Ждали даже самого Роберта III, но приступ недуга, какому он был подвержен, помешал доброму старому королю присутствовать, как обычно, на службе. Когда молящиеся разошлись, Гловер и его красавица дочь задержались у исповедален, чтобы принести покаяние своим духовникам. Так и случилось, что была уже темная ночь и глухо вокруг, когда они по опустелым улицам возвращались к своему жилищу. Большинство горожан давно пришли домой и легли спать. По пути встречались только полуночники да бражники, чванливые и праздные слуги надменной знати, не стеснявшиеся оскорблять мирных прохожих в расчете на безнаказанность, какою они пользовались благодаря влиянию своих господ при дворе.

Быть может, опасаясь встречи с подобным обидчиком, Конахар, подступив к перчаточнику, сказал:

– Хозяин, прибавьте шагу: нас преследуют.

– Преследуют, говоришь? Кто и сколько их?

– Один человек. Закутался в плащ и идет за нами как тень.

– У себя на Кэрфью-стрит я из-за одного человека, кто бы он ни был, не ускорю шаг.

– Но он при оружии, – сказал Конахар.

– Мы тоже, и есть у нас руки и ноги. Неужели, Конахар, ты боишься одного противника?

– Боюсь? – вскричал Конахар, возмущенный таким обвинением. – Вот сейчас увидите, как я его боюсь!

– Теперь ты хватил в другую сторону, глупый мальчишка! Не можешь ты держаться середины. Случай не тот, чтобы лезть нам в драку, хоть мы и не побежим. Ступай с Кэтрин вперед, а я заступлю твое место. Так близко от дома нам не может грозить никакая опасность.

Перчаточник пошел позади и действительно увидел человека, который следовал за ними чуть ли не по пятам, что в таком месте и в такой час не могло не вызвать опасений. Когда они перешли на другую сторону улицы, так же поступил и незнакомец, и стоило им

ускорить или замедлить шаг, он тотчас делал то же. Это ничуть не озаботило бы Саймона Гловера, будь он один. Но в стране, где человек, неспособный сам себя защитить, не очень-то мог положиться на закон, красота Кэтрин могла послужить приманкой для какого-нибудь распутника, замислившего недоброе. Когда Конахар и вверенная ему красавица достигли наконец порога своего дома и старуха служанка раскрыла перед ними дверь, у мастера отлегло от сердца. Решив, однако, проверить, была ли и впрямь причина для тревоги, он окликнул прохожего, который своим поведением внушал ему беспокойство, а теперь остановился на месте, хотя старался, видимо, держаться в тени.

– А ну, приятель, выходи вперед, нечего в прятки играть! Или ты не знаешь, что того, кто бродит, как призрак, в потемках, заклиняют дубиной? Выходи вперед, говорю, и покажись, каков ты есть!

– Что ж, я готов, мастер Гловер, – отозвался низкий, полновзвучный голос. – Могу выйти на свет таким, каков я есть, но хотелось бы мне казаться приглядней.

– Бог ты мой! – вскричал Саймон. – Мне ли не узнать этот голос!.. Так это ты, в собственном своем обличье, Гарри Гоу?.. Разрази меня гром, если ты пройдешь мимо этой двери, не промочив горла! Нет, милоч, еще не отзвонил вечерний звон, а и отзвонил бы – нет такого закона, чтоб он разлучал отца с сыном. Заходи, милоч! Дороти спроворит нам чего-нибудь поесть, и мы разопьем жбан, перед тем как тебе уйти. Заходи, говорю, моя Кейт рада будет тебя повидать.

К этому времени он уже втащил человека, которого так сердечно приветствовал, прямо в кухню, служившую, впрочем, кроме особо торжественных случаев, также столовой и гостиной. Ее украшали начищенные до блеска оловянные блюда и две-три серебряные чаши, расставленные по полкам, составлявшим некое подобие буфета, или в просторечье «горки». Добрый огонь да яркая лампа разливали вокруг веселый свет и тепло, а вкусный запах кушаний, которые готовила старуха Дороти, отнюдь не оскорблял неизбалованного обоняния проголодавшихся людей.

Непрошенный провожатый стоял теперь среди них на полном свету, и, хоть он не отличался ни красотой, ни особой величавостью, лицо его и фигура были не только примечательны, но чем-то настойчиво привлекали к себе внимание. Росту он был скорее ниже среднего, но широкие плечи, длинные и крепкие руки, весь его мускулистый склад говорили о необычайной силе, которую, видно, поддерживало постоянное упражнение. Был он несколько кривоног, но не настолько, чтоб это можно было назвать телесным недостатком, напротив, этот недочет, казалось, отвечал мощному телосложению, хоть и нарушал его правильность. Гость был одет в полукафтанье буйволового кожи, а на поясе носил тяжелый меч и нож, или кинжал, словно предназначенный защитить кошелек, который, по городскому обычаю, был прикреплен к тому же поясу. На круглой, очень соразмерной голове курчавились черные густые, коротко подстриженные кудри. Темные глаза смотрели смело и решительно, но в остальных чертах лица сквозили застенчивая робость в сочетании с добродушием и откровенной радостью встречи со старыми друзьями. Лоб Генри Гоу, или Смита (его звали и так и этак)⁴, – когда на него не ложилось, как сейчас, выражение робости – был высок и благороден, но нижняя половина лица отличалась менее счастливой лепкой. Крупный рот сверкал крепким рядом красивых зубов, вид которых отлично соответствовал общему впечатлению доброго здоровья и мощной силы. Густая короткая борода и усы, недавно заботливо расчесанные, довершали портрет. Лет ему могло быть не более двадцати восьми.

Вся семья была, как видно, рада старому другу. Саймон Гловер опять и опять крепко пожимал ему руку, Дороти говорила приветливые слова, а Кэтрин непринужденно протянула руку, которую Генри принял в свою тяжелую лапу, собираясь поднести к губам, но после

---

⁴ «Гоу» на гэльском языке, как «Смит» на английском, означает «кузнец». (Примеч. авт.)

минутного колебания оставил свое намерение из страха, как бы такую вольность не истолковали вкривь. Не то чтобы ему почудилось сопротивление в легкой ручке, неподвижно лежавшей на его ладони, но улыбка и разлившийся по девичьей щеке румянец, казалось, удвоили смущение молодого человека. Подметив, что друг его колеблется, Гловер закричал от всей души:

– В губы, приятель! В губы! Не каждому, кто переступит мой порог, я сделал бы такое предложение. Но, клянусь святым Валентином в канун его праздника, я так рад видеть тебя вновь в славном городе Перте, что, кажется, ни в чем тебе не отказал бы.

Кузнец (могучий горожанин, как ясно из сказанного, был по ремеслу кузнец), получив такое поощрение, сдержанно поцеловал красавицу в губы, а та приняла поцелуй с ласковой улыбкой, скромной, как улыбка сестры, но при этом сказала:

– Я надеюсь, что мы приветствуем в Перте друга, который вернулся к нам раскаявшимся и лучшим, чем был.

Смит держал ее за руку и, казалось, хотел ответить, но затем, точно вдруг оробев, разжал пальцы. Отступив на шаг, как бы в страхе перед тем, что сделал, он зарделся от стыда и удовольствия и сел у огня, но не рядом с Кэтрин, а напротив.

– Ну-ка, Дороти, поторопись со стряпней, хозяйюшка. Ты же, Конахар... Но где же Конахар?

– Лег спать, сударь, у него разболелась голова, – неуверенно объяснила Кэтрин.

– Ступай позови его, Дороти, – сказал старый Гловер. – Я не позволю ему так вести себя со мной! Он, видите ли, горец, и его благородная кровь не позволяет ему расстилать скатерть и ставить блюдо на стол! Мальчишка вообразил, что может вступить в наш древний и почтенный цех, не послужив должным образом своему хозяину и учителю по всем правилам честного повиновения! Ступай позови его. Я не позволю ему так передо мной заноситься!

Дороти, кряхтя, полезла по лестнице – вернее сказать, по стремянке – на чердак, куда строптивый ученик удалился так не вовремя. Послышалось брюзжание, и вскоре в кухню сошел Конахар. Его надменное, хоть и красивое лицо горело угрюмым затаенным жаром, и, когда он принялся накрывать на стол и расставлять судки с солью, пряностями и прочими приправами – словом, исполнять обязанности современного лакея, которые обычай тех времен возлагал на ученика, – весь его вид говорил, как он возмущен и как презирает это навязанное ему низменное занятие. Кэтрин смотрела на него с тревогой, как будто опасаясь, что его откровенная злоба усилит негодование отца, но только когда ее глаза перехватили на миг взгляд Конахара, юноша соизволил скрыть свою досаду и, услужая хозяину, принял смиренный вид.

Здесь уместно отметить, что хотя во взгляде, который Кэтрин Гловер бросила тайком на юного горца, отразилось беспокойство, едва ли внимательней наблюдатель подметил бы в ее отношении к юноше что-либо сверх того, что может чувствовать молодая девушка к товарищу и ровеснику, с которым она находится в постоянном и тесном общении.

– Ты долго странствовал, сынок, – сказал Гловер, как всегда обращаясь к молодому ремесленнику с этим ласковым словом, хотя вовсе не состоял с ним в родстве. – И, знать, немало рек повидал ты, кроме Тэя, немало красивых городов, помимо нашего Сент-Джонстона.

– Но ни одна река, ни один город и наполовину так не полюбились мне, как Тэй и Перт, да и наполовину так не стоят любви, – ответил Смит. – Уверяю вас, отец, когда я проходил Вратами Судьи и увидел наш город, раскинувшийся предо мной во всей своей красе, точно прекрасная королева из романа, которую рыцарь находит спящей среди цветов на лесной поляне, я почувствовал себя как птица, когда она складывает усталые крылья, чтобы опуститься в свое гнездо.

– Эге! Ты, стало быть, не прочь изобразить собою поэта? – сказал Гловер. – Что ж, опять заведем наши танцы и хороводы? Наши славные рождественские песни и веселый пляс вокруг майского дерева?^[46]

– Для забав еще придет пора, отец, – сказал Генри Смит. – Но пусть рев мехов и стук молота по наковальне – грубоватый аккомпанемент к песням менестреля, я другой музыкой не могу сопровождать их, раз я должен, хоть и слагаю стихи, еще и наживать добро.

– Правильно говоришь! Воистину ты мой сын, – ответил Гловер. – Вижу, тебе удалось кое-что припасти для дальней дороги?

– Наоборот, отец, во время странствия мне удалось неплохо заработать – я продал за четыреста марок свой стальной панцирь, тот, что вы у меня видели. Его взял у меня большой английский начальник, страж восточного рубежа – сэра Магнус Редмен⁵, и уплатил мою цену сполна, не торгуясь, когда я дал ему ударить по панцирю со всего размаха мечом. А нищий вор из Горной Страны, когда приценивался к нему, поспешил, не давал мне и двухсот марок, хотя я положил на этот панцирь целый год труда.

– Что это ты вздрогнул, Конахар? – сказал Саймон, обращаясь, как бы между прочим, к горцу-ученику. – Пора тебе научиться делать свое дело, не прислушиваясь к тому, что говорят вокруг! Ну что тебе, если какой-то англичанин нашел дешевой вещь, которая шотландцу показалась слишком дорогой?

Конахар хотел ответить, но, подумав, потупил взгляд и постарался вернуть себе самообладание, покинувшее его, когда кузнец в пренебрежительном тоне заговорил о покупателе из Горной Страны. Генри между тем продолжал, не обращая внимания на юношу!

– А в Эдинбурге я мимоездом продал не без выгоды несколько мечей и кинжалов. Там ждут войны, и, если угодно будет Богу послать ее, мой товар оправдает свою цену. Поблагодарим святого Дунстана – он и сам занимался нашим ремеслом^[47]. Словом, этот мой приятель, – тут кузнец положил руку на свой кошелек, – был, как вы знаете, довольно тощ и невзрачен четыре месяца назад, когда я пустился в путь, теперь же стал толстым и круглым, как шестинедельный поросенок.

– А этот твой дружок в кожаной одежде да с железной рукоятью – вот он висит рядышком, – он что же, все время оставался праздным? Ну-ка, мой добрый Смит, признайся по чести, сколько было у тебя драк с той поры, как ты переправился через Тэй?

– Вы обижают меня, отец, когда задаете такой вопрос, – ответил оружейник, глянув на Кэтрин, – и подумать только, при ком! Я, правда, кую клинки, но пускать их в дело предоставляю другим. Да, да! Я редко держу в руке обнаженный меч, если только не повертываю его на своей наковальне или на точиле, и люди напрасно меня очернили перед вашей дочерью Кэтрин, наговорив, будто я, тихий, мирный горожанин Перта, – драчливый буян и задира! Пусть выйдет вперед самый храбрый из моих клеветников и повторит мне такие слова под Кинноулским холмом, да чтоб не было на поле никого, кроме нас двоих!

– Вот, вот! – засмеялся Гловер. – Тут бы ты и показал нам образец своего терпения и миролюбия... Честное слово, Генри, не строй из себя тихоню – я же тебя знаю! И что ты косишься на Кейт? Точно она не понимает, что в нашей стране человек должен собственной рукой оборонять свою голову, если хочет спать спокойно! Ну, ну! Разрази меня гром, ежели ты не испортил столько же доспехов, сколько выковал.

– И то сказать, отец Саймон, плох тот оружейник, который не умеет сам проверить, чего стоит его мастерство. Если бы мне не случалось время от времени расколоть мечом шлем или кольчугу, я не знал бы, какую крепость должен я придавать своим изделиям, я бы

---

⁵ Сэр Магнус Редмен был одно время правителем Берика. Он пал в одном из пограничных сражений, последовавших за изменой графа Марча, о которой упоминается ниже. (Примеч. авт.)

тогда склеивал кое-как картонные игрушки вроде тех, что не совестятся выпускать из своих мастерских эдинбургские кузнецы.

– Эге, ставлю золотую крону, что у тебя по этому поводу вышла в Эдинбурге ссора с каким-нибудь жги-ветром⁶.

– Ссора! Нет, отец, – ответил пертский оружейник, – я только, сказать по правде, скрестил мечи с одним из них на утесах Святого Ленарда^[48] во славу моего родного города. Вы, надеюсь, не думаете, что я способен затеять ссору с собратом по ремеслу?

– Понятно, нет. Но как же вышел из этого дела твой собрат по ремеслу?

– А как может выйти из доброй драки человек, ежели грудь у него прикрыта листом бумаги? Он, вернее сказать, и не вышел, когда я с ним расстался: он лежал в келье отшельника, ожидая со дня на день смерти, и отец Джервис сказал, что раненый приготовился к ней по-христиански.

– Так... Ну а больше ты ни с кем не скрестил клинка? – спросил Гловер.

– Да не без того. Я еще подрался с одним англичанином в Берике. У нас опять вышел с ним спор о верховенстве, как у них это зовется (вы, надеюсь, не станете меня корить за эту драку?), и мне посчастливилось ранить его в левое колено.

– Ну что ж, не худо, да благословит тебя святой Андрей!.. А с кем ты еще имел дело? – сказал со смехом Саймон, радуясь подвигам своего миролюбивого друга.

– В Торвуде я подрался с одним шотландцем, – ответил Генри Смит. – Мы поспорили, кто из нас лучше владеет мечом, а этого, сами понимаете, без пробы не узнаешь. Бедняга потерял два пальца.

– Не худо для самого тихого мальчугана в Перте, который и в руки не берет меча, разве что когда повертывает его под молотом... А что еще ты можешь рассказать нам?

– Пустяк – отлупил одного горца, но это дело такое, что и говорить не стоит.

– За что же ты его отлупил, о миролюбец? – спросил Гловер.

– Сейчас и не упомяну, – ответил Смит. – Может, просто за то, что повстречался с ним по южную сторону Стирлингского моста.

– Отлично! Пью за твое здоровье! Ты мне вдвойне любезен после всех этих подвигов... Конахар, пошевеливайся! Наполняй нам чаши, паренек, да налей и себе темно-золотого, мой мальчик.

Конахар с подобающим почтением налил доброго пива хозяину и Кэтрин. Но, сделав это, поставил кувшин на стол и уселся...

– Это что такое?.. Где же твоя учтивость? Налей моему гостю, почтеннейшему мастеру Генри Смицу.

– Пусть мастер Смит сам себе наливает, если хочет пить, – ответил юный кельт. – Сын моего отца и так достаточно стерпел унижений для одного вечера.

– Раскукарекался петушок! – сказал Генри. – Но в одном ты прав, малец: тому впору помереть от жажды, кто не может выпить без прислужника.

Хозяин, однако, не пожелал принять так снисходительно выходку упрямого подмастерья.

– Слово мое тому порукой и лучшая перчатка, какую только я сделал, – сказал Саймон, – ты ему нальешь из этого кувшина в эту чашу, или не жить мне с тобой под одной крышей!

Услышав такую угрозу, Конахар угрюмо встал и, подойдя к Смицу в ту минуту, когда тот только что взял кружку в руку и поднес ее ко рту, умудрился споткнуться и так незадач-

---

⁶ *Жги-ветер* – старинное название кузнеца, встречающееся и у Бёрнса: Жги-ветер грянул, словно гром, На каждого из них...*(Примеч. авт.)* *Жги-ветер грянул, словно гром...* – Цитата из стихотворения Роберта Бёрнса (1759–1796) «Шотландский напиток».

ливо его толкнуть, что пенящееся пиво расплескалось по лицу, шее и одежде гостя. Смит, несмотря на воинственные наклонности, по природе своей был добродушен, но такую наглость он стерпеть не мог. Когда Конахар, споткнувшийся нарочно, хотел уже выпрямиться, кузнец крепко схватил его за горло – оно оказалось как раз под рукой – и отшвырнул его от себя со словами:

– Случись такое в другом месте, висельник, я оторвал бы тебе напрочь уши, как уже делал не раз с молодцами из твоего клана!

Конахар вскочил на ноги с быстротой тигра, крикнул: «Больше тебе этим не похвасться!» – выхватил из-за пазухи короткий острый нож и, бросившись на Смита, попытался всадить клинок ему в шею над ключицей. Успей он в этом, рана была бы смертельной. Но тот, кто разжег его ярость, был готов к самозащите и вовремя подбил снизу руку нападавшего, так что лезвие скользнуло по кости, оставив лишь глубокую царапину. Выдернуть у мальчишки кинжал и для безопасности схватить его за руки железной хваткой, мощной, как тиски, для силача кузнеца было делом одного мгновения. Конахар почувствовал себя сразу в полной власти грозного противника, которого сам же распалил. Только что пунцово-красный, он смертельно побледнел и стоял, онемев от стыда и страха, пока Смит, несколько ослабив хватку, не сказал спокойно:

– Твое счастье, что ты не можешь меня рассердить: ты еще мальчик, а я – взрослый мужчина и не должен был тебя раззадоривать. Но пусть это послужит тебе предостережением.

Конахар хотел было ответить, но смолчал и вышел вон из комнаты, прежде чем Саймон опомнился настолько, что мог заговорить. Дороти металась туда-сюда, хлопоча с притираниями и целебными травами. Кэтрин, едва увидев проступившую кровь, потеряла сознание.

– Я пойду, отец Саймон, – мрачно сказал Генри Смит. – Мне бы угадать наперед, что опять, по злему счастью моему, за мною притащатся брань и кровопролитие, когда я хотел бы внести в этот дом только мир и счастье. Не беспокойтесь обо мне – посмотрите на бедную Кэтрин: драка напугала ее чуть не до смерти, и все по моей вине.

– По твоей вине, сынок?.. Виноват этот горец-катеран⁷, будь он трижды проклят! Но завтра же он вернется в свои ложины, или придется ему познакомиться с нашей пертской тюрьмой. Покуситься на жизнь гостя в доме своего хозяина! Это разрывает между нами все узы... Дай мне, однако, взглянуть на твою рану.

– Кэтрин! – повторил оружейник. – Взгляните на Кэтрин!

– О ней позаботится Дороти, – сказал Саймон. – Неожиданность и страх не убивают насмерть. Иное дело – кинжал или нож. И если она – моя дочь по крови, ты, дорогой Генри, сын моего сердца. Дай мне осмотреть рану. Скин-окл⁸ – зловердное оружие в руке горца.

– Для меня он значит не больше, чем коготь дикой кошки, – сказал оружейник, – и сейчас, когда на щеки Кэтрин вернулся румянец, я и сам, увидите, мигом поправлюсь.

Он прошел в угол, где висело маленькое зеркальце, и, быстро вынув из кошелька немного корпии, приложил ее к порезу. Когда он, расстегнув кожаную куртку, обнажил шею и плечи, их мужественная мускулистая лепка удивила бы хоть кого, но еще неожиданней показалась нежность кожи, разительно белой там, где она не загорела, как на лице и руках, под ветром и солнцем или под жарким дыханием горна. Быстро остановил он корпией кровь и, смыв водой все прочие следы схватки, снова застегнул свою куртку и вернулся к столу, за которым, все еще дрожа, сидела Кэтрин, бледная, но уже оправившаяся после обморока.

---

⁷ Катеранами, или разбойниками, обычно называют кельтов в местностях, пограничных с землями сассенахов. (Примеч. авт.)

⁸ То есть «нож под мышкой» – стилет шотландского горца. (Примеч. авт.)

– Простите ли вы меня за то, что я, едва воротился домой, тотчас нанес вам обиду? Мальчишка глупо сделал, раздражив меня, но я оказался еще глупее, дав раззадорить себя такому, как он. Ваш отец не бранит меня, Кэтрин, может быть, и вы меня простите?

– Я не вольна прощать, – отвечала Кэтрин, – там, где не вправе обижаться. Если моему отцу угодно превращать свой дом в место ночных свар, я, хочешь не хочешь, должна при них присутствовать. Может быть, дурно с моей стороны, что я лишилась чувств и тем как будто помешала продолжению схватки. В свое оправдание могу сослаться лишь на то, что совсем не переносу вида крови.

– Так вот как ты встречаешь моего друга после долгого отсутствия! – рассердился ее отец. – Друга, сказал я? Нет, моего сына! Его едва не зарезал человек, которого я завтра же прогоню из нашего дома, а ты разговариваешь с ним так, точно он провинился, когда отшвырнул от себя змею, норовившую его ужалить!

– Я не берусь, отец, – возразила девушка, – рассудить, кто прав и кто виноват в этой драке. Я даже не сумела разобрать, кто напал, а кто защищался. Но, конечно, наш друг мастер Генри не станет отрицать, что он только и дышит борьбою, кровью и ссорами. Он не может слышать о другом оружейнике, не ревнуя его к своей доброй славе, и должен непременно подвергнуть его доблесть испытанию. А когда видит драку, непременно должен в нее вмешаться. Если перед ним друзья, он с ними дерется из любви и ради чести, если враги – из ненависти и ради мести. А если не друзья и не враги, он с ними дерется потому, что они оказались на том или на этом берегу реки. Дни его жизни – дни битвы, а по ночам он, верно, повторяет свои подвиги во сне.

– Дочка, – сказал Саймон, – ты слишком бойка на язык! Споры и драки – мужское дело, не женское, и не пристало девице думать или говорить о них.

– Но если мы против воли становимся их свидетельницами, – возразила Кэтрин, – трудно ждать от нас, чтобы мы думали и говорили о чем-нибудь другом. Я поручусь вам, отец, что этот доблестный горожанин из Перта – чуть ли не самый добрый человек из всех, кто проживает в стенах нашего города, что он скорее согласится сделать крюк в сто ярдов, чем наступит на червя, что умышленно убить паука ему так противно, как если бы он, кузнец, был родичем светлой памяти короля Роберта^{9[49]}, что перед своим путешествием он подрался в последний раз с четырьмя мясниками, которые хотели зарубить несчастную дворнягу, в чем-то провинившуюся на бойне, и сам едва избежал той участи, какая угрожала псу. Я поручусь к тому же, что никогда бедняк не пройдет мимо дома богатого оружейника, не получив еды и подавания. Но что в том проку, если его меч плодит столько же голодных вдов и сирот, сколько их одаривает его кошелек?

– Да нет же, Кэтрин, послушай сперва, что скажет тебе отец, а потом обрушивайся на моего друга с упреками, которые звучат как будто бы разумно, но на деле не вяжутся ни с чем, что творится вокруг нас. На что же, – продолжал Гловер, – съезжаются смотреть король со всем своим двором, и наши рыцари и дамы, и даже сами наши аббаты, монахи и священники? Не на то ли, как будут вершиться перед ними доблестные бои храбрых рыцарей на арене турнира? И разве не оружием и кровопролитием добываются там честь и слава? Чем же то, что творит в своем кругу наш добрый Генри Гоу, отлично от деяний этих гордых рыцарей? Слышал ли кто, чтобы он когда-либо употреблял во зло свое искусство и силу – чинил бы кому-либо вред, угнетал бы кого? И кто не знает, как часто применял он их в защиту

---

⁹ Читателям Барбора* хорошо знакома история о том, как Брюс в трудную пору своей жизни наблюдал однажды за повисшим близ его кровати пауком, который упорно повторял безуспешную попытку укрепить обрывающуюся нить паутины и в конце концов добился своего, и как Брюс усмотрел в этом доброе предзнаменование, поощрявшее его неотступно идти к своей цели, несмотря на все превратности судьбы. Впоследствии для каждого, кто носил имя Брюса или в чьих жилах текла кровь короля Роберта Доброго, обидеть паука считалось гнусным преступлением. (Примеч. авт.)* Джон Барбор (1316?–1395) – шотландский поэт, автор исторической хроники в стихах «Брюс».

правого дела и на пользу родному городу? И не должна ли ты мнить себя отмеченной славой и почетом, когда тебе, из всех женщин, отдано такое сердце и такая сильная рука? Чем самые высокородные дамы гордятся превыше всего, если не отвагой своих рыцарей? И разве самый доблестный муж в Шотландии больше совершил славных дел, чем мой сын Генри, хоть он и невысокого сословия? Разве не известен он и в Горной Стране и в Низине как лучший оружейник, когда-либо ковавший меч, и самый храбрый воин, вынимавший его из ножен?

– Дорогой мой отец! – отвечала Кэтрин. – Если разрешается дочери это сказать, вы сами себе противоречите. Благодарите Бога и его святых, что мы – люди мирной жизни и что на нас даже и не смотрят те, кого их знатность и гордость склоняют искать себе славы в злых делах, именуемых у знатных и надменных рыцарством. Ваша мудрость признает, что нелепо нам было бы рядиться в их пышные перья и блестящие одежды, – зачем же нам усваивать их пороки? К чему нам перенимать бессердечную гордость и нещадную жестокость знати, для которой убийство – не только забава, но и предмет тщеславного торжества? Пусть те, кто рожден для этой кровавой чести, гордятся и услаждаются ею, мы же, не проливавшие крови, можем с чистым сердцем сострадать их жертвам. Слава богу, что мы – невысокого рода, это спасает нас от искушения. Но извините меня, отец, если я преступила свой дочерний долг, оспаривая ваши взгляды, которые разделяет множество людей.

– Нет, дочка, ты для меня слишком речиста, – сказал отец, несколько рассерженный. – Я всего лишь бедный ремесленник, я только и умею различить, какая перчатка на левую руку, какая на правую. Но если ты и впрямь хочешь, чтобы я тебя простил, скажи что-нибудь в утешение моему бедному Генри. Он сидит смущенный и подавленный твоею отповедью и этим потоком укоров, он, для кого звук трубы был всегда как приглашение на праздник, сражен погудкой детского свистка.

И в самом деле, оружейник, слушая, как его любезная столь невыгодно расписывает его нравственный облик, скрестил руки на столе и уткнул в них голову с видом глубокого уныния, чуть ли не отчаяния.

– Я хотела бы, мой дорогой отец, – отвечала Кэтрин, – чтобы небо разрешило мне подать утешение Генри, не погрешив против святой правды, за которую я ратовала только что. Я могла бы – нет, я обязана это сделать, – продолжала она, и так глубоко, так проникновенно был ее голос, а лицо светилось такой необычной красотой, что речь ее в ту минуту зазвучала чем-то очень похожим на вдохновение. – Когда языку, даже самому слабому, назначено провозгласить правду Божью, ему всегда дозволено, объявляя приговор, возвестить и милосердие... Встань, Генри, воспрянь духом, благородный, добрый и великодушный, хоть и заблудший человек! Твои пороки – это пороки нашего жестокого и безжалостного века, твои достоинства принадлежат тебе самому.

С этими словами она схватила руку кузнеца и вытащила ее из-под его головы. Как ни мягко было ее усилие, Генри Гоу не мог ему противиться: он поднял к ней свое мужественное лицо, а в глазах его стояли слезы, вызванные не только обидой, но и другими чувствами.

– Не плачь, – сказала она, – или нет, плачь, но плачь как тот, кто надеется. Отрешись от двух грехов – гордости и злобы, которые легче всего овладевают тобою... Откинь от себя проклятое оружие – ты слишком легко поддаешься роковому соблазну поднимать его для убийства.

– Вы напрасно говорите мне это, Кэтрин, – возразил оружейник. – Я, правда, могу стать монахом и удалиться от мира, но пока я живу в миру, я должен заниматься своим ремеслом, а коль скоро я кую мечи и панцири для других, я не могу не поддаться соблазну пустить их в дело. Вы бы не корили меня так, когда бы ясно понимали, что воинственный дух неразрывно связан для меня со средствами, которыми я добываю свой хлеб, а вы мне ставите его в вину, забывая, что он порожден неизбежной необходимостью! Когда я креплю щит или нагрудник, чтобы они предохраняли от ран, разве не должен я постоянно помнить, как и с какой силой

будут по ним наноситься удары? И когда я кую клинок и закаляю его для войны, возможно ли при этом даже и не вспомнить, как им орудуют?

– Тогда отбрось его прочь от себя, дорогой мой Генри! – с жаром воскликнула девушка, стиснув в обеих своих тонких ручках мощную, тяжелую, натруженную руку оружейника и с трудом ее приподнимая, чему он не противился, но едва ли и помог по доброму желанию. – Отринь, говорю я, то искусство, в котором таится для тебя ловушка. Отрекись от него, не выковывай больше вещей, предназначенных для того, чтобы сокращать человеческую жизнь, и так слишком короткую для покаяния, не выделявай и тех, что обеспечивают человеку безопасность и тем самым поощряют его на убийство, тогда как иначе страх помешал бы ему подвергать себя опасности. Для нападения куешь ты оружие или для защиты – все равно это греховно, раз твой буйный и неистовый нрав вовлекает тебя при этом в соблазн. Брось навсегда изготавливать оружие какого бы то ни было рода, заслужи у неба прощение, отрекшись от всего, что вводит в грех, к которому ты наиболее склонен.

– А чем же, – пробурчал кузнец, – стану я зарабатывать себе на жизнь, когда откажусь от оружейного искусства, которым Генри из Перта известен от Тэя до Темзы?

– Самому твоему искусству, – сказала Кэтрин, – можно найти применение невинное и похвальное. Когда ты дашь зарок не ковать мечи и панцири, у тебя останется возможность создавать безобидный заступ, и не менее почтенный и полезный сошник, и многое, что помогает поддерживать жизнь и облегчает ее человеку. Ты можешь выделявать замки и засовы, которые оберегают имущество слабых от сильного и наглого. Люди по-прежнему будут приходить к тебе и оплачивать твой честный труд...

Но здесь Кэтрин прервали... Отец слушал до сих пор ее проповедь против войны и турниров не без сочувствия: правда, эти взгляды были новы для него, тем не менее они ему не показались совсем уж неверными. Он, сказать по правде, и сам хотел бы, чтоб его будущий зять не рисковал без нужды головой: обладая редкой отвагой и огромной силой, Генри Смит и впрямь слишком охотно шел навстречу опасности. Поэтому Гловер был бы рад, если бы доводы Кэтрин произвели свое действие на ее почитателя. Ибо Саймон знал, что тот настолько же мягок, когда владеют им добрые чувства, насколько бывает свиреп и неукротим, если подступить к нему с враждебными речами или угрозами. Но тут красноречие дочери пошло вразрез с видами отца: в самом деле, чего ради она вдруг пустилась угоривать его будущего зятя, чтобы он оставил свое ремесло, дававшее по тем временам в Шотландии всякому, кто был ему обучен, более верную выгоду, чем любой другой промысел, а уж Генри из Перта такой доход, каким не мог похвастаться ни один оружейник в стране! Саймон Гловер гордился дружбой с человеком, который так превосходно владел оружием: отважно им владеть – кто же не кичился этим в тот воинственный век? Но он и сам был бы не прочь отвратить Генри-кузнеца от его обычая чуть что хвататься за меч. Однако когда его дочь стала внушать оружейнику, что быстрее всего он придет к миролюбию, если откажется от выгодного ремесла, в котором он не знал соперников и которое вследствие постоянных войн между государствами и раздоров между частными людьми давало ему большой и верный заработок, – тут Саймон Гловер не мог сдерживать долее свой гнев. Едва Кэтрин посоветовала своему поклоннику заняться изготовлением орудий для сельского хозяйства, как старый Гловер, обретя наконец чувство правоты, которого ему недоставало поначалу, перебил ее:

– Замки и засовы, сошники да бороны!.. А почему не печные решетки, рашперы и калросские пояски? Да он превратится в осла, который станет возить на себе свой товар по стране, а ты будешь другим ослом, который водит того на поводу. Эх, девочка моя, разум, что ли, покинул тебя? Или ты думаешь, люди в наши дни выложат тебе серебро за что-нибудь, кроме того, что им поможет защитить свою жизнь или убить врага? Нам, мужчинам, нужен меч, чтобы в любую минуту мы могли постоять за себя, глупая ты девчонка, а не плуг, чтобы

обрабатывать землю под посев, когда мы, может быть, и не увидим, как он взойдет. А хлеб насыщенный... Кто силен, тот берет его силой и живет в довольстве, кто слаб, тот его выращивает для других, а сам помирает с голоду. Благо человеку, если он, как мой достойный сын, может добывать свой кусок хлеба иначе, нежели острием того меча, который он кует. Проповедуй ему мир сколько пожелаешь – на это я никогда не скажу тебе «нет», но предлагать первому оружейнику Шотландии, чтоб он бросил ковать мечи, секиры и латы... да это самого терпеливого человека приведет в бешенство! Уходи с моих глаз!.. А утром, если тебе посчастливится увидеть Генри-кузнеца (хоть ты своим обхождением с ним никак того не заслужила), то, прошу тебя, не забывай: перед тобою человек, которому нет равного среди шотландцев в искусстве владеть палашом и боевой секирой и который может, не нарушая праздников, заработать пятьсот марок в год.

Дочь, выслушав слова отца, сказанные таким повелительным тоном, низко поклонилась и, не промолвив ни слова, удалилась в свою спальню.

Глава III

Кто этот Смит?

Пусть рыцарь, лорд, – но прадед

– Был тот, кто с молотом кузнечным ладит.

Верстиган⁵⁰¹

Сердце оружейника, переполненное самыми противоречивыми чувствами, билось так сильно, что, казалось, вот-вот разорвет кожаное полукафтанье, под которым оно было заключено. Он встал, отвернулся и не глядя протянул Гловеру руку, точно не желал, чтобы тот прочел на его лице волнение.

– Нет, пусть меня повесят, если я так с тобою расстанусь, друг! – сказал Саймон, хлопнув ладонью по раскрытой руке оружейника. – Я еще добрый час не пожму тебе руку на прощание. Подожди минутку, друг, и я тебе все разъясню, и, уж конечно, две-три капли крови из царапины да два-три словца, оброненных глупой девчонкой, не разлучат отца с сыном, когда они так долго не виделись. Посиди немного, если ты желаешь благословения отца и святого Валентина. Тем более что нынче у нас, как нарочно, канун его праздника.

Вскоре зычный голос Гловера кликнул старую Дороти. Послышался звон ключей, тяжелые шаги вверх и вниз по лестнице, и Дороти предстала наконец пред гостем, неся три больших стакана зеленого стекла – по тем временам редкую и ценную диковину, – а следом явился и сам хозяин с огромной баклагой в руках, вмещавшей добрые три кварты – не то что бутыль наших упадочных дней!

– Отведай этого вина, Генри, оно старей меня раза в полтора. Его прислал в подарок моему отцу верный Краббе, фламандский механик, который так отважно вел защиту Перта в малолетство Давида Второго. У нас, перчаточников, всегда хватает дела во время войны, хоть мы и меньше имеем к ней отношения, чем вы, работающие с железом да сталью. Мой отец сумел удружить старому Краббе – расскажу тебе при случае, чем и как и сколько лет пришлось хранить эти сулеи под землей, чтоб не добрались до них загребущие руки южан. Итак, осуши чашу за упокой души моего почтенного отца – да простятся ему все грехи! Дороти, выпей и ты за помин его души и уходи к себе на чердак. Я знаю, у тебя ушки на макушке, голубушка, но мне нужно сказать Генри Смигу, моему названому сыну, кое-что такое, чего никто, кроме него, не должен слышать.

Дороти не стала спорить и, храбро осушив стакан, или, вернее, кубок, удалилась, как велел хозяин, в свою спальню. Друзья остались одни.

– Я сожалею, друг Генри, – сказал Саймон, наполняя стаканы себе и гостю, – от всей души сожалею, что моя дочка упорствует в своей нелепой дури, но сдастся мне, ты еще можешь поправить дело. Зачем тебе приходиться сюда, бряцая мечом и ножом, коли девчонка по глупости своей не переносит их вида? Забыл ты разве, что вы с нею повздорили еще до твоего отъезда из Перта, потому что ты непременно хотел ходить вооруженным, точно какой-нибудь подлый латник на службе у знатной особы, а не честный и мирный горожанин? Впрочем, и приличному горожанину нередко приходится вооружаться, когда гудит общинный колокол и призывает нас выступить в полном воинском облачении.

– Добрый мой отец, моей вины тут нет. Не успел я сойти с коня, как побежал сюда сказать, что вернулся. Я думал спросить у вас совета, как мне стать на этот год Валентином госпожи Кэтрин, если это не противно будет вашему желанию, и тут я услышал от госпожи Дороти, что вы отправились послушать обедню у Черных Братьев. Вот я и решил пойти туда

же – отчасти ради того, чтобы послушать одну с вами службу, отчасти же – да простят мне Пречистая Дева и святой Валентин – чтобы взглянуть на ту, которая обо мне и думать не желает. А когда вы входили в церковь, мне показалось, будто два-три опасных с виду человека сговариваются между собой, поглядывая на вас и на нее, и среди них, между прочим, сэр Джон Рэморни, которого я сразу узнал, даром что он переоделся и надвинул бархатный колпак на самые глаза да епанчишку напялил плохонькую, точно у слуги. . . Вот я и подумал, отец Саймон, что вы для драки стары, а этот щенок из горцев еще слишком молод, так пойду-ка я потихоньку за вами следом, а тою штукой, что висит у меня на боку, я живо образумил бы всякого, кто посмел бы вас побеспокоить. А там, как помните, вы сами углядели меня и затащили к себе. Не получишь оно так, уверяю вас, я не показался бы на глаза вашей дочери иначе, как в новом кафтане, сшитом в Берике по новейшему покрою, и не появился бы я перед нею при оружии, которое так ей противно. Хоть, сказать по правде, из-за разных недо-разумений столько людей со мною в смертельной вражде, что мне скорей, чем кому другому в Шотландии, надо расхаживать по вечерам с оружием.

– Глупая девчонка об этом и не думает, – сказал Саймон Гловер. – Не хочет понять, что в нашей дорогой Шотландии каждый почитает своим особливим правом и долгом мстить самому за все свои обиды. Но, Гарри, мальчик мой, позволь мне тебя пожуричь: зачем ты так близко принимаешь к сердцу ее речи? Я видел не раз, что с другими девицами ты куда как смел, – что же ты с нею так тих и язык у тебя точно на привязи?

– Потому что она не очень-то похожа на других девиц, отец. . . Потому что она не только красивей других, но и разумней, выше, недоступней и будто бы вылеплена из лучшей глины, чем все мы, чем всякий, кто смеет к ней приблизиться. У майского дерева я перед девицами лицом в грязь не ударю, но когда подступаю к Кэтрин, я чувствую себя земной, грубой, злой тварью, едва достойной взглянуть на нее, не то что возражать на ее укоры.

– Не выйдет из тебя хорошего купца, Гарри Смит, – отвечал Саймон. – Ты слишком дорого даешь за чужой товар. Кэтрин славная девочка и мне она дочь, но если ты своею робостью и лестью делаешь из нее самодовольную спесивицу, не дожидаться нам, ни тебе, ни мне, исполнения наших желаний.

– Я и сам того порою боюсь, отец, – сказал Смит, – потому что сознаю, как недостойн я Кэтрин.

– А ты ухватись-ка за нитку с другого конца, – сказал Гловер. – Посмотри-ка на дело нашими глазами, друг мой Смит: подумай, нам-то каково, Кэтрин и мне. Подумай, как осаждают бедняжку с утра до ночи и кто осаждают – хоть окна затворяй да дверь запирай! Сегодня к нам подступил один человек – такая высокая особа, что и сказать страшно. . . Да! И открыто выразил свое недовольство, когда я не позволил ему любезничать с моею дочерью прямо в церкви, пока священник служил обедню. А другие и того безрассудней. Иной раз я готов пожелать, чтобы Кэтрин была не такой уж красивой и не вызывала этих опасных восторгов, или хоть не такой святой – чтобы стала она обыкновенной женщиной и был бы ей мил верный Генри Смит, который сможет защитить свою жену от любого чванливого рыцаря при шотландском дворе.

– Когда не так, – сказал Генри Смит, простирая руку, такую могучую, что она могла бы принадлежать исполину, – пусть никогда не поднять мне молота над наковальней! Эх, свершиться бы моему желанию, красавица Кэтрин увидела бы тогда, что ничего тут нет худого, если мужчина умеет постоять за себя и за свою жену. Но сдается мне, весь мир в ее глазах – огромный монастырь, и все, кто в нем живет, должны, по ее понятиям, вести себя как на нескончаемой обедне.

– Да, в самом деле, – сказал Гловер, – она оказывает странное влияние на каждого, кто к ней приблизится. . . Взять хоть этого молодого горца, Конахара, что сидит у меня на шее уже не первый год, – он, ты видел сам, горяч и заносчив, как все его родичи, а Кэтрин, стоит

ей палец поднять, сразу подчинится – ей одной, больше никто в доме с ним не сладит! Она положила немало труда, чтоб отвадить его от грубых обычаев Горной Страны.

Гарри Смит заерзал на стуле, поднял свою кружку, опять ее поставил и наконец сказал:

– Черт бы его взял, этого щенка и всех его сородичей горцев! Разве это дело для Кэтрин – наставлять такого парня? С ним будет, как с тем волчонком, которого я попробовал как-то сдуру приручить заместо собаки. Все его похваливали до тех пор, пока в недобрый час я не отправился с ним прогуляться на Монкрифский холм, там он вдруг накинулся на отару лэрда⁵¹¹ и так похозяйничал, что мне пришлось бы ох как пожалеть, не нуждайся лэрд о ту пору в доспехах. Я только диву даюсь, как это вы, отец Гловер, разумный человек, держите у себя молодого горца – очень, надо признаться, пригожего – и допускаете такую близость между ним и Кэтрин! Точно, кроме вашей дочери, не нашлось бы никого ему в наставницы.

– Фу, сынок, и не стыдно тебе? – укорил друга Саймон. – Вздумал ревновать к несчастному мальчишке, которого я приютил у себя (уж скажу тебе правду), потому что в родных горах ему жилось несладко.

– Эх, отец Саймон, – возразил Смит, разделявший все предрассудки, свойственные горожанам тех времен, – когда б я не боялся вас обидеть, я сказал бы, что зря вы якшаетесь со всякой шушерой за пределами города.

– Мне надо получать кожу откуда ни на есть, мой милый Гарри, а горцы ее поставляют всякую – оленью, сайгачью, козью, и по сходной цене.

– Еще бы не по сходной, – отрезал Гарри, – торгуют сплошь краденым...

– Ну, ну... пусть даже и так, не мое это дело, где и как они бьют зверя, лишь бы мне кожа была. Словом, я по некоторым соображениям согласился оказать услугу отцу Конахара и взять юношу к себе. Он не настоящий горец и не во всем разделяет грубые воззрения своих сородичей глунами. Да к тому же я не часто видел его таким дикарем, каким он себя показал только что.

– Могли бы и вовсе не увидеть, покуда он ненароком не прирезал бы кого-нибудь, – ответил Смит все так же ворчливо.

– И все же, если ты того желаешь, Гарри, я забуду все прочее и завтра же с утра отправлю бродягу искать себе другое жилье.

– Что вы, отец! – сказал Смит. – Неужели вы полагаете, что Гарри Гоу сколько-нибудь думает об этом щенке, об этой дикой кошке? Да он для меня – что зола из горна! Плевал я на него, уверяю вас, хотя бы весь его клан подступал к Сапожным Воротам¹⁰ с боевым своим кличем и ревом вольнонок! Увидав перед собой полсотни мечей и щитов, они, поверьте мне, бросятся назад быстрее, чем пришли. Но признаюсь, хоть и глупые это слова, не нравится мне, что паренек так много бывает с Кэтрин. Не забывайте, отец Гловер: при вашем ремесле у вас всегда хватает дела для рук и для глаз, вы все внимание должны отдавать работе, даже когда на этого лоботряса вдруг найдет трудолюбие, что случается с ним, вы знаете сами, не часто.

– Что правда, то правда, – сказал Саймон, – он все перчатки кроит на правую руку и еще ни разу в жизни не сработал пары.

– Да, слева «резать кожу» он понимает по-своему, – заметил Генри. – Но, с вашего позволения, отец, я сказал бы так: работает ли он или празднует лентяя, у него глаза не припухли от жара... и руки не в ожогах от раскаленного железа, не загрибели, орудуя молотом... и волосы не порыжели от дыма, что валит из горна, не стали больше похожи на шерсть барсука, чем на то, что пристало доброму христианину покрывать шляпой. Пусть Кэтрин – самая хорошая девушка, какая только жила на свете, а для меня она лучшая из лучших в

---

¹⁰ Главная улица в Перте. (Примеч. авт.)

Перте, – все же она, конечно, понимает, в чем разница между одним мужчиной и другим, и видит, что сравнение не в мою пользу.

– Ну, от всего сердца за твое здоровье, Гарри, сынок! – начал старик, наполняя кубки собеседнику и себе. – Вижу я, что ты хоть и добрый кузнец, а не ведаешь, из какого металла куют женщин. Будь смелее, Генри, держись не так, точно тебя ведут на виселицу, а веселым молодцом, который знает себе цену и не упадет, сраженный насмерть, даже перед самой лучшей внучкой, какой могла когда-либо похвалиться Ева. Кэтрин – женщина, как и ее мать, и ты судил бы глупо, если бы решил, что их всех привлекает только то, что пленяет глаз. Надо пленить еще и слух, друг ты мой, женщине нужно знать, что тот, к кому она благоволит, отважен и полон сил и мог бы снискать любовь двадцати красавиц, хотя домогается ее одной. Поверь старику, женщины больше следуют чужому суду, чем собственному мнению. Если спросит моя Кэтрин, кто самый храбрый мужчина в Перте, кого ей назовут, если не Гарри Смита?.. Кто лучший оружейник, когда-либо ковавший оружие на наковальне?

Опять же он, Гарри Жги-ветер!.. Кто самый лихой плясун у майского дерева?.. Все он, богатырь-кузнец... Сочинитель самых забавных баллад? Да кто, как не Гарри Гоу! А кто у нас первый борец, первый мастер в игре мечом и щитом? Кто король оружейных смотров... укротитель бешеных коней... усмиритель диких горцев? Все ты, ты... не кто иной, как ты!.. Так неужели Кэтрин предпочтет тебе мальчишку из Горной Страны?.. Еще что! Пусть-ка сделает она стальную перчатку из пыжиковой шкуры. Говорю тебе, Конахар для нее ничто. У нее одно желание: не дать черту завладеть законной своей добычей – ни этим пареньком, ни всяким другим уроженцем Горной Страны. Благослови ее Господь, мою бедную девочку, она, когда могла бы, весь свет обратила бы к более чистому образу мыслей!

– Ну, здесь-то у нее наверняка ничего не выйдет, – сказал Смит, который, как читатель, верно, заметил, не очень-то благоволил к соседям-горцам. – В этом споре я ставлю не на Кэтрин, а на Старого Ника^[52], своего знакомца, – мы с ним как-никак работаем оба с огнем: черт непременно заполучит горца, уж поверьте!

– Да, но у Кэтрин, – возразил Гловер, – есть союзник, с которым ты мало знаком. За юного головореза взялся сейчас сам отец Климент, а этому черт не страшен: ему сто чертей – что для меня стадо гусей.

– Отец Климент? – молвил Смит. – У нас тут что ни день, то новый святой, в богоспа-саемом нашем Сент-Джонстоне! Во имя той дубинки, что поколотит всех чертей, объясни ты мне, кто он такой. Какой-нибудь пустынный, который упражняется для своего дела, как борец для арены, и приводит себя в боевую готовность постом и покаянием, – так, что ли?

– В том-то и диво, что нет, – ответил Саймон. – Отец Климент ест, пьет и живет как все мы, грешные, а притом строго соблюдает предписания церкви.

– Ага! Понимаю. Здоровенный поп из тех, что больше помышляют о мирских благах, чем о благостыне: крепко выпивает на проводах мясоеда, чтоб достойно встретить Великий пост, думает *in principio*¹¹ о наслаждении... и состоит духовником самых красивых женщин в городе.

– Опять ты промахнулся, Смит. Поверь мне, у нас с дочкой верный нюх на ханжу, будь то постник или жирный пустосвят. Но отец Климент ни то и ни другое.

– Так что же он собой представляет, ответьте, ради Господа Бога!

– Он либо неизмеримо лучше, чем половина всех его собратьев в Сент-Джонстоне, вместе взятых, либо же настолько гнусней самого гнусного из них, что грех и позор давать ему пристанище в нашей стране.

– Думается, нетрудно распознать, то ли он или другое, – сказал Смит.

---

¹¹ Прежде всего (*лат.*).

– Удовольствуйся, друг мой, таким разъяснением, – ответил Саймон. – Если судить об отце Клименте по его словам и делам, то нельзя не признать его самым лучшим, самым добрым человеком на земле, подающим каждому утеху в горе, благой совет в трудный час, ты его назовешь надежным водителем богатого, верным другом бедняка. Если же послушать, что говорят о нем доминиканцы, то он, благослови нас боже, – Гловер истово перекрестился, – «злейший еретик, которого следует через земной огонь отправить в огонь преисподней».

Смит тоже перекрестился и воскликнул:

– Пресвятая Мария! Как же это, отец Саймон, вы, такой добрый и разумный – вас люди так и называют: мудрый Гловер из Перта, – а дозволили дочери избрать духовным пастырем человека, который – да оградит нас рать святая! – может быть, состоит в союзе с нечистым! Помните, кто, как не священник, вызвал дьявола во время обедни, когда у Ходжа Джексона смело ветром дом?.. А в то утро, когда снесло наш великолепный мост, разве дьявол не явился на середине Тэя, облаченный в стихарь священника, и не прыгал по волнам, как форель?

– Являлся он или нет, сказать не могу, – ответил Гловер. – Знаю только, что я его не видал. А что касается Кэтрин, то никак нельзя утверждать, что она избрала своим духовным пастырем отца Климента, коль скоро ее исповедует старый доминиканец, отец Франциск, и не далее как сегодня она получила у него отпущение грехов. Но женщины бывают подчас своевольны, и она – признаюсь тебе – советуется с отцом Климентом чаще, чем мне бы хотелось. Однако когда я сам завожу с ним беседу, он мне представляется таким добрым, святым человеком, что я готов ему доверить и свое спасение. Правда, о нем идет дурная молва среди доминиканцев. Но что до того нам, мирянам, сынок? Наше дело – уплачивать матери-церкви что положено, раздавать милостыню, исповедоваться, приносить, как должно, покаяние, и святые отцы оградят нас от бед.

– И то верно. И они не осудят доброго христианина, – сказал кузнец, – за нечаянный или опрометчивый удар, нанесенный в схватке, когда противник защищался с оружием в руках, а то и сам на тебя напал, только с такою верой и можно человеку жить в Шотландии, как бы ни судила о том ваша дочь. Ей-богу, мужчина должен владеть мечом, или недолго жить ему на свете в стране, где его на каждом шагу подстерегает удар. Пять золотых в церковную казну сняли с меня вину за самого лучшего из тех, с кем в своей жизни я имел несчастье столкнуться.

– Допьем, однако, наш кувшин, – сказал старый Гловер, – на звоннице доминиканцев бьет как будто полночь. Послушай, Генри, сынок: едва начнет светать, стой под окном, что под крышей с восточного фасада нашего дома, и дай мне знать о своем приходе свистом, какой называется у Смита тихим. Я позабочусь, чтобы Кэтрин выглянула в окно, и тогда ты сделаешься ее полноправным Валентином до конца года. А уж если ты не сумеешь воспользоваться этим к своей выгоде, то я стану думать, что, хоть ты и прикрылся львиной шкурой, природа наградила тебя длинными ушами осла.

– Аминь, отец! – сказал оружейник. – Доброй вам ночи, от всего сердца! И да благословит Господь ваш кров и тех, кто под ним проживает. Вы услышите призыв Смита, едва прокричит петух. И уж я, поверьте, посрамлю господина Шантеклера^[53].

С этими словами он встал, распрощался и, чуждый всякому страху, но все же осторожно озираясь, двинулся по безлюдным улицам к своему дому, стоявшему в Милл-Уинде, на западной окраине Перта.

Глава IV

*А что нам в этой буре? Право слово
Одно круженье сердца молодого.^[54]*

Драйден

Отважный оружейник, как легко догадаться, не поленился исполнить то, о чем условился с человеком, которого он так хотел бы назвать своим тестем. Тщательней, чем обычно, совершил он свой туалет, стараясь принять возможно менее воинственный вид. Все же выйти на улицу безоружным представлялось ему слишком рискованным: весь город знал его в лицо, и, хотя у него тут было полно друзей, он давнишними своими подвигами нажил также немало смертельных врагов, которые его не пощадили бы, окажись на их стороне преимущество. Поэтому под кожаное полукафтанье он надел *секрет*, то есть кольчугу, такую легкую и гибкую, что она не больше стесняла движения, чем современный жилет, но притом достаточно надежную: он собственной рукой выковал и скрепил каждое ее звено. Далее, как подобало мужчине его лет и звания, он надел на себя фламандские штаны и праздничный голубой кафтан тонкого английского сукна на черной атласной подкладке и расшитый черным шелком. Одежду завершали башмаки дубленой козлиной кожи и плащ добротной шотландской шерсти, накинутый лишь для того, чтобы прикрыть заткнутый за пояс охотничий нож – единственное оружие, какое Смит позволил себе взять, в руке он держал только лозу остролиста. Черная бархатная шляпа между верхом и стеганой подбивкой таила стальную прокладку и, таким образом, надежно защищала голову.

В общем, Генри постарался приобрести тот вид, на который он имел все права, – вид богатого, влиятельного горожанина, одетого со всею внушительностью, какую может он себе придать, не преступив положенных его сословию границ и не притязая на внешность дворянина. Равно и вся его осанка, мужественная и прямая, хотя и говорила о полном пренебрежении опасностью, однако не позволяла причислить его к бандитам и бретерам его века, в чей разряд несправедливо зачисляли Генри-кузнеца многие его сограждане, утверждавшие, что на бесчисленные драки его толкал буйный и задиристый нрав, подкрепленный будто бы сознанием своей незаурядной физической силы и верой в свое оружие. Напротив, каждая его черта выдавала в нем человека простосердечного и доброго, который сам ни на кого не замышляет зла и не ждет обиды от других.

Нарядившись в лучшие свои одежды, честный Смит спрятал на груди у самого сердца (затрепетавшего при этом прикосновении) небольшую вещицу, которую давно припас в подарок Кэтрин Гловер: теперь, когда девица назовет его своим Валентином, он будет вправе преподнести ей свой дар, а она – принять его от друга, не погрешив против девичьей скромности. Это был выточенный в виде сердца рубин, пронзенный золотой стрелой и вложенный в кошелечек из стальных колец превосходной работы – хоть на королевскую кольчугу! По ободку кошелечка были выгравированы слова:

В грудь вошла Любви стрела –
Кольчуга сердца не спасла.

Оружейник немало поломал голову над этой эмблемой и очень был доволен своим трехстишием, которое таило мысль, что он своим искусством может защитить любое сердце,

но собственного не уберег. Он запахнул плащ на груди и быстро зашагал по улицам, еще безмолвным, решив явиться под указанное окно незадолго до рассвета.

С таким намерением шел он по Хай-стрит и, чтобы выйти на Кэрфью-стрит, свернул в проход, где сейчас храм Святого Иоанна, когда, посмотрев на небо, подумал, что, пожалуй, прибудет на целый час раньше времени и что лучше явиться на место свидания ближе к назначенному сроку. Вокруг дома пертской красавицы будут, верно, стоять на страже и другие искатели, и, зная свою слабую струну, Генри понимал, как легко может там завязаться ссора. «Мне дает преимущество, – размышлял он, – дружба старого Саймона. К чему же стану я марать руки в крови несчастных, на которых мне и смотреть-то не стоит, коль скоро им не выпала такая удача, как мне! Нет-нет, на этот раз я буду благоразумен и уклонюсь от соблазна вступить в драку. На ссору со мною моим соперникам остается ровно столько времени, сколько надо, чтобы я просвистел и старый Саймон отозвался на свист. Хотел бы я только знать, как отец заставит Кэтрин подойти к окну. Боюсь, если она разгадает его цель, он не легко добьется своего».

Прислушиваясь к своим тревожным мыслям, оружейник замедлил шаг и все чаще, поглядывая на восток, обводил взором небо, но в нем не было заметно даже легкой серой тени, предвестницы хотя бы далекой зари, которая в то утро, как мнилось нетерпеливому оружейнику, запаздывала против обычного и медлила занять восточную бойницу. Тихим шагом прошел он под стеной церкви Святой Анны (не преминув, едва лишь ступил на освященную землю, перекреститься и сказать про себя «Ave»¹², когда из часовни до него донесся голос:

– Мешкает тот, кому надо спешить.

– Кто говорит? – сказал, озираясь, оружейник, удивленный этим обращением, неожиданным и по тону и по смыслу.

– Мало ли кто, – ответил тот же голос. – Спеши явиться, или ты явишься поздно. Не трать даром слов, торопись.

– Святой ты или грешник, ангел или дьявол, – сказал Генри, осеняя себя крестом, – твой совет касается того, что мне всего дороже в мире, и я не могу пренебречь им. Во имя святого Валентина, бегу!

С этими словами он сменил свою медлительную поступь на такую быструю, что мало кто мог бы идти с ним вровень, и вмиг оказался на Кэрфью-стрит. Не прошел он и трех шагов по направлению к дому Саймона Гловера, стоявшему на середине узкой улицы, как из-за соседних домов выступили два человека и, словно сговорившись, подошли, преграждая ему путь. Тусклый свет позволил только различить, что на обоих были пледы горцев.

– Прочь с дороги, катераны! – крикнул оружейник грозным, гулким голосом, соответствовавшим его широкой груди.

Те не ответили – или Смит не расслышал. Но он увидел, что они обнажили мечи, собираясь остановить его силой. Заподозрив, что здесь кроется что-то недоброе, хоть и невдомек ему было, что именно, Генри решил проложить себе дорогу, сколько бы ни вышло на него врагов, и защитить свою даму или умереть у ее ног. Он перекинул плащ через левую руку – взамен щита – и двинулся быстро и твердо на тех двоих. Стоявший ближе сделал выпад, но Генри Смит, отразив удар плащом, левой рукой хватил противника по лицу и одновременно подставил ему ногу, так что тот, споткнувшись, растянулся на мостовой. Почти в то же мгновение он нанес ножом такой жестокий удар другому, налетевшему справа, что тот остался распростертый рядом со своим соратником. Оружейник между тем бросился вперед, охваченный тревогой, вполне основательной, коль скоро двое незнакомцев стояли среди улицы на страже, да еще позволили себе прибегнуть к насилию. Он уловил подавлен-

---

¹² «Радуйся (Мария)...» (лат.) – католическая молитва.

ный стон, услышал суматоху под окнами Гловера – под теми окнами, в одно из которых его должна была окликнуть Кэтрин, назвав своим Валентином.

Он перешел улицу, чтобы с той стороны вернее определить число противников и разгадать их умысел. Но один из ватаги, собравшейся под окном, заметил или услышал кузнеца и тоже перешел на другую сторону. Приняв его, очевидно, за своего, поставленного на страже, он шепотом спросил:

– Что там был за шум, Кеннет? Почему ты не дал нам сигнала?

– Негодяй! – вскричал Генри. – Ты разоблачил себя, и ты умрешь!

И он хватил незнакомца клинком с такою силой, что, наверно, исполнил бы свою угрозу, когда бы тот не поднял руки и не принял на нее удар, нацеленный в голову. Рана, как видно, была жестокая, потому что человек зашатался и упал, глухо застонав. Не уделяя ему больше внимания, Генри Смит ринулся вперед, на ватагу молодцов, приставлявших лестницу к окну светелки под крышей. Генри не остановился, чтобы сосчитать, сколько их там, или проверить, что они затевают. Прокричав призыв к тревоге и подав сигнал, по которому горожане привыкли являться на сбор, он устремился на полуночников, один из которых уже взбирался по лестнице. Кузнец рванул за ступеньку, сбросил лестницу на мостовую и, наступив на тело человека, залезшего было на нее, не давал ему встать на ноги. Его сообщники рьяно наскakивали на Генри, стараясь освободить приятеля. Но кольчуга сослужила свою службу кузнецу, и он с лихвой отплачивал нападавшим за каждый удар, громко при этом взывая:

– На помощь! На помощь! Сент-Джонстон в опасности!.. За клинки и луки, храбрые сограждане! За луки и клинки!.. Ломятся в наши дома под покровом ночи!

Эти слова, гулко разносившиеся по улицам, сопровождались частыми и крепкими ударами, которые оружейник щедро и отнюдь не впустую раздавал вокруг. Между тем обитатели Кэрфью-стрит, разбуженные, высыпали на улицу в ночных рубахах и с мечами, щитами, а иные и с факелами в руках. Нападавшие обратились в бегство – и все успешно скрылись кроме человека, сброшенного наземь вместе с лестницей. Бесстрашный оружейник в разгар драки схватил его за горло и цепко держал, как борзая зайца. Прочих раненых унесли с собой их товарищи.

– Какие-то мошенники вздумали нарушить мирный сон нашего города, – обратился Генри к сбежавшимся соседям. – Догоняйте мерзавцев. Они не все могли убежать, потому что я кое-кого из них пока лечил. Вас приведет к ним кровавый след.

– Не иначе как головорезы-горцы, – говорили горожане. – А ну, соседи, в погоню!

– Эге!.. Бегите, бегите!.. А я тут управлюсь с этим парнем, – продолжал оружейник.

Добровольцы кинулись во все стороны, замигали вдалеке их факелы, крики огласили всю округу.

Между тем пленник оружейника взмолился о свободе, пуская в ход посулы и угрозы.

– Ведь ты – дворянин, – сказал он, – позволь же мне уйти, и то, что было, тебе простится.

– Я не дворянин, – ответил Генри, – я Хэл из Уинда, гражданин Перта. И я не сделал ничего такого, что надо мне прощать.

– Негодяй, ты сам не знаешь, что ты сделал! Но отпусти меня, и я тебе отсыплю полную шапку червонцев.

– А я твою шапку наполню твоими же мозгами, – сказал оружейник, – если ты не будешь стоять смиренно, как положено пленнику.

– Что случилось, Гарри, сынок? – сказал Саймон, показавшись в окне. – Я слышу твой голос, но он звучит совсем не так, как я ожидал... Что значит этот шум? И почему соседи сбегаются, как по тревоге?

– Тут, отец Саймон, пыталась залезть к вам в окна целая ватага жуликов, но одного из них я, кажется, научу молиться Богу. Он здесь у меня, я держу его крепко, как железо в тисках.

– Послушай, Саймон Гловер, – вмешался пленник, – я должен сказать тебе два слова с глазу на глаз. Вызволь меня из железных лап этого меднолобого мужлана, и я тебе докажу, что никто не замышлял зла ни против тебя, ни против твоих домашних. Больше того – я сообщу тебе кое-что такое, что послужит к твоей выгоде.

– Голос мне знаком, – сказал Саймон Гловер, который к этому времени вышел уже на порог с потайным фонарем в руке. – Смит, сынок, предоставь мне самому переговорить с молодым человеком. Он нисколько не опасен, уверяю тебя. Постой минутку, где ты стоишь, и не давай никому войти в дом – ни врагу, ни защитнику. Поручусь тебе, что молодчик собирався только потешить доброй шуткой святого Валентина.

С этими словами старик втопил пленника через порог и закрыл за ним дверь, оставив Генри в недоумении, почему его будущий тесть так легко отнесся к происшедшему.

– Шутка! – проговорил кузнец. – Веселая получилась бы шутка, когда бы они забрались в девичью спальню!.. А они забрались бы непременно, не оклики меня честный, дружеский голос из бойницы, и если это и не был голос святой Анны (кто я такой, чтобы святая стала со мной разговаривать?), он все же не мог прозвучать в том месте без ее соизволения и согласия, и за это я обещаю поставить в ее храме восковую свечу длиной с мой клинок... И я жалею, что при мне этот нож, а не добрый мой двуручный меч, им бы я лучше послужил Сент-Джонстону и проучил бы негодяев. Что и говорить, короткие мечи – красивая игрушка, но она пригодна скорее для ребяческой руки, чем для мужской. Эх, мой старый двуручный Троян^[55], когда бы в этот час ты был в моей руке, а не висел у полога моей кровати, не так-то легко негодяи удрали бы с поля боя... Но сюда идут с горящими факелами, с обнаженными мечами... Го-го! Стой... Вы за Сент-Джонстон?.. Если вы друзья славного города, привет вам!

– Не посчастливилось нам на охоте, – заговорили горожане. – Кровавый след привел нас к доминиканскому кладбищу, и мы там подняли дичь – промеж могил бежали два молодца, поддерживая третьего, которого ты, видно, отметил своей меткой, Гарри. Но они прежде нас добрались до ворот и успели позвонить в колокол убежища. Ворота раскрылись, беглецы вошли... Так что теперь они в надежном укрытии, а нам остается залезть опять в остывшие постели и согреться под одеялами.

– Эх, – вздохнул один из горожан, – у добрых доминиканцев всегда какой-нибудь благочестивый брат караулит у ворот убежища, чтобы сразу отворить их перед бедным грешником, который попал в переделку и решил искать защиты у алтаря.

– Да, если бедный, гонимый грешник может хорошо заплатить, – возразил другой. – Но поистине, если он не только нищий духом, но и в кошельке у него пусто, он простоит за воротами, покуда гончие не схватят его.

Третий, несколько минут при свете факела разглядывавший землю под ногами, поднял теперь голову и заговорил. Это был веселый, бойкий толстенький человек, по имени Оливер Праудфьют, довольно богатый мастер и один из вожаков цеха шапочников, что, как видно, и дало ему основание говорить тоном человека, облеченного властью.

– Ты не скажешь нам, добрый Смит, – теперь, когда улицу заливал свет факелов, они узнали друг друга, – что это за люди подняли драку в нашем городе?

– Первые двое, кого я увидел, – ответил оружейник, – были, насколько я мог разглядеть, в пледах горцев.

– Похоже, похоже на то! – подхватил другой горожанин, покачивая головой. – Просто срам, что никак у нас не заделают пробоины в стенах и бродягам горцам, этим бездельникам, дают полную свободу темной ночью поднимать добрых людей с постели!

– Поглядите, соседи, – сказал Оливер Праудфьют, показывая подобранный им на земле предмет – сочившуюся кровью кисть руки. – Когда же такая рука завязывала ремни на брогах?^[56] Она большая, правда, и костлявая, но выхолена точно у леди, и кольцо на ней сверкает, как яркая свеча. Скажу без ошибки, Саймону Гловеру доводилось делать перчатки на эту руку – он ведь работает на всю придворную знать.

Зрители, отпуская свои замечания, принялись разглядывать кровавую находку.

– Ежели так, – сказал один, – Гарри Смигу впору удирать из города, да поскорее, потому что, когда дворянину отрубили руку, едва ли судейские почтут защиту дома пертского горожанина достаточным оправданием. Насчет увечий закон куда как суров!

– Ну не срам ли так говорить, Майкл Уэбстер! – ответил шапочник. – Разве мы не наследники и преемники доблестных древних римлян, построивших Перт по подобию их родного города? И разве нет у нас хартий, дарованных нам благородными королями, нашими родоначальниками, как их любящим вассалам? И вдруг мы отступимся от всех своих привилегий и вольностей, от прав и гарантий: насчет поимки с поличным и насчет вора, пойманного на взломе, и крови за кровь, и наложения денежных взысканий, и правил насчет выморочных имуществ и насчет товаров!.. Неужто мы потерпим, чтобы напали безнаказанно на дом честного горожанина? Нет, добрые соседи, искусные ремесленники, граждане Перта! Скорее Тэй потечет вспять к Данкилду^[57], чем мы примиримся с таким беззаконием!

– А чем тут можешь? – сказал степенный старый человек, который стоял, опершись на двуручный меч. – Что, по-твоему, могли бы мы сделать?

– Эх, бэйли^[58] Крейгдэлли, от вас уж я никак не ожидал такого вопроса! Вам бы как раз и отправиться прямо с места к его милости, нашему королю, поднять его с королевской его постели и доложить ему о нашей обиде, что вот заставляют нас вскакивать среди ночи и по такому холоду выбегать в одних рубахах! Я предъявил бы ему эту кровавую улику и услышал бы из его королевских уст, полагает ли он справедливым и законным, чтобы так обходились с его любящими вассалами рыцари и знатные особы из его распутного двора. Вот это означало бы горячо отстаивать нашу правду.

– Горячо, говоришь ты? – возразил старик. – Да, так горячо, что мы все околели бы, голубчик, от холода, прежде чем привратник повернул бы ключ в замке, чтобы пропустить нас к королю. Ладно, друзья, ночь холодная, мы как мужчины несли стражу, и наш честный Смит дал хорошее предостережение каждому, кто вздумает нас обижать, а это стоит двадцати королевских запретов. С зарею настанет новый день, и мы обсудим дело на этом самом месте и порешим, какие меры принять нам, чтоб изобличить и наказать негодяев. А теперь давайте разойдемся, пока у нас не застыла в жилах кровь.

– Верно, верно, сосед Крейгдэлли... Во славу Сент-Джонстона!

Оливер Праудфьют был не прочь поговорить еще, ибо он был одним из тех беспощадных ораторов, которые полагают, что их красноречие вознаграждает за все неудобства времени, места и обстановки. Но никто не пожелал слушать, и горожане разбрелись по домам при занимающейся заре, уже исчертившей алыми полосами небо на востоке.

Только народ разошелся, как в доме Гловера отворилась дверь, и старик, схватив Смита за руку, втащил его в дом.

– Где пленный? – спросил оружейник.

– Его нет... Он скрылся... бежал... почему я знаю? – сказал Гловер. – Черным ходом, через садик – и был таков! Нечего думать о нем, заходи и взгляни на свою Валентину, чью честь и жизнь ты спас сегодня утром.

– Дайте мне хоть отереть клинок, – сказал Смит, – хоть руки вымыто.

– Нельзя терять ни минуты – она уже встала и почти одета. Идем, приятель. Пусть увидит тебя с оружием в руке и с кровью негодяя на пальцах, чтобы знала цену службе насто-

ящего мужчины. Она слишком долго затыкала мне рот своими рассуждениями о совести и чистоте. Пусть же поймет, чего стоит любовь храброго человека и доброго гражданина!

Глава V

*Встань, дева! Косы расчеши,
На волю выйти поспеши,
В прохладу, веющую с пашни.
Давно кричат грачи над башней!^[59]*

Джоанна Бейли

Пробужденная ото сна шумом схватки, пертская красавица, чуть дыша от ужаса, прислушивалась к доносившимся с улицы крикам и стуку мечей. С мольбой о помощи она упала на колени, а услышав голоса друзей и соседей, сбегавшихся на ее защиту, перешла, не поднимаясь, к благодарственным молитвам. Она все еще стояла на коленях, когда ее отец чуть ли не впихнул к ней в светелку Генри Смита, ее спасителя. Робкий влюбленный упирался – сперва из боязни оскорбить девицу, а потом, увидав ее коленопреклоненной, из уважения к ее благочестию.

– Отец, – сказал оружейник, – она молится... Я не смею с ней заговорить, как не смел бы прервать епископа, когда он служит обедню.

– Ну, завел свое, отважный и доблестный олух! – сказал ее отец и, обратившись к дочери, добавил: – Мы лучше всего отблагодарим небо, доченька, если вознаградим по заслугам наших ближних. Вот перед тобою тот, кого Господь избрал своим орудием, чтобы спасти тебя от смерти, а может быть, и самого худшего – от бесчестья. Прими его, Кэтрин, как верного своего Валентина и того, кого я желал бы назвать своим любезным сыном.

– Потом, отец! – возразила Кэтрин. – Сейчас я никого не могу видеть... ни с кем не могу говорить. Не примите это за неблагодарность – я, может быть, слишком благодарна тому, кто стал орудием нашего спасения, – но позволь мне сперва помолиться святой заступнице, во благовремение пославшей нам избавителя... и дай мне минутку, чтоб надеть платье.

– Ну, слава богу, девочка! Одевайся на здоровье, уж в этом тебе отказа не будет: первый раз за последние десять дней ты заговорила как женщина. В самом деле, Гарри, хотел бы я, чтобы моя дочь отрешилась от своей нерушимой святости, пока не настала пора причислить ее к лику святых, как вторую святую Екатерину.

– Нет, кроме шуток, отец! Клянусь вам, у нее уже есть по меньшей мере один искренний почитатель, готовый служить ей на радость так преданно, как только способен грешный человек. Итак, я на время прощаюсь с тобой, прекрасная дева, – заключил он с жаром, – и да пошлет тебе небо сны столь же мирные, как мирны твои помыслы, когда ты не спишь. Я пойду охранять твой покой – и горе тому, кто посмеет его нарушить!

– Мой добрый и отважный Генри, чье горячее сердце и так вечно не в ладу с безрассудной рукой! Не ввязывайся больше этой ночью ни в какие споры. Прими, однако, мою искреннюю признательность и постарайся, чтобы мысли твои стали такими же мирными, какими кажутся тебе мои. Завтра мы встретимся, и ты уверишься в моей благодарности. Прощай!

– Прощай, владычица и свет моего сердца! – сказал оружейник.

Сойдя с лестницы, что вела в комнатку Кэтрин, он хотел уже выйти на улицу, когда Гловер подхватил его под руку:

– Я готов радоваться этой ночной драке, как никогда еще не радовался звону мечей, если, Гарри, она и впрямь образумила мою дочь и научила ее ценить тебя по заслугам. Слава

святому Макгридеру!¹³ Я даже чувствую нежность к этим озорникам, и мне жаль злополучного влюбленного, которому уже никогда не придется носить на правой руке шеврон. Эх! Бедняга до могильной доски будет чувствовать свою утрату, особенно когда станет надевать перчатки... Да, впредь он будет платить нам за наше искусство половинную плату... Нет, оставь, нынче ни на шаг от этого дома! – продолжал он. – Ты не должен от нас уходить, никак не должен, сынок!

– Я не уйду. Но, с вашего разрешения, покараулю на улице. Нападение может повториться.

– Когда так, – сказал Саймон, – тебе способнее будет отогнать их, оставаясь в стенах дома. Такое ведение боя наиболее подобает нам, горожанам, – отбиваться из-за каменных стен. Этому мы хорошо научились, выполняя повинность по несению стражи. К тому же в эту ночь было довольно переполоха и шума, нам обеспечены мир и покой до утра. Ступай же за мной.

С этими словами он потащил охотно сдавшегося Генри в то самое помещение, где они ужинали и где старуха, которую, как и других, подняло на ноги ночное сражение, быстро развела огонь.

– А теперь, мой доблестный сын, – сказал Гловер, – чего бы ты хотел выпить за здоровье твоего отца?

Генри Смит дал усадить себя на дубовую скамью и сидел, не отводя глаз от огня, бросавшего красные отсветы на его мужественное лицо. Он вполголоса бормотал про себя:

– «Добрый Генри»... «отважный Генри»... Ах! Если бы она сказала «милый Генри»!

– Это что за напитки? – рассмеялся старый Гловер. – Таких в моем погребе нет. Но если херес, или рейнское, или гасконское подойдут для этого случая, скажи только слово, и запенятся чаши... Так-то!

– «Горячая признательность», – продолжал вполголоса оружейник. – Такого она мне раньше никогда не говорила: «горячая признательность»... Смысл этих слов не слишком ли растяжим?

– Он окажется, друг, растяжим, как шкурка козленка, – сказал Гловер, – если только ты положишься во всем на меня. Ответь же, чего ты хочешь выпить за завтраком?

– Чего вам самим угодно, отец, – небрежно сказал оружейник и снова принялся перебирать сказанные ему Кэтрин слова. – Она упомянула о моем горячем сердце, но упомянула и о моей безрассудной руке. Как же мне избавиться от своего пристрастия к драке? Конечно, проще всего отрубить себе правую руку и пригвоздить к церковным дверям, чтобы Кэтрин больше никогда меня ею не попрекала.

– Довольно и одной отрубленной руки за эту ночь, – сказал его друг и поставил на стол кувшин вина. – Что ты себя терзаешь, приятель? Она любила бы тебя вдвое горячее, когда б не видела, как ты перед ней благоговеешь. Но дело приняло теперь иной оборот. Не могу я жить под вечной угрозой, что проклятые головорезы, прихвостни придворной знати, разграбят мою лавку и разнесут мой дом, потому что мою дочь, изволите ли видеть, прозвали пертской красавицей! Нет, я ей покажу, что я ее отец и требую того повиновения, на какое дают мне право закон и Священное Писание. Я хочу видеть ее твоей женой, Генри, мое золотое сердце! Твоею женой, мой храбрец, и не далее как через несколько недель. Ну, ну! За твою веселую свадьбу, славный мой Смит!

Отец осушил большую чашу и наполнил ее вновь для своего названного сына, который медленно поднес ее ко рту, но, даже не пригубив, вдруг поставил на стол и покачал головой.

---

¹³ Название местности близ Перта, именуемой в просторечии Экклзмагерди (Ecclesia Macgirdi), еще оберегает от полного забвения память об этом древнегэльском святом. (Примеч. авт.)

– Ну, ежели ты не принимаешь такую здравицу, не знаю, кому же ее принять, – сказал Саймон. – Что тебя смутило, неразумный мальчик? Тут счастливый случай, можно сказать, отдает мою дочь в твою власть, потому что весь город из конца в конец станет ее срамить, если она откажет тебе. Тут я, ее отец, не только согласен ударить по рукам и сладить ваш брак, но от души хочу видеть вас соединенными так крепко, как не сшила бы игла сафьян. И когда все на твоей стороне – и судьба, и отец, и все вокруг, – ты смотришь безумным, как влюбленный из баллады, который скорее бросится в Тэй, чем начнет ухаживать за девицей, между тем как посвататься к ней проще простого – только улучи счастливую минуту!

– Да, отец, счастливую минуту! А я спрашиваю, возможна ли она, та счастливая минута, когда Кэтрин глянет на землю и ее обитателей и склонит слух к такому грубому, невежественному, неотесанному человеку, как я? Не могу вам объяснить, почему это так, отец: я высоко держу голову, не уступая в том другим мужчинам, но перед святостью вашей дочери падаю духом и не могу не думать, что это было бы чуть ли не кощунством – как ограбление храма, – если бы я вдруг снискал ее любовь. Все ее помыслы направлены к небу – не на таких, как я, расточать их!

– Как хочешь, Генри, – ответил Гловер. – Я тебя не собираюсь окрутить, моя дочь – еще того меньше, а честное предложение – не повод для ссоры. Но если ты думаешь, что я поддамся ее глупым бредням о монастыре, так будь уверен, никогда я на такое дело не пойду! Церковь я люблю и чту, – сказал он, перекрестившись. – Я сполна выплачиваю ей что следует, без принуждения и в срок – и десятину и всяческие взносы на милостыню, на вино, на воск, выплачиваю исправно, говорю я, как каждый обыватель Перта, если он, как я, располагает средствами. Но я не могу отдать церкви мою единственную овечку, последнее, что осталось у меня на свете. Ее мать была мне дорога на земле – теперь она ангел в небесах. Одно и осталось мне на память об утраченной – моя Кэтрин, и если она пострижется в монахини, то не раньше, чем закроются навеки эти старые глаза... А ты, друг мой Гоу, прошу тебя, поступай так, как самому тебе кажется лучше. Будь спокоен, я ее в жены тебе не навязываю.

– Ну вот, опять! Слишком крепко бьете! – сказал Генри. – Этим у нас всегда кончается, отец: вы на меня в обиде, потому что я не решаюсь сделать то, что превратило бы меня в счастливейшего человека на земле, когда бы в моей власти было это сделать... Эх, отец, пусть самый острый кинжал, какой я выковал в жизни, пронзит сейчас мое сердце, если оно хотя бы крохотной своей частицей не принадлежит вашей дочери больше, чем мне самому. Но что поделаешь! Не могу я думать о ней хуже, чем она того заслуживает, или считать себя лучше, чем я есть, и то, что вам представляется легким и возможным, для меня так же трудно, как если бы требовалось сделать стальные латы из оческов льна. Но... за ваше здоровье, отец, – добавил он более веселым тоном, – и за мою прекрасную святую, за Валентину мою, как я надеюсь называть по праву весь этот год вашу дочь. И не буду больше вас задерживать – пора вам склонить голову на подушку да понежиться в перинах до рассвета, а там вы сами проведете меня в спальню вашей дочери: это будет мне оправданием, когда я войду непрошенный пожелать ей доброго утра – самой прекрасной среди всех, кого разбудит солнце в нашем городе и на много миль вокруг!

– Недурной совет, сынок! – сказал честный Гловер. – А сам ты как? Ляжешь рядом со мною или поделишь постель с Конахаром?

– Ни то и ни другое, – ответил Гарри Гоу. – Я только помешал бы вам уснуть. Это кресло для меня не хуже пуховой постели, я сосну, как спят на часах, не распоясываясь. – С этими словами он положил руку на эфес своего меча. – Бог даст, не придется нам больше прибегать к оружию. Спокойной ночи, или, вернее сказать, доброго утра. До рассвета, друг, и кто первый проснется – разбудит другого.

Так расстались два горожанина. Гловер лег в постель и, надо полагать, заснул. Влюбленному уснуть не удалось. На крепком теле его нисколько не сказалося утомление этой

трудной ночи, но его духовный склад был более тонок. Со стороны посмотреть – увидишь только здорового горожанина, равно гордящегося и своим искусством в выделке оружия и ловкостью, с какой он пускал его в ход, профессиональное рвение, физическая сила и совершенное владение оружием то и дело подстрекали его к драке, и потому он многим внушал страх, а в иных случаях и неприязнь. Но с этими свойствами уживалось в кузнеце простое, детское добросердечие и в то же время пламенное воображение и восторженность, не вязавшиеся, казалось бы, с его прилежной работой у горна и его воинственным обычаем. Возможно, игра и пылкость чувства, воспитанные в нем старинными балладами или романами в стихах – единственным источником всех его сведений и знаний, – толкали его на многие подвиги, зачастую отмеченные простоватой рыцарственностью. Во всяком случае, его любовь к Кэтрин отличалась утонченностью, какая могла быть свойственна тому художественному оруженосцу, которого, если песня не лжет, дарила улыбками некая венгерская королева^[60]. Его чувство к своей избраннице было поистине таким возвышенным, как если бы устремлено было к доподлинному ангелу, и поэтому у старого Саймона, да и у других, зародилось опасение, что, слишком светлое и благоговейное, оно не встретит ответа у смертного существа. Они, однако, ошибались. Кэтрин, как ни была она скромна и сдержанна, обладала сердцем, способным чувствовать, и понимала истинную природу глубокой страсти оружейника. И была ли она склонна отвечать на нее или нет, она втайне гордилась преданностью грозного Генри Гоу, как могла бы гордиться героиня романа дружбой ручного льва, который всюду следует за нею, опекая и защищая ее. С самой искренней благодарностью вспомнила она, пробудившись на рассвете, об услуге, оказанной ей в эту бурную ночь Генри Смитом, и первый помысел ее был о том, как дать ему понять свои чувства.

Торопливо, слегка стыдясь задуманного, встала она с постели. «Я была с ним слишком холодна, – говорила она себе. – Хоть и не могу я уступить его домогательствам, я не стану ждать, когда отец принудит меня принять его на этот год Валентином: выйду ему навстречу и сама его выберу! Я считала слишком смелыми других девиц, когда они делали что-либо такое, но я наилучшим образом угожу отцу и послужу, как требует обряд, доброму святому Валентину, если на деле выкажу благодарность этому честному человеку».

Одевшись торопливо и куда менее тщательно, чем обычно, сбежала она по лестнице и распахнула дверь той комнаты, где, как она угадала, ее защитник отдыхал после ночного сражения. На пороге Кэтрин остановилась, ей вдруг стало страшно: как исполнить свое намерение? Обычай не только позволял – он требовал, чтобы свой союз на год Валентины скрепили дружеским поцелуем. И считалось особенно счастливым предзнаменованием, если одному из них случалось застать другого спящим и разбудить, выполняя этот приятный обряд.

Кому и когда случай более благоприятствовал установить эту связь, освященную таинством? После долгих противоречивых размышлений богатырь оружейник, сморенный сном, так и уснул, сидя в кресле. Во сне черты его лица казались тверже и мужественней, чем они всегда представлялись Кэтрин: в ее присутствии его черты обычно отражали то застенчивость, то боязнь вызвать ее недовольство, и девушка привыкла считать, что лицу Генри Смита свойственно глуповатое выражение.

«Как суров он с виду! – думала она. – Что, если он разгневан... и вдруг проснется... а мы тут одни... Позвать Дороти?.. Разбудить отца?.. Но нет! Ведь таков обычай, и он будет исполнен с чистой девичьей и сестринской любовью и почтением. Я не должна опасаться, что Генри примет это иначе, и не могу я позволить ребяческой стыдливости взять верх над моей благодарностью!»

С такой мыслью она легкой, хоть и неуверенной поступью прошла на цыпочках по комнате, щеки ее вспыхнули при мысли о том, что она задумала, и, проскользнув к креслу, в котором спал кузнец, она коснулась его губ поцелуем – таким легким, точно упал на них розовый лепесток. Видно, не крепок был сон, если могло его прогнать такое прикоснове-

ние, и спящему снилось, видно, нечто связанное с тем, что его разбудило, потому что Генри, мгновенно вскочив, схватил девушку в объятия и попытался весьма пылко ответить на приветствие, нарушившее его отдых. Но Кэтрин воспротивилась, и так как на сопротивление ее толкала скорее скромность, чем девичья робость, влюбленный в смущении позволил ей вырваться из его рук, из которых вся ее сила, хоть в двадцать раз умноженная, не освободила бы девушку.

– Не сердись, добрый Генри, – самым мягким голосом сказала Кэтрин изумленному оружейнику. – Я почтила святого Валентина, чтобы показать, как я ценю товарища, которого он мне посылает на этот год. Пусть только придет отец, и в его присутствии я не осмелюсь отказать тебе в вознаграждении, какого ты вправе спросить за прерванный сон.

– За мною дело не станет! – молвил старый Гловер, радостно ворвавшись в комнату. – Держи ее, Смит... держи... куй железо, пока горячо, и покажи ей, что бывает, если забыть поговорку: «Не тронь собаку, когда она спит».

Поощренный такими словами, Генри, хоть и не с прежним чрезмерным жаром, снова обнял заалевшуюся девушку, довольно благосклонно принявшую его ответный поцелуй, десять раз повторенный и куда более крепкий, чем тот, что вызвал этот бурный порыв. Наконец Кэтрин снова высвободилась из объятий своего почитателя и, словно сама раскаиваясь и страшась того, что сделала, бросилась в кресло и закрыла руками лицо.

– Веселее, глупая ты девчонка, – сказал отец, – ты сегодня осчастливила двух человек в Перте, и этого ты не должна стыдиться, потому что один из них – твой старик отец. Никогда еще никого так не целовали, и вполне справедливо было бы должным образом воздать эти поцелуи. Посмотри на меня, дорогая! Посмотри на меня и дай мне увидеть улыбку на твоих губах. Честное слово, солнце, которое сейчас взошло над нашим городом, не осветит ничего, что могло бы порадовать меня сильнее. Ну вот, – продолжал он шутливо, – или ты вообразила, что обладаешь кольцом Джейми Кедди и можешь расхаживать невидимкой?¹⁴ Нет, моя предрассветная фея! Только я собрался встать, как услышал, что дверь твоей спальни отворилась, и я сошел за тобой следом по лестнице – не для того, чтобы защитить тебя от заспавшегося Генри, а чтоб увидеть своими собственными восхищенными глазами, как моя любимая дочка совершит по доброй воле то, что должно порадовать ее отца... Ну отними же от лица свои глупенькие ручки, и, если ты слегка покраснела, что ж, это тем угоднее святому Валентину на рассвете его дня, когда румянец как нельзя лучше идет девичьим щекам.

С такими словами Саймон Гловер мягким усилием развел руки дочери, в которых спрятала она лицо. Оно и впрямь залилось яркой краской, но его черты отразили нечто большее, чем только девичий стыд, а глаза наполнились слезами.

– Как! Ты плачешь, дорогая? – продолжал ее отец. – Нет-нет, это уж слишком, Генри, помоги мне утешить эту глупышку.

Кэтрин напряжением воли преодолела свою растерянность и улыбнулась, но улыбка получилась печальная и серьезная.

– Пойми, отец, – заговорила пертская красавица все еще через силу, – избрав Генри Гоу своим Валентином и подарив ему право утреннего поцелуя, как требует обычай, я только хотела изъяснить ему свою благодарность за его мужественную и верную службу, а тебе – свое дочернее повиновение... Но не внушай ему мысли... и, ах, дорогой отец, не подумай сам, что это означает что-либо еще, кроме обещания с моей стороны быть ему верной и преданной Валентиной в течение года.

---

¹⁴ Существует предание, что некто Кедди, портной, в давние дни нашел в пещере одного из романтических холмов Кишоула, близ Перта, волшебное кольцо, обладавшее свойствами кольца Гига*. (Примеч. авт.)* ... кольца Гига... – По античному мифу, пастух Гиг нашел волшебное кольцо, обладавшее свойством делать его владельца невидимым. С помощью этого кольца Гиг стал царем малоазиатского государства Лидии.

– Ну-ну-ну! Это всё мы знаем, – сказал Саймон тем тоном увещания, каким нянюшки говорят с детьми. – Мы знаем, как это надо понимать, пока, для начала, довольно. Не тревожься, тебя никто не торопит... Вы – любящие, верные, настоящие Валентины, а прочее – как позволит небо и счастливый случай. Успокойся, прошу тебя, не ломай ты свои маленькие ручки и не бойся грубых домогательств. Ты вела себя храбро и хорошо... А теперь ступай к Дороти, разбуди ее, старую лежебоку, пусть приготовит нам основательный завтрак – будет очень кстати после тревожной ночи и радостного утра. Да и сама приложи руки, чтобы угостить нас вкусным печеньем, какое только ты одна умеешь печь, и ты, конечно, вправе хранить свою тайну, потому что тебя посвятила в нее... Эх! Упокой Господь душу дорогой твоей матери! – добавил он со вздохом. – Уж как бы она порадовалась такой счастливой встрече Валентинова дня!

Кэтрин ухватилась за этот предлог, нарочно ей предоставленный, и ускользнула в свою комнату. Генри показалось, будто солнце скрылось с неба среди бела дня и мир неожиданно погрузился в темноту. Даже светлые надежды, порожденные последним происшествием, угасли, когда он стал припоминать внезапную перемену в поведении девушки, слезы на ее глазах... явный страх, читавшийся в чертах лица... и ее усердное старание показать так ясно, как только позволяла учтивость, что, подарив его поцелуем, она только исполнила обряд, установленный для Валентинова дня. Ее отец с удивлением и недовольством глядел в его помрачневшее лицо.

– Во имя святого Иоанна! Чем же ты так расстроился? Смотришь угрюмым сычом, когда всякий на твоём месте, если бы впрямь любил без ума мою бедную девочку, был бы сейчас весел, как жаворонок!

– Увы, отец! – отвечал, приуныв, оружейник. – Это же у нее как на лбу написано! Она любит меня настолько, чтобы сделаться моей Валентиной – тем более что вам это желательно, – но не настолько, чтобы стать моей женой.

– Чума на тебя, гусак ты безмозглый, рыба кровь! – обозлился отец. – Я тоже умею читать в женском лице, и уж получше, чем ты! Ничего похожего на ее лице не написано. Подумай, гром тебя разрази: ты лежал тут в кресле, как лорд, и спал себе, что твой судья, – а люби ты настоящей любовью, ты бы глядел не отрываясь на восток, подстерегал первый луч солнца. И вот ты лежишь да, верно, еще и похрапываешь, нимало не помышляя о ней и ни о чем на свете. А бедная девочка встает чуть свет, чтобы не подцепила другая ее бесценного недремлющего Валентина, и будит тебя лаской, которая – помоги нам святой Макгридер! – оживила бы наковальню. И что же? Ты просыпаешься и начинаешь тут ныть, и чудить, и плакаться, точно тебе прижгло губы горячим железом! Жаль, что она не подслала вместо себя старую Дороти, чтобы тебе нести Валентинову службу при беззубой старухе, при мешке с костями! Во всем Перте не сыщешь лучшей Валентины для такого трусливого почитателя!

– Трусливого, отец? – переспросил Смит. – Двадцать бойких петухов, которым я обломал гребни, могут вам сказать, трус я или нет. И видит небо, я отдал бы кусок земли, которым владею как пертский гражданин, и в придачу мой горн, мехи, тиски, наковальню, чтобы все взаправду было так, как рисуется вам. Но я говорю не о смущении Кэтрин, не о ее стыдливом румянце: я о бледности ее говорю, которая так быстро согнала его со щек, о набежавших слезах. Это было как апрельский ливень: подкрадется вдруг и затянет мглой самую ясную зарю, какая когда-либо рассветала над Тэем...

– Та-та-та – перебил Гловер. – Рим да и Перт не в один день строились. Ты же тысячу раз удил лосося – неужто ничему не научился? Когда рыба схватила живца, если тут же резко рванешь, леса оборвется, будь она хоть из железной проволоки. Приотпусти, дружок, дай рыбе заглотать поглубже, спокойно выжидай, и через полчаса она будет лежать рядышком на берегу... Начало отличное – лучшего и пожелать нельзя. Не мог же ты ждать, что бедная девушка сама придет к тебе в постель, как подошла к твоему креслу. Скромные девицы так не

поступают. Вот что, друг! Когда мы позавтракаем, я устрою, чтобы тебе представился случай поговорить с ней по душам. Только смотри не слишком робей, но и не слишком нажимай. Исподволь тяни – как с лососем. Не дергай поспешно, и я головой поручусь за исход.

– Как бы я ни действовал, отец, – ответил Генри, – всегда я буду у вас виноват: либо скажете, что я был слишком осторожен, либо – что слишком напорист. Я отдал бы лучший панцирь, какой случалось мне выковать, чтобы и вправду дело стояло за мной одним. Тогда проще было бы устранить помеху. Но признаюсь, я стою осел ослом и не знаю, как речь заведу, когда подойдет пора.

– Пройдем со мной в мастерскую, сынок, и я тебе подсоблю – дам предлог заговорить с Кэтрин. Ты же знаешь, когда девица осмелилась поцеловать спящего мужчину, она от него получает пару перчаток. Пройдем в мастерскую, там найдется для тебя пара из самого тонкого сафьяна – и как раз по ее руке... Я думал о ее бедной матери, когда кроил их, – добавил со вздохом честный Саймон, – и, кроме Кэтрин, я во всей Шотландии не знаю женщины, которой они пришлись бы впору, хоть мне и приходилось снимать мерку у первейших придворных красавиц. Пойдем, говорю, и будет у тебя с чего начать разговор. Язык развяжется – только пусть отвага и осторожность вдвоем стоят подле тебя на страже, когда ты пустишься любезничать с девицей.

Глава VI

*...Вовеки Катарина
Мужчине руку не отдаст^[61].*

«Укрощение строптивой»

Подали завтрак, появились на столе медовые коржики, тонкие, легкие, изготовленные по семейному рецепту, и отец с гостем не только расхваливали их с понятным пристрастием, но и щедро воздали им должное тем способом, который служит лучшим испытанием для всякого рода печений и пудингов. Шел разговор – с шутками, со смехом. Кэтрин уже восстановила свое душевное равновесие там, где обычно дамы и девицы того времени его легко теряли, а именно – на кухне, за хозяйственными делами, в коих знала толк. Не думаю, чтобы чтение Сенеки могло бы за столь же короткое время вернуть ей спокойствие духа^[62].

Подсела к столу и старая Дороти, как полагалось по домашнему укладу той поры, и мужчины так увлеклись своей беседой, а Кэтрин так занята была отцом и гостем, которым прислуживала, или собственными мыслями, что старуха первая заметила отсутствие юного Конахара.

– А ведь и правда, – сказал хозяин. – Ступай, покличь его, этого бездельника горца. Его не видно было и ночью во время драки – мне, по крайней мере, он не попадался на глаза. А из вас кто-нибудь видел?

Все ответили, что нет. А Генри Смит добавил:

– Временами горцы умеют залечь так же тихо, как их горные олени... и так же быстро бежать в минуту опасности. Это я видел своими глазами – и не раз!

– Но и не раз бывало, – подхватил Саймон, – что король Артур со всем своим Круглым столом^[63] не мог устоять перед ними. Я попросил бы тебя, Генри, уважительней говорить о горцах. Они часто навдываются в Перт, поодиночке и большими отрядами, с ними надобно жить в мире, покуда они сами хотят быть в мире с нами.

Оружейнику хотелось ответить резкостью, но он благоразумно смолчал.

– Ты же знаешь, отец, – сказал он с улыбкой, – мы, ремесленники, больше любим тех, на ком можно заработать, мое ремесло рассчитано на доблестных и знатных рыцарей, на благородных оруженосцев и пажей, на дюжих телохранителей и прочих людей, носящих оружие, которое мы куем. Я, понятное дело, больше уважаю Рутвенов, Линдсеев, Огилви, Олифантов и многих других наших храбрых и благородных соседей, облаченных, подобно паладинам, в доспехи моей работы, нежели этих голых и жадных горцев, которые никогда нас не уважают. Ведь у них на целый клан только пять человек носят ржавую кольчугу, такую же ветхую, как их браттах¹⁵, да и та сработана кое-как косолапым деревенским кузнецом, который не состоит в нашем почтенном цехе, не посвящен в тайны нашего искусства, а просто орудует молотом в кузне, где раньше работал его отец. Нет, скажу я, такой народ немного стоит в глазах честного мастера.

– Ладно, ладно! – ответил Саймон. – Прошу тебя, оставь ты этот разговор, потому что сейчас придет сюда мой лоботряс, и, хоть нынче праздник, не хочу я на завтрак кровавого пудинга.

Юноша действительно вошел бледный, с красными глазами, все в нем выдавало душевное смятение. Он сел к столу у нижнего конца, напротив Дороти, и перекрестился, как

---

¹⁵ Знамя.

будто приготовившись к утренней трапезе. Видя, что сам он ничего не берет, Кэтрин положила на тарелку несколько коржиков, так всем понравившихся, и поставила перед ним. Он сперва угрюмо отклонил любезное угощение, когда же она с ласковой улыбкой предложила снова, он взял один коржик, разломил и хотел съесть, но только через силу, чуть не давясь, проглотил кусочек и больше не стал.

– Что-то плохой у тебя аппетит для Валентинова дня, Конахар, – благодушно сказал хозяин. – Спал ты, видать, очень крепко, если тебя не потревожил шум потасовки. А я-то полагал – появишься опасность за милою от нас, истый глунами при первом же шорохе, оповестившем о ней, станет с кинжалом в руке бок о бок со своим мастером.

– Я слышал только смутный шум, – сказал юноша, и лицо его внезапно вспыхнуло, как раскаленный уголь, – и принял его за крики веселых бражников, а вы мне всегда наказываете не отворять окон или дверей и не поднимать тревогу в доме по всякому глупому поводу.

– Хорошо, хорошо, – сказал Саймон. – Я думал, горец все-таки умеет отличить звон мечей от треньканья арф, дикий военный клич – от веселых здравиц. Но довольно об этом, мальчик. Я рад, что ты перестаешь быть задирой. Управляйся с завтраком, потому что у меня к тебе есть поручение, и спешное.

– Я уже позавтракал и сам спешу. Отправляюсь в горы... Вам не нужно что-нибудь передать моему отцу?

– Нет, – ответил Гловер в удивлении. – Но в уме ли ты, мальчик? Что гонит тебя, точно вихрем, вон из города? Уж не угроза ли чьей-либо мести?

– Я получил неожиданное сообщение, – сказал Конахар, с трудом выговаривая слова, но затруднял ли его чужой для него язык или что другое, нелегко было понять. – Будет сходка, большая охота...

Он запнулся.

– Когда же ты вернешься с этой чертовой охоты – спросил мастер, – если мне разрешается полюбопытствовать?

– Не скажу вам точно, – ответил подмастерье. – Я, может быть, и вовсе не вернусь, если так пожелает отец, – добавил он с напускным безразличием.

– Когда я брал тебя в дом, – проговорил сурово Саймон Гловер, – я полагал, что с этими шутками покончено. Я полагал, что если я, при крайнем моем нежелании, взялся обучить тебя честному ремеслу, то больше и речи не будет о большой охоте или о военном сборе, о клановых сходках и о всяких таких вещах!

– Меня не спрашивали, когда отправляли сюда, – возразил надменно юноша. – Не могу вам сказать, какой был уговор.

– Но я могу сказать вам, сэр Конахар, – разгневался Гловер, – что так поступать непорочно: навязался на шею честному мастеру, испортил ему столько шкур, что вовек не окупит их своею собственной, а теперь, когда вошел в лета и может уже приносить хоть какую-то пользу, он вдруг заявляет, что, мол, желает сам располагать своим временем, точно оно принадлежит ему, а не мастеру!

– Сочтется с моим отцом, – ответил Конахар. – Он вам хорошо заплатит – по французскому барашку¹⁶ за каждую испорченную шкуру и по тучному быку или корове за каждый день, что я был в отлучке.

– Торгуй с ними, друг Гловер, торгуй! – жестко сказал оружейник. – Тебе заплатят щедро, хотя едва ли честно. Хотел бы я знать, сколько они вытрясли кошельков, чтобы туго

---

¹⁶ Французская золотая монета (mouton) называвшаяся так потому, что на ней было выгравировано изображение ягненка. (Примеч. авт.)

набить свой спорран¹⁷, из которого так широко предлагают золото, и на чьих это пастбищах вскормлены те тучные быки, которых пригонят сюда по ущельям Грэмпиана.

– Ты мне напомнил, любезный друг, – ответил юный горец, высокомерно обратившись к Смигу, – что и с тобой мне нужно свести кое-какие счета.

– Так не попадайся мне под руку, – бросил Генри, протянув свою мускулистую руку, – не хочу я больше подножек... и уколов шилом, как в минувшую ночь. Мне нипочем осиное жало, но я не позволю осе подступиться слишком близко, если я ее предостерег.

Конахар презрительно улыбнулся.

– Я не собираюсь наносить тебе вред, – сказал он. – Сын моего отца оказал тебе слишком много чести, что пролил кровь такого мужлана. Я заплачу тебе за каждую каплю и тем ее сотру, чтобы больше она не пятнала моих пальцев.

– Потихше, хвастливая мартышка! – сказал Смит. – Кровь настоящего мужчины не расценивается на золото. Тут может быть только одно искупление: ты пройдешь в Низину на милю от Горной Страны с двумя самыми сильными молодцами своего клана, я ими займусь, а тебя тем часом предоставлю проучить моему подмастерью, маленькому Дженкину.

Тут вмешалась Кэтрин.

– Успокойся, мой верный Валентин, – сказала она, – если я вправе тебе приказывать. Успокойся и ты, Конахар, обязанный мне повиновением, как дочери своего хозяина. Нехорошо поутру вновь будить ту злобу, которую ночью удалось усыпить.

– Прощай же, хозяин, – сказал Конахар, снова смерив Смита презрительным взглядом, на который тот ответил только смехом. – Прощай! Благодарю тебя за твою доброту – ты меня ею дарил не по заслугам. Если иной раз я казался неблагодарным, виною тому были обстоятельства, а не моя злая воля... Кэтрин... – Он взглянул на девушку в сильном волнении, в котором смешались противоречивые чувства, и замолк, словно что-то хотел сказать, но не мог, потом отвернулся с одним словом: – Прощай!

Пять минут спустя, в брогах, с небольшим узелком в руке, он прошел в северные ворота Перта и двинулся в сторону гор.

– Вот она, нищета, и с нею гордости столько, что хватило бы на целый гэльский клан, – сказал Генри. – Мальчишка говорит о червонцах так запросто, как мог бы я говорить о серебряных пенни, однако я готов поклясться, что в большой палец от перчатки его матери уместится все богатство их клана.

– Да, пожалуй, – рассмеялся Гловер. – Мать его была ширококоста, особенно в пальцах и запястье.

– А скот, – продолжал Генри, – его отец и братья наворовали себе помаленьку, овцу за овцой.

– Чем меньше будем о них говорить, тем лучше – сказал Гловер, снова приняв степенный вид. – Братьев у него не осталось, и его отец имеет большую власть и длинные руки – он простирает их всюду, куда может, а слышит он на любое расстояние... Не стоит говорить о нем без надобности.

– И все-таки он отдал единственного сына в ученики к пертскому перчаточнику? – удивился Генри. – По-моему, ему скорее подошло бы изящное ремесло святого Криспина^[64], как оно у нас именуется. Уж если сын великого Мака или О'^[65] идет в ремесленники, ему надо выбрать такое ремесло, в котором он может брать пример с князей.

---

¹⁷ Сумка горцев, делавшаяся большей частью из козьей кожи. Ее носили спереди у пояса, и по-гэльски она называлась «спорран». *Спорран-моулах* – мохнатая сумка, сделанная обычно из козьей шкуры или другого подобного же материала мехом внутрь. (Примеч. авт.)

Замечание это, хоть и сделанное в шутку, пробудило в нашем добром Саймоне чувство профессионального достоинства – преобладающее чувство, отмечавшее всю повадку ремесленника тех времен.

– Ошибаешься, Генри, сынок, – возразил он веско. – Перчаточники принадлежат к более почтенному цеху, поскольку они изготавливают нечто, что служит для рук, тогда как сапожники и башмачники работают на ноги.

– Оба цеха – равно необходимые члены городской общины, – сказал Генри, чей отец был как раз сапожником.

– Возможно, сын мой, – сказал Гловер, – но не равно почтенные. Ты посуди: руку мы подаем в залог дружбы и верности, а ноге не выпадает такой чести. Храбрец сражается рукою – трус пускает в ход ноги, когда бежит с поля боя. Перчаткой размахивают в воздухе, сапогом топчутся в грязи... Приветствуя друга, человек ему протягивает руку, а захочешь ты отпихнуть собаку или того, кого ставишь не выше собаки, ты его пнешь ногой. По всему белому свету перчатка на острие копья служит знаком и залогом верности, брошенная же наземь, она означает вызов на рыцарский поединок. А со стоптанным башмаком, насколько я припомню, связано только одно: иной раз старая баба кидает его вслед, чтобы человеку была удача в пути. Но в эту примету я не больно верю.

Красноречивая попытка друга превознести достоинства своего ремесла позабавила оружейника.

– Право, – сказал он с улыбкой, – я не из тех, кто склонен принижать ремесло перчаточника. И то, сказать, я ведь и сам выделываю рукавицы. Но, глубоко почитая ваше древнее искусство, я все же не могу не подивиться, что отец Конахара отдал сына в учение к ремесленнику из Нижней Шотландии, когда в глазах этих высокородных горцев мы стоим куда ниже их и принадлежим к презренному племени трудовых людей, только того и достойных, чтобы ими помыкали и грабили их всякий раз, когда голоштанник дуньевассал^[66] увидит, что можно это сделать спокойно, без помехи.

– Да, – молвил Гловер, – но отец Конахара был вынужден к тому особыми... – Он прикусил язык и добавил: – Очень важными причинами. Словом, я вел с ним честную игру, и я не сомневаюсь, что и он поведет себя со мною честно. Но своим неожиданным уходом мальчишка поставил меня в затруднительное положение. Я ему кое-что поручил. Пойду загляну в мастерскую.

– Не могу ли я помочь вам, отец? – сказал Генри Гоу, обманутый озабоченным видом старика.

– Ты? Никак! – отстранил друга Саймон.

По его сухому тону Генри понял, что совершил оплошность. Он покраснел до ушей за свою недогадливость: как же это любовь не надоумила его подхватить намек!

– А ты, Кэтрин, – добавил Гловер, оставляя комнату, – минут пять займи разговором своего Валентина и присмотри, чтоб он не сбежал, пока я не вернусь... Пойдем со мной, Дороти, у меня найдется дело для твоих старых рук.

Он вышел, старуха – за ним, и Генри Смит чуть ли не впервые в своей жизни остался наедине с Кэтрин. С минуту девушка чувствовала растерянность, влюбленный – неловкость, наконец Генри, призвав все свое мужество, вынул из кармана перчатки, полученные им только что от Саймона, и обратился к ней с просьбой, чтоб она позволила человеку, которого так милостиво наградила в это утро, заплатить установленную пеню за то, что он спал в такое время, когда за одну бессонную минуту он был бы рад поступиться целым годом сна.

– Ах нет, – ответила Кэтрин, – я высоко чту святого Валентина, но его завет не дает мне права на вознаграждение, которое вы хотите уплатить. Я и думать не могу принять от вас пеню.

– Эти перчатки, – возразил Генри и решительно подсел поближе к Кэтрин, – сработаны руками, самыми для вас дорогими. И посмотрите – они скроены как раз по вашей ручке.

Так говоря, он развернул перчатку и, взяв девушку под локоть могучей рукой, растянул перчатку рядом на столе, показывая, как она будет впору.

– Посмотрите на это узкое, длинное запястье, на эти тоненькие пальчики, подумайте, кто прошил эти швы золотом и шелком, и решите, должны ли перчатка и та единственная рука, на которую она пришлась бы впору, – должны ли они оставаться врозь лишь потому, что несчастная перчатка одну быстролетную минуту побывала в такой черной и грубой руке, как моя?

– Дар мне приятен, поскольку он идет от моего отца, – сказала Кэтрин, – и, конечно, тем приятнее, что идет и от моего друга, – она сделала упор на этом слове, – от моего Валентина и защитника.

– Позвольте, я пособлю надеть, – сказал Смит, еще ближе к ней пододвинувшись. – Она поначалу покажется тесноватой, потребуется, верно, помощь.

– А вы искусны в подобном услужении, мой добрый Генри Гоу? – улыбнулась девушка, но все же поспешила отодвинуться подальше от поклонника.

– Сказать по правде – нет! – молвил Генри и покачал головой. – Мне чаще доводилось надевать стальные рукавицы на рыцарей в доспехах, чем натягивать вышитую перчатку на девичью руку.

– Так я не стану утруждать вас больше, мне поможет Дороти... хоть помощь тут и не надобна – моему отцу никогда не изменяет глаз. Вещь его работы всегда в точности соответствует мерке.

– Дайте мне в этом убедиться, – сказал Смит. – Дайте увидеть, что эти изящные перчатки в самом деле приходятся по руке, для которой они предназначены.

– В другой раз, Генри, – ответила девушка. – Как-нибудь, когда это будет ко времени, я надену эти перчатки в честь святого Валентина и друга, которого он мне послал. И я всей душой хотела бы, чтобы и в более важных делах я могла следовать желаниям отца. А сейчас... у меня с утра болит голова, и я боюсь, как бы от запаха кожи она не разболелась пуще.

– Болит голова? У моей милой девочки?! – откликнулся ее Валентин.

– Если б вы сказали «болит сердце», вы тоже не ошиблись бы, – вздохнула Кэтрин и перешла на более серьезный тон. – Генри, – сказала она, – я позволю себе говорить со всюю смелостью, раз уж я дала вам этим утром основание считать меня смелой, да, я решаюсь первая заговорить о предмете, о котором, возможно, мне бы следовало молчать, покуда вы сами не завели о нем речь. Но после того, что случилось, я не смею тянуть с разъяснением моих чувств в отношении вас, так как боюсь, что иначе они будут неверно вами истолкованы... Нет, не отвечайте, пока не дослушаете до конца. Вы храбры, Генри, храбрее чуть ли не всех на свете, вы честны и верны, как сталь, которую куете...

– Стойте?.. Стойте, ни слова, Кэтрин, молю! Когда вы обо мне говорите так много хорошего, дальше всегда идет жестокое осуждение, а ваша похвала, оказывается только его предвестницей. Я честен и так далее, хотите вы сказать, но притом – буян, горячая голова и завзятый драчун, то и дело хватающийся за меч и кинжал.

– Так вас назвав, я нанесла бы обиду и себе и вам. Нет, Генри, завязатого драчуна и буяна, хоть носи он перо на шляпе и серебряные шпоры, Кэтрин Гловер никогда бы не отметила той маленькой милостью, какую сегодня она по собственному почину оказала вам. Да, я не раз сурово осуждала вашу склонность сразу поддаваться гневу и чуть что ввязываться в бой, но только потому, что я хотела, если увещания мои будут успешны, заставить вас возненавидеть в себе самом два греха, которым вы больше всего подвластны, – тщеславие и гневливость. Такие разговоры я вела не затем, чтобы высказать свои воззрения, а затем, чтоб растревожить вашу совесть. Я знаю не хуже отца, что в наши безбожные, дикие дни

весь жизненный уклад нашего народа – да и всех христианских народов – как будто служит оправданием кровавым ссорам по пустячным поводам, глубокой вражде с кровавой мстостью из-за мелочных обид, междоусобице и убийству за ущемленную честь, а то и вовсе ради забавы. Но я знаю также, что за все эти деяния нас некогда призовут к суду, и как бы я хотела убедить тебя, мой храбрый, мой великодушный друг, чтоб ты чаще прислушивался к велениям своего доброго сердца и меньше гордился ловкостью и силой своей беспощадной руки!

– Ты убедила... убедила меня, Кэтрин! – воскликнул Генри. – Твои слова отныне будут для меня законом. Я сделал немало – пожалуй, даже больше, чем надобно, – чтоб доказать свою силу и отвагу. Но у тебя одной, Кэтрин, я могу научиться более правильному образу мыслей. Не забывайте, верная моя Валентина, что моему разуму и кротости никогда не удастся сразиться, так сказать, в честном поединке с моей любовью к драке и воинским тщеславием: тем всегда помогают всяческие покровители и подстрекатели. Идет, скажем, ссора – и я, предположим, памятуя ваши наставления, не спешу ввязаться в нее... Так вы думаете, мне дают по собственному разумению сделать выбор между миром и войной? Где там! Пресвятая Мария! Тотчас обступят меня сто человек и начнут подзуживать. «Как! Да что ж это, Смит, пружина в тебе заржавела?» – говорит один. «Славный Генри на ухо туговат – нынче он не слышит шума драки», – говорит другой. «Ты должен, – говорит лорд-мэр, – постоять за честь родного Перта!», «Гарри! – кричит ваш отец. – Выходи против них, покажи, что значит золотая знать!» Что же делать, Кэтрин, несчастному малому, когда все кругом вопят во славу дьявола и ни одна душа словечка не замолвит в пользу противной стороны?

– Да, я знаю, у дьявола довольно радетелей, готовых расхваливать его товар, – сказала Кэтрин, – но долг велит нам не слушать эти суетные речи, хотя бы с ними обращались к нам те, кого положено любить и почитать.

– А все эти менестрели с их романсами и балладами, в которых только за то и славят человека, что он получает и наносит сам крепкие удары! За многие, многие мои грехи, Кэтрин, несет ответ, скажу с прискорбием, Гарри Слепец, наш славный менестрель^[67]. Я бью сплеча не для того, чтобы сразить противника (упаси меня святой Иоанн!^[68]), а только чтоб ударить, как Уильям Уоллес.

Тезка менестреля произнес эти слова так искренне и так сокрушенно, что Кэтрин не удержалась от улыбки. Но все же она сказала с укором, что он не должен подвергать опасности свою и чужую жизнь ради пустой потехи.

– Но мне думается, – возразил Генри, приободренный ее улыбкой, – при таком поборнике миролюбие всегда одержит верх. Положим, к примеру, на меня жмут, понуждают схватиться за оружие, а я вспоминаю, что дома ждет меня нежный ангел-хранитель, и образ его шепчет: «Генри, не прибегай к насилию, ты не свою, ты мою руку обагрешь кровью, ставишь под удар мою грудь, не свою!» Такие мысли удержат меня вернее, чем если бы все монахи в Перте завопили: «Опусти меч, или мы отлучим тебя от церкви!»

– Если предостережение любящей сестры хоть что-то значит, – сказала Кэтрин, – прошу вас, думайте, что каждый ваш удар обагрит эту руку, что рана, нанесенная вам, будет больно гореть в этом сердце.

Звук ее слов, проникновенный и ласковый, придал храбрости Смиуту.

– А почему не проникает ваш взор немного дальше, за холодную эту границу? Если вы так добры, так великодушны, что принимаете участие в склонившемся пред вами бедном, невежественном грешнике, почему вам прямо не принять его как своего ученика и супруга? Ваш отец желает нашей свадьбы, город ее ждет, перчаточники и кузнецы готовятся ее отпраздновать, и вы, вы одна, чьи слова так добры, так прекрасны, лишь вы одна не даете согласия!

– Генри, – тихо сказала Кэтрин, и голос ее дрогнул, – поверьте, я почла бы долгом своим подчиниться велению отца, когда бы к браку, им намеченному, не было неодолимых препятствий.

– Но поразмыслите... минуту поразмыслите! Сам я не речист по сравнению с вами, умеющей и читать и писать. Но я с охотой стал бы слушать, как вы читаете, я мог бы век внимать вашему нежному голосу. Вы любите музыку – я обучен играть и петь не хуже иного менестреля. Вы любите творить милосердие – я достаточно могу отдавать и достаточно получаю за свои труды. Я дня не пропущу, чтоб не раздать столько милостыни, сколько не раздаст и церковный казначей. Отец ваш постарел, ему уже не под силу становится каждодневная работа, он будет жить с нами, потому что я стал бы считать его поистине и своим отцом. Ввязываться в беспричинную драку – этого я остерегался бы так же, как совать руку в горн, а если кто попытается учинить над нами незаконное насилие, тому я покажу, что он предложил свой товар не тому купцу!

– Я вам желаю, Генри, всех радостей мирной семейной жизни, какие вы можете вообразить, но с кем-нибудь счастливей меня!

Так проговорила – или, скорее, простонала – пертская красавица. Голос ее срывался, в глазах стояли слезы.

– Что же, я вам противен? – сказал, немного выждав, отвергнутый.

– Нет, не то! Видит бог, не то!

– Вы любите другого, кто вам милее?

– Жестокое дело – пытать то, чего вам лучше не знать. Но вы, право, ошибаетесь.

– Эта дикая кошка Конахар?.. Неужели он? – спросил Генри. – Я подметил, как он на вас поглядывает...

– Вы пользуетесь моим тягостным положением, чтобы меня оскорблять, Генри, хотя я этого никак не заслужила! Что мне Конахар? Только из желания укротить его дикий нрав и просветить его я принимала какое-то участие в юноше, погрязавшем в предрассудках и страстях... но совсем другого рода, Генри, чем ваши.

– Значит, какой-нибудь чванный шелковый червяк, придворный щеголь? – сказал оружейник, еле сдерживая злобу, распаленную разочарованием и мукой. – Один из тех, кто думает всех покорить перьями на шляпе да бряцанием шпор? Хотел бы я знать, который из них, пренебрегая теми, кто ему более под стать – придворными дамами, накрашенными и раздушенными, – выискивает себе добычу среди простых девушек, дочерей городских ремесленников... Эх, узнать бы мне только его имя и звание!

– Генри Смит, – сказала Кэтрин, преодолев слабость, едва не овладевшую ею, – это речь неблагодарного и неразумного человека, или, верней, неистового безумца. Я уже объяснила вам, что никто – к началу нашей беседы, – никто не стоял в моем мнении выше, чем тот, кто сейчас все ниже падает в моих глазах с каждым словом, которое он произносит в этом странном тоне, несправедливо подозрительном и бессмысленно злобном. Вы были не вправе узнать даже то, что я вам сообщила, и мои слова, прошу вас заметить себе, вовсе не значат, что я отдаю вам какое-то предпочтение... хоть я и уверяю в то же время, что никого другого не предпочитаю вам. Вам довольно знать, что существует препятствие к исполнению вашего желания, такое непреодолимое, как если бы на моей судьбе лежало колдовское заклятье.

– Любовь верного человека может разбить колдовские чары, – сказал Смит. – И я бы не прочь, чтобы дошло до этого. Торбьерн, датский оружейный мастер, уверял, что кует заколдованные латы, напевая заклинание, пока накаляется железо. А я ему сказал, что его рунические распевы не имеют силы против оружия, каким мы дрались под Лонкарти^[69]. Что из этого вышло, не стоит вспоминать... Но панцирь и тот, кто его носил, да лекарь, пользовавшийся раненого, узнали, умеет ли Генри Гоу разрушать заклятие.

Кэтрин взглянула на него, словно хотела отозваться отнюдь не одобрительно о подвиге, которым он хвалился. Прямодушный Смит забыл, что подвиг был как раз из тех, какими он не раз навлекал на себя ее осуждение. Но прежде чем она успела облечь свои мысли в слова, ее отец просунул голову в дверь.

– Генри, – сказал он, – я оторву тебя от более приятного занятия и попрошу как можно скорее пройти ко мне в мастерскую: мне нужно переговорить с тобой о делах, затрагивающих интересы города.

Почтительно поклонившись Кэтрин, Генри вышел по зову ее отца. И, пожалуй, если он хотел и впредь вести с нею дружескую беседу, в ту минуту им лучше было разлучиться, так как их разговор грозил принять опасный оборот. В самом деле, отказ девушки начал уже казаться жениху какой-то причудой, необъяснимой после решительного поощрения, которое она, на его взгляд, сама же дала ему только что. А Кэтрин, со своей стороны, считала, что он несколько злоупотребляет оказанным ему вниманием, когда мог бы проявить подобающую деликатность и тем самым доказать, что вполне заслужил благосклонность своей Валентины.

Но в груди у обоих было столько добрых чувств друг к другу, что теперь, когда спор оборвался, эти чувства легко должны были ожить, побуждая девушку простить влюбленному то, что задело ее щепетильность, а влюбленного – забыть то, что оскорбило его пылкую страсть.

Глава VII

Не кончился бы спор кровопролитьем!^[70]
«Генрих IV»

Сход горожан, назначенный для расследования происшествий минувшей ночи, уже собрался. В мастерскую Саймона Гловера набилось немало народу – всё видные особы, а иные даже в черном бархатном плаще и с золотой цепью на шее. То были отцы города, в числе почетных гостей были также члены городского совета и старшины цехов. У всех читался на лице гнев и оскорбленное достоинство, когда они заводили вполголоса немногословный разговор. Но всех озабоченней, всех хлопотливей был человек, оказавший ночью очень мало помощи, – шапочник Оливер Праудфьют, так чайка, когда надвигается буря, снует, и кричит, и лопочет, хотя, казалось бы, самое разлюбозное дело для птицы – лететь в свое гнездо и сидеть спокойно, пока буря не кончится.

Как бы то ни было, мастер Праудфьют вертелся среди толпы, хватал каждого за пуговицу, что-то каждому нашептывал на ухо – причем тех, кто был одного с ним роста, обнимал за талию, чтобы тем таинственней и доверительней передать свое суждение, когда же встречался ему человек повыше, шапочник вставал на цыпочки и держал его за воротник, чтобы поведать и ему все что мог. Он чувствовал себя одним из героев схватки и был исполнен сознания своей значительности – как очевидец, который может сообщить самые верные сведения о происшествии. Он и сообщал их весьма подробно, не ограничиваясь пределами скромной истины. Нельзя сказать, чтобы его сообщения были особенно важны или занимательны, так как сводились по большей части к такого рода уверениям: «Это чистая правда, клянусь святым Иоанном! Я там был и видел своими глазами – я первый ринулся в бой, когда бы не я да еще один крепкий парень, подоспевший вовремя, они бы вломились в дом к Саймону Гловеру, перерезали горло старику и уволокли бы в горы его дочку. Уж такой за ними водится скверный обычай – это нестерпимо, сосед Крукшенк... это невыносимо, сосед Гласе... Это недопустимо, соседи Балниве, Роллок и Крайстсон. Счастье, что мы с тем парнем вовремя подоспели... Вы согласны, мой добрый и почитаемый сосед, бэйли Крейгдэлли?»

Такие речи нашептывал хлопотливый шапочник на ухо то одному, то другому. Крейгдэлли, главный бэйли города, представительный купец гильдии, тот самый, что предложил собраться утром вновь на совет в этом месте и в этот час, высокий, дородный, благообразный человек, стряхнул Оливера со своего плаща с той же учтивостью, с какой битюг отгоняет назойливую муху, докучавшую ему минут десять, и воскликнул:

– Молчание, добрые граждане! Идет Саймон Гловер, которого все мы знаем за честнейшего человека. Послушаем, что скажет он сам о своей обиде.

Дали слово Саймону, и перчаточник приступил к рассказу в явном замешательстве, причиной которого он выставил свое нежелание вовлечь город в смертельную вражду с кем бы то ни было из-за мелкой своей обиды. То были, верно, не грабители, сказал он, а перодетые шутники, подвыпившие весельчаки из придворной молодежи, ничем особенным это ему не грозило, разве что придется в светелке у дочери забрать окно чугунной решеткой, чтоб отвадить озорников.

– Если это была только озорная шутка, – сказал Крейгдэлли, – зачем же наш согражданин Гарри из Уинда пошел на такую крайность и за безобидную шалость отсек джентльмену руку? На город теперь наложат тяжелую пеню, если мы не выдадим того, кто нанес увечье!

– Пресвятая Дева! Этому не бывать! – сказал Гловер. – Если бы вы знали то, что знаю я, вы остереглись бы вмешиваться в это дело, как не стали бы совать палец в расплавленную

сталь. Но раз уж вы непременно хотите обжечься, я должен сказать правду: дело кончилось бы худо для меня и для моей семьи, когда бы не подоспел на помощь Генри Гоу, оружейник, всем вам отлично известный.

– Не дремал и я, – сказал Оливер Праудфьют, – хоть и не стану хвалиться, что я так же славно владею мечом, как наш сосед Генри Гоу. Ведь вы видели меня, сосед Гловер, с самого начала сражения?

– Я вас видел, когда оно закончилось, – отрезал Гловер.

– Правда, правда! Я позабыл, что вы, покуда сыпались удары, сидели дома и не могли видеть, кто их наносил.

– Потихе, сосед Праудфьют, прошу вас, потихе, – отмахнулся Крейгдэлли, явно наскучив нудным верещанием почтенного старшины цеха шапочников. – Тут что-то кроется, – сказал он далее, – но я, кажется, разгадал загадку. Наш друг Саймон, как вы все знаете, миролюбец и такой человек, что скорей останется при своей обиде, чем подвергнет опасности друга или, скажем, соседей. Ты, Генри, всегда тут как тут, когда надо встать на защиту города, – доложи нам, что ты знаешь об этом деле?

Наш Смит поведал все как было и как рассказано уже читателю, а неугомонный шапочник опять ввернул свое слово:

– Ты меня видел там, честный Смит, видел, да?

– Сказать по совести, не заметил, сосед, – ответил Генри. – Впрочем, ростом ты невелик и я, понятно, мог тебя проглядеть.

При этом ответе все дружно рассмеялись, но Оливер и сам рассмеялся вместе с другими и добавил упрямо:

– А все-таки я самый первый кинулся на выручку.

– Да ну? Где же ты был, сосед? – сказал Генри – Я тебя не видел, а я в тот час отдал бы столько, сколько могут стоить лучший меч и доспехи моей работы, чтобы рука об руку со мною стоял такой крепкий молодец, как ты!

– Да как же, я и стоял совсем рядом, честный Смит. И пока ты колотил, как молотом по наковальне, я отводил те удары, которыми остальные негодяи старались угостить тебя из-за спины. Потому-то ты меня и не заметил.

– Слыхивал я об одноглазых кузнецах былых времен^[71], – сказал Генри. – У меня два глаза, но оба сидят спереди, так что у себя за спиной, соседушка, я видеть не мог.

– И все же, – настаивал мастер Оливер, – именно там я и стоял, и я дам господину бэйли свой отчет о происшествии. Ведь мы со Смитом первые ринулись в драку.

– Пока довольно! – сказал бэйли, взмахом руки угомонив мастера Праудфьюта. – У нас есть показания Гловера и Генри Гоу – этого было бы довольно, чтобы признать установленным и не столь правдоподобное дело. А теперь, мои добрые мастера, говорите, как нам поступить. Нарушены и поруганы все наши гражданские права, и вы отлично понимаете, что отважиться на это мог только очень сильный и очень дерзкий человек. Мастера, вся наша плоть и кровь возмущена и не велит нам снести обиду! Законы ставят нас ниже государей и знати, но разве можно стерпеть вопреки рассудку, чтобы кто-либо безнаказанно ломился в наши дома и покушался на честь наших женщин?

– Не потерпим! – единодушно отозвались горожане.

На лице Саймона Гловера отразились тревога и недобрые опасения.

– Я все же думаю, – вмешался он, – что их намерения были не так уж злостны, как вам кажется, достойные мои соседи, и я с радостью простил бы ночной переполох в моем злополучном доме, лишь бы Славный Город не попал из-за меня в скверную передрагу. Прошу вас, подумайте, кто окажется нашими судьями, кто будет слушать дело, кто будет решать, присудить ли нам возмещение за обиду или отклонить наш иск. Я среди соседей и друзей и, значит, могу говорить откровенно. Король – благослови его Господь! – так сокрушен и

духом и телом, что сам он устранился и отправит нас к кому-нибудь из своих советников, какой подвернется в тот час... Возможно, он нас отошлет к своему брату, герцогу Олбени, а тот использует наше ходатайство о возмещении обиды как предлог, чтобы из нас же выжать побольше денег.

– Нет, из дома Олбени нам судьи не надо! – с тем же единогодушием ответил сход.

– Или, может быть, – добавил Саймон, – он поручит заняться нами герцогу Ротсею^[72]. Юный принц-сорванец обратит нашу обиду в потеху для своих веселых удальцов и прикажет своим менестрелям сложить о ней песню.

– Не надобно нам Ротсея! Он знает лишь забавы, не годится он в судьи! – снова дружно прокричали горожане.

Видя, что он успешно подвел к тому, к чему клонил, Саймон осмелел, но все же следующее грозное имя назвал боязливым полусшепотом:

– Тогда не предпочтете ли вы Черного Дугласа?^[73]

С минуту никто не отвечал. Все переглянулись, лица у людей угрюмо вытянулись, губы побелели. Один лишь Генри Смит смело, твердым голосом высказал то, что думал каждый, но чего никто не отважился вымолвить вслух:

– Поставить Черного Дугласа судьей между горожанином и дворянином... или даже знатным лордом, как я подозреваю... Ну нет, уж лучше черного дьявола из преисподней! С ума ты своротил, отец Саймон, что несешь такую дичь!

Снова наступило опасливое молчание, которое нарушил наконец Крейгдэлли.

Смерив говорившего многозначительным взглядом, он заметил:

– Ты полагаешься на свой кафтан со стальной подбивкой, сосед Смит, а то бы не говорил так смело.

– Я полагаюсь на верное сердце под своим кафтаном, каков он ни есть, бэйли, – ответил бесстрашный Смит. – И хоть я не говорун, никто из знатных особ не навесит мне замка на рот.

– Носи кафтан поплотнее, добрый Генри, или не говори так громко, – повторил бэйли тем же многозначительным тоном. – По городу ходят молодцы с границы со знаком кровавого сердца на плече^[74]. Но все эти речи ни к чему. Что мы станем делать?

– Речь хороша, когда коротка, – сказал Смит. – Обратимся к нашему мэру и попросим у него совета и помощи.

Ропот одобрения пошел по рядам, а Оливер Праудфьют воскликнул:

– Я же полчаса твердил это, а вы не хотели меня слушать! Идемте к нашему мэру, говорил я. Он сам дворянин, ему и разбирать все споры между городом и знатью.

– Тише, соседи, тише! Ходите и говорите с опаской, – сказал тонкий, худой человек, чья небольшая фигурка как будто еще сжалась и стала совсем похожа на тень – так он старался принять вид предельного унижения и казаться в соответствии со своими доводами еще более жалким и незаметным, чем его создала природа. – Извините меня, – сказал он, – я всего лишь бедный аптекарь. Тем не менее я воспитывался в Париже и обучен наукам о человеке и *cursus medendi*^[19] не хуже всякого, кто именуется врачом. Думается мне, я, пожалуй, сообразил, как врачевать эту рану и какие надобны тут снадобья. Вот перед нами Саймон Гловер – человек, как все вы знаете, достойнейший. Разве он не должен был бы горячее всех настаивать на самом строгом судебном расследовании, коль скоро в этом деле задета честь его семьи? А между тем он увиливает, не хочет выступить с обвинением против буянов. Так не думаете ли вы, что если он не желает поднимать дело, значит у него имеются на то свои особые и важные причины, о которых он предпочитает умолчать? Уж кому-кому, а мне и вовсе не пристало совать палец в чужую рану! Но увы! Все мы знаем, что юные девицы –

---

¹⁸ Широко известный отличительный знак дома Дугласов. (Примеч. авт.)

¹⁹ Способам врачевания (лат.).

это все равно что летучая эссенция. Предположим далее, что некая честная девица – вполне невинная, конечно, – оставляет на утро святого Валентина свое окно незапертым, чтобы какой-нибудь галантный кавалер получил возможность – конечно, без урона для ее девичьей чести – сделаться на предстоящий год ее Валентином, и допустим, что кавалера настигли, – разве она не поднимет крик, как если бы гость вторгся неожиданно, ну, а там... Взвесьте это всё, потолчите в ступе и посудите – стоит ли городу из-за такого дела ввязываться в ссору?

Аптекарь излагал свои мнения в самом двусмысленном тоне, но его шуплая фигурка стала и вовсе бестелесной, когда он увидел, как кровь прилила к щекам Саймона Гловера, а лицо грозного Смита жарко зарделось до корней волос. Оружейник выступил вперед, вперил строгий взгляд в испуганного аптекаря и начал:

– Ах ты скелет ходячий! Колба с одышкой! Отравитель по ремеслу! Когда бы я полагал, что твое смрадное дыхание может хоть на четверть секунды затмить светлое имя Кэтрин Гловер, я бы истолок тебя, грязный колдун, в твоей же ступе, подмешал бы к твоим гнусным останкам серный цвет – единственное не фальшивое лекарство в твоей лавке – и сделал бы из этой смеси мазь для втирания шелудивым собакам!

– Стой, Генри, сынок, стой! – властным окриком остановил его Гловер. – Здесь вправе говорить только я, и больше никто. Многоуважаемый судья Крейгдэлли! Если мое миролюбие толкуют так превратно, я склоняюсь к тому, чтобы преследовать озорников до последней возможности. И хотя бы время показало, насколько лучше было бы держаться миролюбия, вы все увидите, что моя Кэтрин ни по легкомыслию, ни по неразумию не подала повода к такому поношению.

Вмешался и бэйли.

– Сосед Генри, – сказал он, – мы сюда собрались на совет, а не свару заводить. Как один из отцов города, я предлагаю тебе забыть злобу и твои недобрые умыслы против мастера Двайнинга, аптекаря.

– Он слишком жалкая тварь, бэйли, – сказал Генри Гоу, – чтобы мне вступать с ним в ссору: я же одним ударом молота могу уничтожить и его самого и его лавчонку.

– Тогда успокойтесь и выслушайте меня, – сказал бэйли. – Мы все верим в незапятнанную честь нашей пертской красавицы, как в святость Пречистой Богородицы. – Он истово перекрестился. – Итак, тут предлагали обратиться к мэру. Согласны ли вы, соседи, передать в руки нашего мэра дело, которое, как можно опасаться, будет направлено против могущественного и знатного лица?

– Мэр и сам знатный человек, – проскрипел аптекарь, снова осмелев после вмешательства бэйли. – Видит бог, я ни слова не имею сказать в укор почтенному дворянину, чьи предки долгие годы исправляли должность, которую ныне исправляет он.

– По свободному выбору граждан города Перта, – добавил Смит, перебив говорившего зычным и властным голосом.

– Да, конечно, – сказал смущенный оратор, – по выбору граждан. Как же иначе? Прошу вас, друг мой Смит, не перебивайте меня. Я по своему убогому разумению обращаюсь к нашему старшему бэйли, достойнейшему Крейгдэлли. Я хочу сказать, что как бы ни был связан с нами сэр Патрик Чартерис, он все-таки знатный дворянин, а ворон ворону глаз не выклюет. Он может нас рассудить в спорах с горцами, может выступить с нами против них, как наш мэр и предводитель, но, сам облаченный в шелк, захочет ли он стать на нашу сторону в споре против расшитой епанчи и парчовых одежд, как вставал против тартана^[75] или ирландского сукна, – это еще вопрос. Послушайте меня, скудоумного. Мы спасли нашу красавицу девицу, о которой я не хотел сказать ничего дурного, так как поистине не знаю за ней греха. У них один человек остался без руки – стараниями Гарри Смита...

– ... и моими, – добавил маленький и важный шапочник.

– И Оливера Праудфьюта, как он сам уверяет, – продолжал аптекарь, не оспаривая ничьих притязаний на славу, лишь бы его самого не побуждали вступить на ее опасную стезю. – Я говорю, соседи, что раз один из них оставил нам на память свою руку, они больше не сунутся на Кэрфью-стрит. А коли так, то, по моему нехитрому суждению, давайте поблагодарим от души нашего честного горожанина и, поскольку город вышел из дела с честью, а те окаянные повесы – с уроном, похороним дело – и молчок, ни слова!

Эти осторожные советы возымели свое действие на иных из горожан, которые кивали на его слова и с видом глубокого понимания глядели на поборника миролюбия, и даже Саймон Гловер, несмотря на давешнюю обиду, казалось, разделял его мнение. Но Генри Смит, видя, какой оборот принимает совещание, взял слово и заговорил с обычной для него прямотой:

– Я среди вас не самый старший, соседи, не самый богатый – и не жалею о том. Годы и сами придут, если до них доживешь, а деньги я могу зарабатывать и тратить, как и всякий другой, кто не робеет перед жаром горна и ветром кузнечных мехов. Но никто никогда не видал, чтобы я сидел спокойно, когда словом или делом нанесена обида Славному Городу и когда человек может ее исправить речью или рукой. Не снесу я спокойно и это оскорбление, сделаю что в моих силах. Если никто не желает идти со мною, я пойду к мэру один. Он рыцарь, это верно, и, как все мы знаем, истинный свободный дворянин из рода, который мы чтим со времен Уоллеса, посадившего к нам его прадеда. Но будь он самым гордым и знатным господином в стране, он – мэр Перта и ради собственной чести должен охранять права и вольности города – должен и будет, я знаю: я делал ему на заказ стальные доспехи и разгадал, какое сердце они прикрывают.

– Во всяком случае, – сказал Крейгдэлли, – бесполезно идти с нашим делом к королю иначе, как под предводительством Патрика Чартериса, все равно ответ будет один: «Ступайте к вашему мэру, сиволапые, а нам не докучайте». Итак, соседи и сограждане, если вы меня поддержите, мы двое, аптекарь Двайнинг и я, отправимся немедленно в Кинфонс^[76], и с нами – Сим Гловер, наш славный Смит и доблестный Оливер Праудфьют как свидетели побоища, мы договоримся от имени города с сэром Патриком Чартерисом.

– Нет, меня, прошу, оставьте дома, – стал отказываться миролюбец лекарь, – я и рта открыть не посмею перед лицом рыцаря, препоясанного мечом.

– Пустое, сосед, ты должен идти, – возразил Крейгдэлли. – Кто в городе не знает, что я – горячая голова, хотя мне давно перевалило за шестьдесят? Сим Гловер – обиженная сторона, Гарри Гоу, как всем известно, больше продырявил панцирей мечом, чем выковал их своим молотом, а сосед Праудфьют, который, по его словам, неизменно участвует от начала до конца в каждой драке на улицах Перта, – он, несомненно, человек действия. Необходимо, чтобы среди нас был хоть один радетель за мир и спокойствие. И ты, аптекарь, самый для этого подходящий человек. Итак, в путь-дорогу, господа, надевайте сапоги, седлайте коней – «Конь да посох!»²⁰, скажу я, и встретимся все у восточных ворот, если, конечно, вы соблаговолите, соседи, доверить нам это дело.

– Лучше и не придумаешь, мы все голосуем за это, – заговорили горожане. – Если мэр возьмет нашу сторону, как Славный Город вправе ожидать, мы можем потягаться с первейшими из знатных господ!

– Значит, соседи, – подхватил бэйли, – как договорились, так и сделаем. Я, между прочим, наказал созвать примерно к этому часу общегородской совет и не сомневаюсь, – тут он обвел глазами всех вокруг, – что коль скоро собравшиеся здесь в большом числе горожане решили переговорить с нашим мэром, то и прочие члены совета согласятся с их решением.

---

²⁰ «Конь да посох!» – всем известный клич, с которым эльфы вскакивают на коней, пускаясь в странствие при лунном свете, стал широко применяться во всех случаях, когда садятся в седло. (Примеч. авт.)

А потому, соседи и добрые граждане славного города Перта, живо на коней, как сказано, и сойдемся у Восточных ворот.

Возгласы общего одобрения завершили заседание этого, так сказать, частного совета, или, как тогда говорилось, заседания «лордов ремесел». И они разошлись, выборные – готовиться к поездке, остальные же – рассказывать своим заждавшимся женам и дочерям, какие приняты меры, чтобы впредь их светлицам не угрожало в неурочные часы вторжение любезников.

Пока седлают коней, а городской совет обсуждает – или, вернее, формально утверждает – постановление, принятое именитыми горожанами, дадим читателю необходимые сведения и ясно изложим то, на что указывалось вскользь и обиняком в предшествующих прениях.

Во времена, когда феодальная аристократия притесняла королевские города Шотландии и зачастую нарушала их права, утвердился обычай, по которому город, если позволяли обстоятельства, выбирал мэром, то есть главой своего самоуправления, не кого-либо из купцов, мастеров и других влиятельных лиц, проживавших в самом городе и замещавших рядовые должности по магистратуре, а приглашал на этот высокий пост какого-нибудь могущественного рыцаря или барона из лежащих поблизости замков, с тем чтобы он был при дворе другом горожан, защищающим их общинные интересы, а при случае возглавлял бы городское ополчение – на войне ли или в частных распрях, – подкрепляя его отрядом своих феодальных ленников. Помощь эта не всегда бывала безвозмездной. Сплошь да рядом мэры беззастенчиво злоупотребляли своим положением и отхватывали под видом «даров» земли и угодья, принадлежавшие городской общине, заставляя горожан непомерно дорого платить за оказываемое покровительство. Другие довольствовались тем, что получали от горожан поддержку в своих феодальных ссорах, а также всевозможные знаки почета и благоволения, какими город по собственному почину награждал своего предводителя, дабы тот при нужде рачительней услужал ему. Барон, состоявший официальным защитником королевского города, не стеснясь принимал такие добровольные подношения и платил за них защитой прав и привилегий общины, участием в прениях городского совета и смелыми действиями на поле битвы.

Граждане славного города Перта (как они любили себя именовать) из поколения в поколение избирали себе покровителей-мэров из рыцарского семейства Чартерис, владельцев Кинфонса, чьи земли лежали по соседству с городом. Не прошло и ста лет (во времена Роберта III) с той поры, как первый представитель этого видного рода обосновался в принадлежавшем ему крепком замке, стоявшем среди живописной и плодородной местности. Обосноваться на чужой земле, куда его забросил жребий, первому барону позволили необычайные события его жизни, рыцарственной и романтической. Расскажем их, как они излагаются в древнем и устойчивом предании^[77], отмеченном чертами несомненной правдивости и настолько достоверном, что его можно бы включить и в более серьезную историческую летопись, чем эта наша повесть.

В те годы, когда прославленному патриоту сэру Уильяму Уоллесу, чей жизненный путь был так недолог, удалось с оружием в руках на некоторое время изгнать из Шотландии английских захватчиков, он, говорят, предпринял путешествие во Францию с небольшим отрядом своих приверженцев, при этом Уоллес поставил себе целью путем личного воздействия (а его и в чужих странах уважали за доблесть) склонить французского государя к тому, чтоб он послал в Шотландию вспомогательные войска или чем-либо другим помог шотландцам отвоевать независимость. Шотландский герой, находясь на борту небольшого судна, держал курс на Дьепп, когда вдаль показался парус, на который корабельщики глядели сперва смущенно и подозрительно, а под конец – в растерянности и унынии. Уоллес спросил, в чем причина тревоги. Капитан сообщил ему, что высокобортное судно, прибли-

жающееся с намерением взять их на abordаж, – знаменитый пиратский корабль, который славится дерзкой отвагой и неизменным успехом в разбое. Командует им джентльмен, по имени Томас де Лонгвиль, человек необычайной силы, француз по рождению, а по роду деятельности – один из тех пиратов, которые именуют себя друзьями моря и врагами всех, кто плавает по водным просторам. Он нападает на корабли любой страны и грабит их подобно древненорвежским морским королям, как их называют, чья власть простирается на необозримые просторы бурных вод. Капитан добавил, что ни один корабль не может спастись от разбойника бегством – так быстроходно его судно, и ни у одной команды, даже самой сильной, нет надежды отбиться от него, когда он, по своему пиратскому обычаю, кидается на чужую палубу во главе своих удальцов.

Уоллес сурово улыбался, пока капитан с дрожью в голосе и со слезами на глазах расписывал грозившую им неизбежную участь – попасть в плен к Красному Разбойнику, как прозвали де Лонгвиля, потому что он обычно ходил под кроваво-красным флагом, который поднял и теперь.

– Я освобожу проливы от пирата, – сказал Уоллес.

Созвав человек десять – двенадцать своих приверженцев – Бойда, Керли, Ситона и других, – для кого смерч самой отчаянной битвы был как дыхание жизни, он приказал им вооружиться и лечь ничком на палубу, чтобы их не было видно. Корабельщикам он велел спуститься в трюм – всем, кроме нескольких человек, необходимых для управления судном. Капитана же заставил под страхом смерти так вести корабль, чтобы казалось, будто он спасается от пирата бегством, а на деле – позволить Красному Разбойнику нагнать его и захватить. Уоллес между тем залег на палубе, чтобы видно было, что никто не готовится к сопротивлению. Через четверть часа корабль де Лонгвиля стал борт о борт с судном, на котором находился шотландский герой, и Красный Разбойник, набросив abordажные крючья, чтобы закрепить за собой добычу, в полном вооружении спрыгнул на палубу вместе со своими удальцами, поднявшими бешеный крик, словно уже была одержана победа. Но тут вооруженные шотландцы разом вскочили на ноги, и разбойник, никак того не ждавший, был вынужден схватиться с людьми, которые привыкли считать победу обеспеченной, когда на каждого приходилось не более двух или трех противников. Сам Уоллес бросился на капитана пиратов, и между ними завязалась борьба столь яростная, что все остальные прекратили битву и стали смотреть на них, словно пришли к общему согласию предоставить поединку между двумя главарями решить исход сражения. Пират бился, как только может биться человек, но Уоллес обладал нечеловеческой силой. Он выбил меч из руки разбойника, и тот, когда клинок противника должен был вот-вот рассечь его, не видя иного выхода, схватился с шотландцем грудь к груди, надеясь осилить его голыми руками. Однако и тут шотландец взял верх. Они повалились на палубу, держа друг друга в объятиях, но француз упал навзничь, и Уоллес, схватив его за горло, защищенное ожерелком панциря, сдавил так крепко, что сталь, как ни была хороша, подалась, и кровь хлынула у пирата из глаз, из носу, изо рта, так что просить пощады он мог только знаками. Увидав, как туго пришлось атаману, его люди побросали оружие и сдались на милость победителя. Тот даровал им всем жизнь, но завладел их судном и объявил их своими пленниками. Когда показалась французская гавань, Уоллес поверг ее в трепет, использовав цвета разбойника, как если бы сам де Лонгвиль явился грабить город. Колокола вызванивали тревогу, раздался призывный звон рогов, и горожане хватались за оружие, когда внезапно все переменялось. Над пиратским флагом вознесся шотландский лев на золотом щите и возвестил, что приближается освободитель Шотландии, как сокол с добычей в когтях. Он сошел на берег со своим пленником и предстал с ним пред двором французского короля. По просьбе Уоллеса пирату были прощены его разбойничьи подвиги, и король даже почтил сэра Томаса де Лонгвиля посвящением в рыцари и предложил ему службу при своем дворе. Но разбойник проникся такими дружескими чувствами к своему великодуш-

ному победителю, что предпочел соединить свою судьбу с судьбой Уоллеса, отправился с ним в Шотландию и сражался плечом к плечу с героем во многих кровопролитных боях, в которых сэр Томас де Лонгвиль доблестью не уступал никому, кроме богатыря, одолевшего его в поединке. Ему выпал более счастливый жребий, чем его покровителю. Отличаясь не только редкой силой, но и красотой, де Лонгвиль так пленил юную девицу, наследницу древнего рода Чартерис, что та избрала его себе в супруги и принесла ему в приданое прекрасный баронский замок Кинфонс со всеми угодьями. Их потомки приняли имя Чартерис – в утверждение связи со своими предками по материнской линии, древними владельцами их замка и баронских земель, хотя имя Томаса де Лонгвиля не меньше чтилось среди них и широкий двуручный меч, которым он косил в боях ряды противников, хранится по сей день среди драгоценных семейных реликвий. По другой версии Чартерис было родовое имя самого де Лонгвиля. Впоследствии поместье перешло к семье Блэров, а в настоящее время им владеет лорд Грей.

Эти-то бароны Кинфонс из поколения в поколение, от отца к сыну, исправляли должность мэра города Перта. Замок стоял по соседству с городом, и этот издавна установившийся порядок был удобен для обеих сторон. Сэр Патрик, о котором повествует наша хроника, не раз возглавлял пертское ополчение в боях и схватках с неугомонными грабителями из кланов Горной Страны и с другими врагами – будь то чужеземцы или свои же соплеменники. Правда, иногда ему надоедало разбирать мелкие и вздорные жалобы, с которыми обращались к нему без нужды. Поэтому на него нередко возводилось обвинение, что он-де слишком горд, потому что знатен, или слишком нерадив, потому что богат, и что он слишком привержен охоте на зверя и усладам феодального гостеприимства, а когда Славный Город по тому или другому поводу ждет его деятельного вмешательства, не всегда бывает легок на подъем. Но, невзирая на все нарекания, горожане пред лицом серьезной опасности неизменно спешили сплотиться вокруг своего мэра, и тот всегда был рад им помочь советом и делом.

Глава VIII

*Вот Джонстоны из Эннендейла!
Везде их встретишь тут.
Они здесь прожили столетья,
Столетия проживут^[78].*

Старинная баллада

В предыдущей главе мы бегло очертили, кем был и кем слыл сэра Патрика Чартерис, мэра города Перта. Вернемся теперь к делегации, которая собралась у восточных ворот, чтобы нести свою жалобу этому вельможе в замок Кинфонс.

Первым прибыл Саймон Гловер верхом на иноходце, которому иногда выпадала честь нести на себе более изящную и не столь тяжелую ношу – красавицу Кэтрин. Гловер чуть не до глаз прикрыл плащом лицо, не так от холода, как в знак того, что друзья, пока он едет по улицам, не должны тревожить его расспросами. Тяжелая забота сдвинула его нависшие брови: видно, чем больше думал он о предстоящем деле, тем трудней и опасней оно рисовалось ему. Он только молчаливым поклоном приветствовал друзей, по мере того как те являлись к месту сбора.

Сильный вороной жеребец старой гэллоуэйской породы^[79], малорослый – не больше как в четырнадцать ладоней, – но крутоплечий, крепконогий, ладный, с круглым крупом, нес к Восточным воротам храброго Смита. Лошадник узнал бы по искре в глазу тот недобрый норов, который часто сочетается в коне с большою силой и выносливостью, но вес, рука и твердая посадка наездника в добавление к непрестанным трудам недавнего долгого путешествия успели переломить упрямыство скакуна. В паре с оружейником ехал Оливер Праудфьют. Почтенный шапочник, как читатель знает – маленький и круглый человек, то, что в просторечии зовется увалень, – закутался в пунцовый плащ, навесил поверх плаща охотничью сумку и, напоминая в таком виде красную подушку для булавок, взгромоздился на большое, высокое седло, в котором он сидел не верхом, а точно птица на жердочке. Седло с взобравшимся на него седоком обхватывало хребет большой, тяжелой в беге фламандской кобылы, напоминавшей верблюда: как тот, она задирала нос, на каждой ноге у нее висел огромный пук шерсти, а каждая подкова была в поперечнике со сковороду. Несоответствие между лошадию и всадником было слишком разительно, и если случайные прохожие только дивились, как такой коротышка сумел взобраться в седло, то его друзья с тревогой думали о том, с какой опасностью сопряжено для их товарища нисхождение на землю: всадник восседал так высоко, что не доставал каблуками до нижнего края седла. Шапочник прибил к Смиту и зорко следил за каждым его движением, норовя не отстать от него, ибо был убежден, что люди действия производят еще более внушительное впечатление, если держатся бок о бок. И он пришел в восторг, когда один балагур-подмастерье, сохраняя самый серьезный вид, без тени усмешки, громко провозгласил:

– Вот она, гордость Перта, наши славные мастера – удалой кузнец из Милл-Уинда и храбрый шапочник!

Правда, парень, вознося свою хвалу, упер язык в щеку и подмигнул такому же, как сам, шалопаю, но так как шапочник не увидел гримасы, он милостиво бросил ему серебряный пенс в награду за почтение к воителям. Щедрость Оливера собрала ватагу мальчишек, которые бежали за ним следом с хохотом и гиканьем, пока Генри Смит, обернувшись, не при-

грозил отхлестать самого бойкого из них, скакавшего впереди. Мальчишки не стали ждать, когда это совершится.

– Мы, свидетели, налицо, – сказал маленький человек на большой лошади, когда съехался с Саймоном Гловером у Восточных ворот. – Но где же те, кто должен поддержать нас? Эх, брат Генри! Внушительность – это груз скорее для осла, чем для горячего коня, у таких молодцов, как ты да я, она только стеснит свободу движений.

– Я хотел бы видеть тебя хоть немножко обремененным этой тяжестью, достойный мастер Праудфьют, – возразил Генри Гоу, – хотя бы ради того, чтобы крепче держаться в седле, а то ты так подсакиваешь, точно пляшешь джигу без помощи ног.

– Это я приподнимаюсь в стременах, чтобы меня не трясло, моя кобылка страшно норовиста! Но она носила меня по полям и лесам, и я не раз побывал с нею в опасных переделках. Так что мы с Джезабелью теперь неразлучны. Я ее назвал Джезабелью в честь кастильской принцессы^[80].

– Ты, верно, хотел сказать – Изабеллой, – поправил Смит.

– Что Изабелла, что Джезабель – это, знаешь, все одно! Но вот наконец и наш бэйли Крейгдэлли с этой жалкой тварью, с этой трусливой гадиной аптекарем. Они прихватили с собой двух офицеров городской стражи с патрулями, чтобы охранять, полагаю, их драгоценные особы... Кого я поистине не терплю, так это таких вот проныр, как Двайнинг!

– Осторожней, как бы он тебя не услышал, – сказал Смит. – Поверь мне, добрый шапочник, этот худышка, этот мешок с костями может оказаться пострашнее, чем двадцать таких здоровяков, как ты.

– Тьфу! Смит, шутник, ты меня дразнишь, – сказал Оливер, приглушив, однако, голос и опасливо оглядывая аптекаря, точно хотел высмотреть, какой же мускул, какая черта его тощего лица или тельца выдают затаенную угрозу. Успокоенный осмотром, он храбро добавил: – Клянусь мечом и щитом, приятель, я не побоялся бы рассориться с десятком таких Двайнингов. Что может он сделать человеку, у которого в жилах течет горячая кровь?

– Он может дать ему плоток лекарства, – коротко ответил Смит.

Было некогда продолжать беседу – Крейгдэлли крикнул им, что пора двигаться в путь на Кинфонс, и первый показал пример. Кони трусили неторопливой рысью, а у всадников пошел разговор о том, какого приема они могут ждать от своего мэра и примет ли тот к сердцу их жалобу на дерзкое нарушение их прав. Больше всех как будто склонялся к сомнению Гловер и не раз заводил речь в таком духе, что, казалось, он хотел навести спутников на мысль вовсе отказаться от затеи и замять дело. Однако он прямо этого не предлагал, страшась, как бы не возникли кривотолки, если он даст людям заподозрить, что не спешит отстаивать честное имя своей дочери. Двайнинг как будто разделял его взгляд, но высказывался осторожней, чем утром.

– В конце концов, – сказал бэйли, – когда я подумаю, сколько благ и даров перепало милорду мэру от нашего доброго города, я не могу помыслить, что он отнесется равнодушно к нашей беде. Не одна большая барка, груженная бордоским вином, отчалила от южного берега, чтобы сдать свой груз у замка Кинфонс. Я знаю, что говорю, раз я сам торгую заморским товаром.

– А я мог бы порассказать, – завел своим скрипучим голосом Двайнинг, – о затейливых лакомствах, об орехах в меду, о караваях пряного хлеба и даже о печеньях с той редкостной и вкусной приправой, которая зовется сахаром. Все это отправляют туда всякий раз, как празднуется свадьба, или крестины, или что-нибудь в этом роде. Но знаете, бэйли Крейгдэлли, вино разопьют, сласти съедят, а дарителя позабудут, как только исчезнет их вкус во рту. Увы, сосед! Где оно, минувшее Рождество? Там же, где прошлогодний снег.

– Но были еще и перчатки, наполненные золотыми монетами, – напомнил судья.

– И я знаю мастера, делавшего эти перчатки, – вставил свое слово Саймон, потому что как ни был он занят своими думами, они не могли заглушить в его уме помыслов, связанных с его ремеслом. – Один раз это была перчатка для соколиной охоты на ручку миледи. Я пустил ее широкогато, но миледи не поставила этого мастеру в укор, зная, какая предполагалась подбивка.

– Вот и хорошо, – сказал Крейгдэлли, – мастер не дал маху! Если нам и это не зачтется, то виноват в том будет мэр, а не город. Этот дар не съешь, не выпьешь в том виде, как он преподносится.

– А я мог бы кое-что поведать и об одном честном оружейнике, – сказал Смит, – но... соган на *schie*²¹, как выражается Джон Горец... На мой суд, рыцарь Кинфонс, мир ли, война ли, всегда исполняет свой долг перед городом. И нечего подсчитывать, сколько город делает ему добра. Пока что он не забывал долга благодарности.

– И я так сужу, – подхватил наш приятель Праудфьют с высоты своего седла. – Мы, веселые ребята, никогда не опустимся так низко, чтобы считаться вином да орешками с таким другом, как сэр Патрик Чартерис. Поверьте мне, такой отменный зверобой, как сэр Патрик, конечно, дорожит правом травли и гона на землях города, тем более что это право наряду с королем предоставлено только нашему мэру и больше ни одной душе – ни лорду, ни виллану.

Шапочник еще не договорил, когда слева послышалось: «Шу-шу... вау-вау... хау!» – призыв, каким на соколиной охоте вабят кречета.

– Сдается, тут кое-кто пользуется правом, о котором ты говоришь, хотя, как я погляжу, он не король и не мэр, – сказал Смит.

– Эге, вижу, вижу! – крикнул шапочник, решив, что ему представился превосходный случай отличиться. – Мы с тобой, веселый Смит, сейчас к нему подъедем и потолкуем с ним.

– Что ж, валяй! – крикнул Смит, и спутник его прищпорил свою кобылу и поскакал, не сомневаясь, что Гоу скачет за ним.

Но Крейгдэлли схватил под уздцы конька Генри.

– Стой, ни с места! – сказал он. – Пусть наш лихой наездник сам попытает счастья. Если ему обломают гребень, он присмирееет до вечера.

– Ясно уже и сейчас, – сказал Смит, – что с него собьют спесь. Тот молодец с пренаглым видом стал и смотрит на нас, точно мы его захватили на самой законной охоте... Судя по его незавидному коняге, ржавому шлему с петушиным пером и длинному двуручному мечу, он состоит на службе при каком-нибудь лорде из южан... из тех, что живут у самой границы! Эти никогда не сбрасывают с плеч черного кафтана, не ленятся раздавать удары и охулки на руку не кладут.

Пока они обсуждали таким образом возможный исход встречи, доблестный шапочник, все еще думая, что Смит следует за ним, принялся осаживать Джезабель, чтобы спутник его перегнал и подъехал к неприятелю первым или хотя бы вровень с ним. Но когда он увидел, что оружейник преспокойно стоит вместе со всеми в ста ярдах позади, наш храбрый вояка, подобно некоему старому испанскому генералу, затрясся всем телом, устранившись от опасности, в которую его вовлекал неугомонный воинственный пыл. Однако сознание, что за его спиной столько друзей, надежда, что численный перевес противника устранил одинокого правонарушителя, а главное, стыд, не позволявший ему пойти на попятный, когда он сам же добровольно ввязался в эту затею и когда столько людей будут свидетелями его позора, – все это взяло верх над сильным желанием поворотить свою Джезабель и со всею резвостью, на какую были способны ее ноги, примчаться назад, в круг друзей, так неосторожно им покинутый. Итак, не меняя направления, Оливер Праудфьют приближался к незна-

---

²¹ «Мир ли, война ли – все равно!»

комцу, тем сильнее встревоженный, что тот тоже пришпорил своего конька и рысцой затрусил ему навстречу. Почуввав в этом враждебные намерения, наш воин оглянулся раз-другой через левое плечо, как бы высматривая, нельзя ли отступить, и наконец решительно остановился. Но филистимлянин поравнялся с шапочником^[81] прежде, чем тот надумал, принять ли бой или спастись бегством, и был это весьма грозный филистимлянин: сам длинный и тощий, лицо отмечено двумя или тремя зловещими рубцами, и всем своим видом он как будто говорил порядочному человеку: «Стой, сдавайся!»

Тоном столь же мрачным, как его лицо, незнакомец завел разговор:

– Черт бы тебя унес на закорках! Ты зачем тут едешь по полю, портишь мне охоту?

– Не знаю, как вас именовать, уважаемый, – сказал наш приятель тоном мирного увещевания, – я же – Оливер Праудфьют, гражданин Перта, состоятельный человек, а там вы видите достопочтенного Адама Крейгдэлли, главного бэйли города, с воинственным Смитом из Уинда и еще тремя-четырьмя вооруженными людьми, которым желательно узнать, как вас зовут и почему вы развлекаетесь охотой на этих землях, принадлежащих городу Перту... Я, впрочем, позволю себе сказать от их имени, что у них нет никакого желания ссориться с джентльменом или чужеземцем из-за случайного нарушения... Только у них, понимаете, обычай – не разрешать, пока не попросят как положено. А потому... позвольте спросить, как мне величать вас, достойный сэр?

Под угрюмым, нетерпимым взглядом охотника Оливер Праудфьют совсем смешался к концу своей речи, не с такими словами он почел бы нужным обрушиться на правонарушителя, когда бы чувствовал у себя за спиною Генри Смита.

Но и на такой смягченный вариант обращения незнакомец ответил недоброй усмешкой, которая от рубцов на лице показала и вовсе отталкивающей.

– Вам угодно знать мое имя? – сказал он. – Я зовусь Дик Дьявол с Адовой Запруды, а в Эннендейле меня знают под именем Джонстона Удальца. Я состою при славном лэрде Уомфри, сподвижнике и сородиче грозного лорда Джонстона из отряда знаменитого графа Дугласа! А граф, и лорд, и лэрд, и я, его оруженосец, выпускаем своих соколов повсюду, где выследим дичь, и не спрашиваем, по чьей проезжаем земле²².

– Я передам ваши слова, сэр, – ответил как только мог кротко Оливер Праудфьют, ибо он испытывал сильное желание освободиться от миссии, которую так опрометчиво взял на себя.

Он стал даже поворачивать коня, когда приспешник Эннендейлов добавил:

– А это получай на память, чтобы не забыть, как ты повстречался с Диком Дьяволом. В другой раз не захочешь портить охоту никому, кто носит на плече знак крылатой шпоры.

С этими словами он раза три наотмашь стегнул незадачливого шапочника по лицу и по телу хлыстом. Последний удар пришелся по Джезабели, и та встала на дыбы, сбросила седока в траву и понеслась к стоявшему поодаль отряду горожан.

Низвергнутый со своей высоты, Праудфьют стал не слишком мужественно звать на помощь и тут же, не переводя дыхания, заныл о пощаде, ибо его противник, едва он свалился, быстро соскочил на землю и приставил к его горлу свой кинжал или охотничий нож, а другой рукой стал шарить в кармане у несчастного горожанина и даже обследовал его охотничью сумку, поклявшись при этом грозной клятвой, что присвоит все, что в ней найдет, так как ее владелец испортил ему охоту. Он грубо рванул кушак, еще сильнее напугав этим шапочника, ошеломленного таким беззастенчивым насилием: грабитель не потрудился даже отстегнуть пряжку, а попросту дергал за ремень, куда застежка не сдала. Но, как видно, в

---

²² Каждый шотландец должен сожалеть, что имя Джонстонов больше не числится в ряду пэров, и уповать, что кто-либо из многих претендентов хотя бы на менее высокую честь именоваться лордами Эннендейл уладит это дело в палате лордов. Родовые поместья семьи в большей своей части еще целы и находятся в достойных руках, они перешли к младшей ветви благородного дома Хоуптаунов, состоящих в числе претендентов на титулы старшей ветви. (*Примеч. авт.*)

сумке не оказалось ничего соблазнительного. Он ее с пренебрежением отшвырнул, позволив сброшенному наезднику встать на ноги, а сам уже вскочил на свою клячу и перевел взгляд на приближавшихся товарищей Оливера.

Когда гордый посол рухнул с седла и, по выражению Генри Смита, «обрел почву под ногами», послышался смех – настолько похвальба шапочника заранее расположила друзей позабавиться над его бедой. Но когда противник Оливера подошел к нему и начал его обыскивать вышеописанным образом, оружейник не выдержал:

– Извините, добрый мастер бэйли, я не могу допустить, чтобы жителя нашего города били, грабили и, чего доброго, убили у всех у нас на глазах. Это бросит тень на Славный Город. Несчастье соседа Праудфьюта обернется для нас позором. Я должен пойти ему на выручку.

– Мы все пойдем ему на выручку, – ответил бэйли Крейгдэлли. – Но чтоб никто без моего приказа не поднял меча! Нам навязали столько ссор, что, боюсь, у нас не хватит сил довести их до благополучного исхода. А потому убеждаю вас всех, и особенно тебя, Генри Уинд, во имя Славного Города: не поднимайте меча иначе, как для самозащиты.

Итак, они двинулись всем отрядом. Заметив, что их много, грабитель отпрянул от своей жертвы. Однако он стал в стороне и поглядывал издали, как волк, который хоть и отступит перед собаками, но в прямое бегство его не обратишь.

Увидав, какой оборот принимает дело, Генри прищпорил коня и, значительно опередив остальных, подъехал к месту, где Оливера Праудфьюта постигла беда. Первым делом он поймал Джезабель за поводья, реявшие на ветру, потом подвел кобылу к ее смущенному хозяину, который ковылял ему навстречу в испачканной после падения одежде, обливаясь слезами боли и унижения и, в общем, являя вид, столь далекий от обычной для него кичливой и щеголеватой важности, что честному Смику стало жалко маленького человечка и стыдно, что он позволил ему осрамиться перед всеми. Каждого, мне думается, веселит злая шутка. Но в том и разница между людьми, что злой человек пьет до дна усладу, которую она доставляет, тогда как в человеке более благородного душевного склада склонность посмеяться вскоре уступает место сочувствию и состраданию.

– Позволь, я тебе пособлю, сосед, – сказал Смит и, спрыгнув с коня, посадил Оливера, который, точно мартышка, старался вскарабкаться на свое боевое седло.

– Да простит тебя Бог, сосед Смит, что ты бросил меня одного! Не поверил бы я, что ты способен на такое, хотя бы мне в том присягнули пятьдесят самых верных свидетелей!

Таковы были первые слова, скорее грустные, нежели гневные, какими приунывший Оливер выразил свои чувства.

– Бэйли держал мою лошадь под уздцы. А кроме того, – добавил Генри, не сумев при всем своем сочувствии удержаться от улыбки, – я побоялся, как бы ты меня не обвинил, что я отнимаю у тебя половину чести, если бы я вздумал прийти к тебе на помощь, когда перед тобою был лишь один противник. Но не грусти! Этот подлец взял над тобою верх только потому, что твоя кобыла не слушалась узды.

– Что верно, то верно! – сказал Оливер, жадно ухватившись за такое объяснение.

– Вон он стоит, негодяй, радуется злу, которое совершил, и торжествует из-за твоего падения, как тот король в романе, игравший на виоле, когда горел его город^[82]. Идем со мной, и ты увидишь, как мы его отделаем... Не бойся, на этот раз я тебя не покину.

Сказав это, он схватил Джезабель за поводья и, не дав времени Оливеру возразить, помчался с нею бок о бок, устремившись к Дику Дьяволу, который стоял поодаль на гребне отлогого холма. Однако, считая ли бой неравным или полагая, что достаточно навоевался в этот день, Джонстон Удалец прищелкнул пальцами, поднял вызывающе руку, прищпорил коня и поскакал прямо в соседнее болото, по которому запорхал, точно дикая утка, размахи-

вая вабиком над головой и высвистывая своего кречета, хотя всякую другую лошадь с всадником тотчас же затянуло бы в трясины по самую подпругу.

– Как есть разбойник! – сказал Смит. – Он вступит в драку или побежит – как ему захочется, и гнаться за ним не больше проку, чем пуститься за диким гусем. Сдается мне, он прикарманил твой кошелек – эти молодчики редко когда смыываются с пустыми руками.

– Да-а, – печально протянул Праудфьют. – Он забрал кошелек, но это ничего – он оставил мне охотничью сумку!

– Так-то оно лучше! Охотничья сумка была бы для него эмблемой победы – трофеем, как говорят менестрели.

– Она ценна не только этим, приятель, – многозначительно проговорил Оливер.

– Отлично, сосед. Люблю, когда ты говоришь в свойственном тебе стиле начитанного человека. Веселей! Негодяй показал тебе спину, и ты получил назад трофеи, едва не потерянные в ту минуту, когда враг захватил тебя врасплох.

– Ах, Генри Гоу, Генри Гоу! – воскликнул шапочник и примолк с глубоким вздохом, чуть не со стоном.

– Что такое? – спросил тот. – О чем ты еще сокрушаешься?

– Я подозреваю, дорогой мой друг Генри Смит, что негодяй обратился в бегство из страха перед тобой – не передо мной.

– Зря ты так думаешь, – возразил оружейник. – Он увидел двоих и побежал, кто же скажет теперь, от кого он бежал – от того или другого? К тому же он ведь испытал на собственной шкуре твою силу и напористость: мы все видели, как ты брыкался и отбивался, лежа на земле.

– Это я-то отбивался? – сказал бедный Праудфьют. – Что-то не помню... Но я знаю, что в этом моя сила – ляжки у меня здоровенные. И все это видели?

– Видели не хуже меня, – сказал Смит, едва удерживаясь от смеха.

– А ты им об этом напомнишь?

– Непременно! – ответил Генри. – И о том, каким отчаянным храбрецом ты себя только что показал. Примечай, что я стану сейчас говорить Крейгдэлли, потом обернешь это в свою пользу.

– Не подумай, что мне требуется чье-то свидетельство: я по природе своей не уступаю в храбрости ни одному человеку в Перте, но только... – Великий храбрец запнулся.

– Только что? – спросил отважный оружейник.

– Только я боюсь, как бы меня не убили. Оставить вдовой мою милую женушку и малых детей – это, знаешь, было бы очень печально, Смит. Тебе это станет понятно, когда ты сам будешь в моем положении. Твоя отвага тогда поостынет.

– Очень возможно, – сказал, призадумавшись, оружейник.

– И потом, я так приучен к оружию и такое у меня могучее дыхание, что мало кто в этом со мною сравнится. Вот она где, силища! – сказал коротышка, надувшись так, что стал похож на чучело, и ударяя себя кулаком в грудь. – Тут хватило бы места для кузнечных мехов.

– Дыхание у тебя, я сказал бы, могучее, и впрямь – что кузнечные мехи... По крайней мере, твой разговор выдает...

– Мой разговор?... Ах ты шутник! Шел недавно из Данди вверх по реке громадина дромонд, так я распорядился пригнать его ко мне и отрубить нос...

– Как! Отрубить нос Драммонду?^[83] – вскричал оружейник. – Да ведь это же значит ввязаться в ссору с целым кланом – и чуть ли не самым бешеным в стране.

– Упаси нас святой Андрей! Ты не так меня понял... Я сказал не «Драммонд», а «дромонд» – это большая барка. От нее отрубили нос... то есть, наоборот, корму... обтесали и раскрасили под султана или сарацина, и я на нем практикуюсь: вздохну во всю грудь, занесу свой двуручный меч да как рубану! Потом по боку сплеча, потом пырну, и так целый час.

– Таким путем ты, конечно, хорошо научился владеть оружием, – сказал Смит.

– Еще бы!.. А иногда я надеваю на своего султана шапку (понятно, старую) и с маху рассекаю ему голову, да с такою силой, что верь не верь – у этого язычника и черепа-то почти уже не осталось, скоро не по чему будет бить.

– Очень жаль, ты больше не сможешь упражняться, – сказал Генри. – А знаешь, мастер, давай как-нибудь я надену шлем и нагрудник, и ты будешь по мне рубить, а я палашом отводить удары и сам наносить ответные. Что скажешь? Согласен?

– Нет, никоим образом, дорогой мой друг! Я нанес бы тебе слишком тяжкие увечья... К тому же, сказать по правде, мне куда способней бить по шлему или колпаку, когда он сидит на моем деревянном султанике – я тогда знаю наверняка, что собою его. А когда мельтешат перед глазами перья, и яростно сверкает из-под забрала пара глаз и, когда все вместе так и пляшет вокруг, тогда у меня, признаться, опускаются руки.

– Значит, если бы каждый стоял перед тобой чурбаном, как твой сарацин, ты мог бы покорить весь мир – так, мастер Праудфьют?

– Со временем, поупражнявшись, пожалуй, мог бы, – ответил Оливер. – Но вот мы и поравнялись с остальными. Бэйли Крейгдэлли смотрит гневно, но гнев его меня не устрашит!

Ты не забыл, любезный читатель, что как только главный бэйли Перта и все, кто был при нем, увидели, что Смит поднимает растерявшегося шапочника, а незнакомец отступил, они не дали себе труда подъехать ближе, решив, что товарищ уже не нуждается в их помощи, коль скоро возле него грозный Генри Гоу. Вместо того они пустились дальше прямой дорогой на Кинфонс, потому что всякая задержка в исполнении их миссии представлялась нежелательной. Так как прошло некоторое время, пока шапочник и Смит догнали остальных, бэйли Крейгдэлли стал корить их обоих, и в особенности Генри Смита, за то, что они вздумали тратить драгоценное время на погоню, да еще в гору, за сокольничим.

– Как бог свят, мастер бэйли, я не виноват, – возразил Смит. – Если вы сосворите обыкновенную дворнягу из Низины с горским волкодавом, не вините ее, когда она побежит туда, куда тот ее потянет за собой. Именно так, а не иначе, вышло со мной и Оливером Праудфьютом. Едва он встал снова на ноги, как тотчас с быстротою молнии вскочил на свою кобылу и, взбешенный поведением негодяя (который так не рыцарственно воспользовался своим преимуществом, когда под противником споткнулся конь), ринулся за ним, точно дромадер. Мне ничего не оставалось, как только последовать за ним, чтобы конь не споткнулся под ним вторично и чтобы защитить нашего слишком храброго друга и воителя, в случае если он у вершины холма нарвется на засаду. Но негодяй – он оказался приспешником какого-то лорда с границы и носит опознавательный знак, крылатую шпору – летел от нашего соседа быстрее стрелы.

Верховный бэйли города Перта слушал, недоумевая, с чего это Смит вздумалось пускать такую молву. До сих пор Гоу никогда не придавал большого значения и не очень-то верил фантастическим рассказам шапочника о его небывалых подвигах, рассказам, которые впредь слушателям предлагалось принимать как нечто достоверное. Но старый Гловер, более проникательный, понял затею друга.

– Бедный шапочник у нас и вовсе спятит, – шепнул он Генри Смит, – он теперь пойдет трепать языком и поднимет трезвон на весь город, когда приличия ради ему бы лучше помалкивать.

– Ох, клянусь Пречистой, отец, – ответил Смит, – я люблю нашего бедного хвастунишку и не хочу, чтоб он сидел сокрушенный и притихший в зале у мэра, когда все они, и особенно этот ядовитый аптекарь, станут высказывать свое мнение.

– У тебя слишком доброе сердце, Генри, – возразил Саймон. – Однако приметь себе разницу между этими двумя: безобидный маленький шапочник напускает на себя вид дра-

кона, чтобы скрыть свою трусость, тогда как аптекарь нарочно представляется боязливым, малодушным и приниженным, чтобы люди не распознали, как он опасен в своем коварстве. Гадюка, хоть и заползает под камень, жалит смертельно. Говорю тебе, Генри, сынок, этот ходячий скелет при своей угодливой повадке и боязливом разговоре не так боится опасности, как любит зло... Но вот перед нами замок мэра. Величавое место этот Кинфонс, и для нас это к чести, что во главе нашего городского самоуправления стоит владетель такого прекрасного замка!

– Хорошая крепость, что и говорить, – подтвердил Смит, глядя на широкий, извилистый Тэй, катящийся под крутогором, где высился старый замок (как ныне высится новый) и смотрел властителем долины, хотя на противном берегу реки мощные стены Элкоу, казалось, оспаривали его верховенство.

Но Элкоу в те годы был мирным женским монастырем, и стены, его окружавшие, служили оградой затворницам-весталкам, а не оплотом вооруженного гарнизона.

– Славный замок! – продолжал оружейник и перевел взгляд на башни Кинфонса. – Он броня и щит на нашем добром Тэе. Изрядно иззубрится клинок, прежде чем нанесет ему ущерб.

Привратник Кинфонса, издали распознав, кто эти всадники, уже отворил перед ними ворота и послал известить сэра Патрика Чартериса, что к замку подъезжает главный бэйли Перта и с ним еще несколько видных горожан. Славный рыцарь, собравшийся было на соколиную охоту, выслушал сообщение с тем примерно чувством, с каким депутат, представляющий в современном парламенте небольшой шотландский городок, узнал бы, что к нему нагрянула в неурочный час делегация от его почтенных избирателей. Иначе говоря, послав в душе непрошенных гостей к черту и дьяволу, он отдал приказ принять их со всею пышностью и учтивостью, стольникам велено было немедленно нести в рыцарский зал горячее жаркое из дичи и холодные запеканки, а дворецкому – раскрыть непочатые бочонки и делать свое дело, ибо если Славный Город время от времени пополнял погреб своего мэра, то равным образом граждане Перта не отказывались при случае помочь барону осушать его бутылки.

Добрых горожан почтительно ввели в зал, где рыцарь в кафтане для верховой езды и в сапогах с голенищами выше колен принял их с любезно-покровительственным видом, тогда как в душе желал гостям сгинуть на дне Тэя, ибо из-за их вторжения пришлось отложить утреннюю забаву. Обнажив голову и держа шляпу в руке, он прошел им навстречу до середины зала и рассыпался в приветствиях:

– А, мой добрый мастер верховный бэйли, и ты, мой достойный Саймон Гловер, отцы Славного Города!.. И ты, мой ученый составитель зелий... И ты, мой храбрый Смит!.. И мой лихой рубака шапочник, который больше рассек черепов, чем покрыл их своими шапками! Чему я обязан удовольствием видеть у себя стольких друзей в этот ранний час? Я собрался было пустить в полет соколов, и, если вы разделите со мной потеху, она станет приятна вдвойне... (А про себя: «Матерь Божья, чтоб им свернуть себе шеи!») – понятно, если город не собирается возложить на меня каких-либо дел... Гилберт, дворецкий, что ты замешкался, плут?.. Надеюсь, у вас нет ко мне более важного поручения, чем проверить, сохранила ли мальвазия надлежащий вкус?

Представители города отвечали на любезности мэра поклонами, отражавшими их нрав, причем аптекарь сделал самый низкий поклон, а Смит – самый непринужденный. Видно, он как боец знал себе цену. За всех ответил главный бэйли.

– Сэр Патрик Чартерис, – начал он веско, – когда бы нас привело к вам одно только желание лишний раз попить под гостеприимным кровом нашего благородного мэра, простая благовоспитанность подсказала бы нам, что с этим можно подождать, покуда вы соизволите пригласить нас, как приглашали не раз. А что касается соколиной охоты, так мы в это утро уже довольно имели с нею дела: некий неистовый охотник, пустивший сокола

здесь, над ближним болотом, выбил из седла и крепко отдубасил достойного нашего друга Оливера-шапочника (или, как называют его некоторые, Праудфьюта) только за то, что мастер Праудфьют спросил его от вашего почтенного имени и от имени города Перта, кто он такой и почему взял на себя смелость охотиться на землях Сент-Джонстона.

– И что же он сообщил о себе? – спросил мэр. – Клянусь святым Иоанном, я покажу ему, как сгонять дичь с болот до моего прихода!

– Разрешите мне вам объяснить, ваша светлость, – вставил шапочник, – он захватил меня врасплох. Но я потом опять вскочил на коня и ринулся на него, как рыцарь. Он назвался Ричардом Дьяволом.

– Пойдите, сударь! Это тот, о ком сочиняют стихи и повести?^[84] – спросил мэр. – А я то считал, что мерзавца зовут Робертом.

– Думаю, это разные лица, милорд. Я назвал молодца полным именем, сам же он представился как Дик Дьявол и сказал, что он из Джонстонов и состоит на службе у лорда этого имени. Но я загнал его назад в трясину и отобрал у него свою охотничью сумку, которую он захватил, когда я лежал на земле.

Сэр Патрик примолк в раздумье.

– Мы слышаны, – сказал он, – о лорде Джонстоне и его удалцах. С ними лучше не связываться – проку не будет... Смит, скажи мне, и ты это допустил?

– Да, сэр Патрик. Те, кому я обязан повиноваться, не позволили мне прийти на помощь товарищу.

– Что ж, если вы сами с этим миритесь, – сказал мэр, – я не вижу, чего ради нам вмешиваться, тем более что мастер Оливер Праудфьют, хоть и потерпел поначалу, когда его захватили врасплох, сумел потом, по собственным его словам, постоять за себя и за честь своего города... Но вот наконец несут нам вино. Наливай по кругу моим добрым друзьям и гостям, наполняй чаши до краев. За процветание Сент-Джонстона! Веселья и радости всем вам, честные мои друзья! И прошу, налягте на закуски, потому что солнце стоит высоко, а вы – люди дела и позавтракали, надо думать, не час и не два тому назад.

– Прежде чем мы сядем за еду – сказал верховный бэйли, – разрешите нам, милорд мэр, поведать вам, какая неотложная нужда привела нас сюда. Мы еще не коснулись этого вопроса.

– Нет уж, прошу вас, бэйли, отложим это до тех пор, пока вы не поедите. Верно, жалоба на негодных слуг и телохранителей какого-нибудь знатного лица, что они играют в ножной мяч на улицах города, или что-нибудь в этом роде?

– Нет, милорд, – сказал Крейгдэлли решительно и твердо, – мы явились с жалобой не на слуг, а на их хозяев, за то, что играют, как в мяч, честью наших семей и беззастенчиво ломаются в спальни наших дочерей, как в непотребные дома Парижа. Ватага пьяных гуляк – из придворных, из людей, как можно думать, высокого звания, пыталась этой ночью залезть в окно к Саймону Гловеру. А когда Генри Смит помешал им, они стали отбиваться – обнажили мечи и дрались до тех пор, пока не поднялись горожане и не обратили их в бегство.

– Как! – вскричал сэр Патрик, опуская чашу, которую хотел уже поднести ко рту. – Какая наглость! Если это будет доказано, клянусь душой Томаса Лонгвиля, я добьюсь для вас правды, все свои силы приложу, хотя бы мне пришлось отдать и жизнь и землю!.. Кто засвидетельствует происшествие? Саймон Гловер, ты слынешь честным и осторожным человеком – берешь ты на свою совесть удостовериться, что обвинение отвечает истине?

– Милорд, – заговорил Саймон, – право же, я неохотно выступаю с жалобой по такому важному делу. Никто не потерпел ущерба, кроме самих нарушителей мира. Ведь только тот, кто имеет большую власть, мог отважиться на столь дерзкое беззаконие, и не хотел бы я, чтоб из-за меня мой родной город оказался вовлечен в ссору с могущественным и знатным человеком. Но мне дали понять, что, если я воздержусь от жалобы, я тем самым допущу

подозрение, будто моя дочь сама ждала ночного гостя, а это сущая ложь. Поэтому, милорд, я расскажу вашей милости все, что я знаю о происшедшем, и дальнейшее предоставлю на ваше мудрое усмотрение.

И он рассказал о нападении подробно и точно – все, как он видел.

Сэр Патрик Чартерис выслушал старого перчаточника очень внимательно, и его, казалось, особенно поразило, что захваченному в плен участнику нападения удалось бежать.

– Странно, – сказал рыцарь, – если он уже попался вам в руки, как вы дали ему уйти? Вы его хорошо разглядели? Могли бы вы его узнать?

– Я его видел лишь при свете фонаря, милорд мэр. А как я его упустил? Так я же был с ним один на один, – сказал Гловер, – а я стар. Все же я бы его не выпустил, не закричи в тот миг наверху моя дочь, а когда я вернулся из ее комнаты, пленник уже сбежал через сад.

– А теперь, оружейник, – молвил сэр Патрик, – расскажи нам как правдивый человек и как добрый боец, что ты знаешь об этом деле.

Генри Гоу в свойственном ему решительном стиле дал короткий, но ясный отчет о случившемся.

Следующим попросили рассказать почтенного Праудфьюта. Шапочник напустил на себя самый важный вид и начал:

– Касаясь ужасного и поразительного происшествия, возмутившего покой нашего города, я, правда, не могу сказать, как Генри Гоу, что видел все с самого начала. Но никак нельзя отрицать, что развязка проходила почти вся на моих глазах и, в частности, что я добыл самую существенную улику для осуждения негодяев.

– Что же именно, почтенный? – сказал сэр Патрик Чартерис. – Не размазывай и не бахвалься, попусту время не трать. Какая улика?

– В этой сумке я принес вашей милости кое-что, оставленное на поле битвы одним из негодяев, – сказал коротышка. – Этот трофей, сознаюсь по чести и правде, добыт мною не мечом в бою, но пусть отдадут мне должное: это я сберег его с таким присутствием духа, какое редко проявляет человек, когда кругом пылают факелы и слышен звон мечей. Я сберег улику, и вот она здесь.

С этими словами он извлек из упомянутой нами охотничьей сумки окоченелую руку, которая была найдена на месте схватки.

– Да, шапочник, – сказал мэр, – я признаю, у тебя достало мужества подобрать руку негодяя после того, как ее отрубили от тела... Но что еще ты ищешь так хлопотливо в своей сумке?

– Тут должно лежать... тут было... кольцо, милорд, которое негодяй носил на пальце. Боюсь, я по рассеянности забыл его дома – я снимал его, чтобы показать жене, потому что она не стала бы смотреть на мертвую руку – ведь женщинам такое зрелище не по нутру. Но я думал, что снова надел кольцо на палец. Между тем оно, как я понимаю, осталось дома. Я съезжу за ним, а Генри Смит пускай скачет со мною.

– Мы все поскачем с тобой, – сказал сэр Патрик Чартерис, – так как я и сам еду в город. Видите, честные граждане и добрые обыватели Перта, вы могли считать, что я тяжел на подъем там, где дело идет о пустячных жалобах и мелких нарушениях ваших привилегий – например, когда кто-то стреляет вашу дичь или когда слуги баронов гоняют мяч на улицах и тому подобное, – но, клянусь душой Томаса Лонгвиля, в важном деле Патрик Чартерис не станет мешкать! Эта рука, – продолжал он, поднимая ее, – принадлежала человеку, не знавшему тяжелой работы. Мы пристроим ее так, что каждый увидит ее, станет известно, кто владелец, и, если в его товарищах по кутежу сохранилась хоть искра чести... Вот что, Джерард, отбери мне с десятков надежных молодцов и вели им живо седлать коней, надеть латы, взять копыя... А вам скажу, соседи: если теперь возникнет ссора, что вполне возможно, мы

должны поддержать друг друга. Если мой несчастный дом подвергнется нападению, сколько человек вы приведете мне на подмогу?

Горожане поглядели на Генри Гоу, на которого привыкли полагаться всякий раз, когда обсуждались дела такого рода.

– Я поручусь, – сказал он, – что общинный колокол не прозвонит и десяти минут, как соберется не менее пятидесяти добровольцев, и не менее тысячи – в течение часа.

– Отлично, – сказал доблестный мэр. – Я же, если будет нужда, приду на помощь Славному Городу со всеми моими людьми. А теперь, друзья, на коней!

Глава IX

*И возложили ж на меня задачу!
Теперь не знаю сам, как сбуду с рук...
А кто поверит?^[85]*

«Ричард II»

На святого Валентина, в первом часу дня, настоятель доминиканского монастыря исполнял свою обязанность исповедника некоей высокой особы. Это был осанистый старик с ярким, здоровым румянцем на щеках и почтенной белой бородой, ложившейся на грудь. Широкий лоб и голубые глаза, большие и ясные, выражали достоинство человека, привыкшего принимать добровольно воздаваемые почести, а не требовать их там, где ему в них отказывают. Доброе выражение лица говорило о том чрезмерном благодушии, которое граничит с безответной простотой или слабостью духа: казалось, этот человек не способен ни сломить сопротивление, ни дать, где надо, отпор. На седых кудрях поверх синей повязки лежал небольшой золотой венчик, или корона. Червонного золота четки, крупные и яркие, были довольно грубой работы, но зато каждую бусину украшала шотландская жемчужина необычайного размера и редкостной красоты. Других драгоценностей на кающемся не было, а его одеяние составляло длинное малинового цвета шелковое платье, перехваченное малиновым же кушаком. Получив отпущение, он тяжело поднялся с вышитой подушки, на которой стоял коленапреклоненный во время исповеди, и, опираясь на палку слоновой кости, двинулся, неуклюже хромая, с мучительной болью, к пышному креслу под балдахин, нарочно поставленному для него у очага в высокой и просторной исповедальне.

Это был Роберт, третий король этого имени на шотландском престоле и второй – из несчастливой династии Стюартов. Он обладал немалыми достоинствами и некоторыми дарованиями, но разделял несчастье, выпавшее на долю многих в его обреченном роду: его добродетели не отвечали той роли, которую суждено ему было исполнять. Буйному народу, каким были тогда шотландцы, требовался король воинственного нрава, быстрый и деятельный, щедрый в награде за услуги, строгий в каре за вину, король, который своим поведением внушал бы не только любовь, но и страх. Достоинства Роберта III были как раз обратного свойства. В молодые годы он, правда, принимал участие в боях, но, хотя он и не покрыл себя позором, все же никогда не проявлял рыцарской любви к битвам и опасностям или жадного стремления отличиться подвигами, каких тот век ожидал от каждого, кто гордился высоким рождением и мог по праву притязать на власть.

Впрочем, ему рано пришлось отказаться от военного поприща. Однажды в суতোлке турнира юного графа Кэррика (такой титул носил он в ту пору) ударил копытом конь сэра Джеймса Дугласа Далкита^[86], после чего граф остался на всю жизнь хромым и лишился возможности принимать участие в битвах или в турнирах и воинских играх, представлявших собою их подобие. Поскольку Роберт никогда не питал особой склонности к ратным трудам, он, может быть, не так уж горевал об увечье, навсегда оторвавшем его от них и от всего, что их напоминало. Но несчастье – или, вернее, его последствия – принизило его в глазах жестокой знати и воинственного народа. Он вынужден был возлагать свои главные дела то на одного, то на другого члена королевской семьи, неизменно облакая своего заместителя всеми полномочиями, а иногда и званием наместника. Отцовская любовь склонила бы его прибегнуть за помощью к старшему сыну – молодому человеку, умному и дарови-

тому, которого он сделал герцогом Ротсеем²³, стремясь придать ему достоинство первого лица в государстве после короля. Но у юного принца была слишком взбалмошная голова, а рука слишком слаба, чтобы с подобающим достоинством держать врученный ему скипетр. Герцог Ротсей, как ни любил власть, больше всего был предан погоне за удовольствиями, и двор тревожили, а страну возмущали бесчисленные мимолетные любовные связи и буйные кутежи, которые позволял себе тот, кто должен был подавать пример благопристойности и добронравия всему юношеству королевства.

Своеволие и распущенность герцога Ротсея тем более осуждались в народе, что он был женат, но, с другой стороны, кое-кто из тех, кого подчинили своему обаянию его молодость, изящество, его веселый, добрый нрав, держались того мнения, что именно обстоятельства женитьбы оправдывали его беспутство. Эти люди указывали, что брак был заключен исключительно по воле герцога Олбени, дяди молодого принца, чьими советами всецело руководился в ту пору немощный и робкий король. Поговаривали притом, что герцог Олбени всячески норовил использовать свое влияние на брата своего и государя во вред интересам и видам молодого наследника. Происками Олбени рука и сердце наследника были, можно сказать, проданы с торгов: знать широко известили, что тот из князей Шотландии, кто даст за дочь самое большое приданое, тем самым возведет ее на ложе герцога Ротсея.

В последовавшем соревновании предпочтение перед прочими искателями было отдано Джорджу, графу Данбара и Марча^[87], владевшему (где лично, а где через вассалов) значительной частью земель на восточной границе королевства, и его дочь, при обоюдном согласии юной четы, была помолвлена с герцогом Ротсеем.

Но пришлось посчитаться еще и с третьей стороной – и то был не кто иной, как могущественный Арчибалд, граф Дуглас, грозный и обширностью своих владений, и бесчисленными своими привилегиями, и судейской властью, которой он был облечен, и личными своими качествами – умом и отвагой в сочетании с неукротимой гордостью и мстительностью, необычной даже для феодальной поры. Дуглас к тому же состоял в близком родстве с королевским домом – он был женат на старшей дочери царствующего государя.

Едва свершилась помолвка герцога Ротсея с дочерью графа Марча, Дуглас – как если бы он лишь для того и держался до сих пор в стороне, чтобы затем показать, что сделка не может быть заключена ни с кем, кроме него, – выступил на арену и сорвал договор. Он назначил своей дочери Марджори^[88] еще большее приданое, чем предложил за свою граф Марч. Герцог Олбени, толкаемый жадностью и страхом перед Дугласом, пустил в ход все свое влияние на робкого государя, и тот в конце концов по настоянию брата расторг контракт с графом Марчем и женил сына на Марджори Дуглас, женщине, которая была противна юному Ротсею. Графу Марчу не принесли никаких извинений – указали только, что обручение наследного принца с его дочерью Элизабет Данбар еще не одобрено парламентом, а пока такая ратификация не имела места, договор нельзя считать вступившим в силу. Марча глубоко оскорбила обида, нанесенная ему и его дочери, и он, как все понимали, жаждал отомстить, что было для него вполне возможно, поскольку он держал в своих руках ключ от английской границы.

А герцог Ротсей, возмущенный тем, что его сердечная склонность принесена в жертву политической интриге, выражал недовольство по-своему, откровенно пренебрегая женой, выказывая презрение могущественному и грозному тестю, недостаточно склоняясь пред

---

²³ Этот титул и титул герцога Олбени, полученный братом короля, явились первыми примерами присвоения герцогского звания в Шотландии. Бьюкэнан упоминает об этом новшестве в таких выражениях, которые показывают, что даже он разделял общее предубеждение, с каким шотландцы и в более поздние времена смотрели на это звание. Да и в самом деле, оно почти во всех случаях оказывалось связанным с тяжелыми несчастьями и нередко с кровавыми преступлениями. (Примеч. авт.)

волей короля и вовсе не считаясь с увещаниями дяди, герцога Олбени, в котором видел своего заклятого врага.

Среди этих семейных раздоров, которые проникали даже в королевский совет и сказывались на управлении страной, всюду внося нерешительность и разногласие, слабовольный государь некоторое время находил опору в своей жене, королеве Аннабелле^[89], дочери знатного дома Драммондов. Одаренная проницательным умом и твердостью духа, она оказывала сдерживающее влияние на своего легкомысленного сына, который ее уважал, и во многих случаях умела заставить колеблющегося короля стойко держаться принятых решений. Но после ее смерти неразумный монарх и вовсе уподобился кораблю, сорвавшемуся с якорей и мятущемуся по волнам во власти противных течений. Если судить отвлеченно, можно было бы сказать, что Роберт нежно любил сына, глубоко почитал своего брата Олбени за твердый характер, которого так недоставало ему самому, трепетал в безотчетном страхе перед Дугласом и не слишком полагался на верность храброго, но непостоянного графа Марча. Однако его чувства к этим разным лицам, сталкиваясь между собой, оказывались так запутаны и осложнены, что временами как будто обращались в собственную противоположность, и в зависимости от того, кто последним подчинил себе его слабую волю, король превращался из снисходительного отца – в строгого и жестокого, из доверчивого брата – в подозрительного, из милостивого и щедрого государя – в жадного, незаконного угнетателя. Его нестойкий дух, подобно хамелеону, принимал окраску души того человека, на чей сильный характер король в этот час положился, ища совета и помощи. И когда он отметал советы кого-либо из членов своей семьи и передавал руководство другому, это сопровождалось обычно крутой переменой во всех мероприятиях, что бросало тень на доброе имя короля и подрывало безопасность государства.

Неудивительно, что католическое духовенство приобрело влияние на человека, столь доброго в своих намерениях, но столь шаткого в решениях. Роберту не давало покоя не только вполне закономерное сожаление об ошибках, действительно им совершенных, но и тот мучительный страх перед будущими прегрешениями, которому бывает подвержен суеверный и робкий ум. А потому едва ли нужно добавлять, что церковники всевозможных толков приобрели немалое влияние на бесхарактерного государя – хотя, сказать по правде, этого влияния в ту пору не мог избежать ни один человек, как бы твердо и решительно ни шел он к своей цели в делах мирских. Но кончим на этом наше длинное отступление, без которого, пожалуй, было бы не очень понятно то, что мы собираемся здесь рассказать.

Король тяжело и неуклюже подошел к мягкому креслу под пышным балдахином и опустился в него с тем наслаждением, какое испытывает склонный к лени человек после того, как долгое время был принужден сохранять одну неизменную позу. Когда он сел, его старческое лицо, благородное и доброе, выражало благоволение. Настоятель не позволил себе сесть в присутствии короля и стоял перед его креслом, пряча под покровом глубокой почти-тельности присущую ему надменную осанку. Ему было уже под пятьдесят, но в его темных от природы кудрях вы не заметили бы ни одного седого волоса. Резкие черты лица и проницательный взгляд свидетельствовали о тех дарованиях, благодаря которым почтенный монах достиг высокого положения в общине, ныне им возглавляемой, и, добавим, в королевском совете, где ему нередко случалось их применять. Воспитание и обычай учили его всегда и во всем иметь в виду в первую очередь расширение власти и богатства церкви, а также искоренение ереси, и в стремлении к этим двум целям он широко пользовался всеми средствами, какие ему доставлял его сан. Но свою религию он чтит с глубокой искренностью веры и с той высокой нравственностью, которая руководила им в повседневных делах. Недостатки приора Ансельма, вовлекавшие его не раз в тяжелые ошибки, а иногда и в жестокое дело, принадлежали скорее его веку и сословию – его добродетели были свойственны лично ему.

– Когда все будет завершено, – сказал король, – и моя дарственная грамота закрепит за вашим монастырем перечисленные земли, как вы полагаете, отец, заслужу ли я тогда милость нашей святой матери церкви и вправе ли буду называться ее смиренным сыном?

– Несомненно, мой сеньор, – отвечал настоятель. – Я молю Бога, чтобы все дети церкви под воздействием таинства исповеди приходили к столь глубокому осознанию своих ошибок и столь горячему стремлению их искупить! Но эти слова утешения, государь, я говорю не Роберту, королю Шотландии, а только смиренно пришедшему ко мне с покаянием Роберту Стюарту Кэррику.

– Вы удивляете меня, отец, – возразил король. – Мою совесть мало тяготит что-либо из того, что я свершаю по королевской своей обязанности, так как в этих случаях я следую не столько собственному мнению, сколько указаниям моих мудрейших советников.

– В этом-то и заключается опасность, государь, – ответил настоятель. – Святой отец узнает в вашей светлости – в каждом вашем помысле, слове, деянии – послушного вассала святой церкви. Но бывают дурные советники, которые внемлют своим порочным сердцам, злоупотребляют добротой и податливостью короля и под видом служения его преходящему благу предпринимают дела, грозящие ему погибелью в жизни вечной.

Король Роберт выпрямился в своем кресле и принял властную осанку, обычно чуждую ему, хоть она ему так подбала.

– Приор Ансельм, – сказал он, – если в моем поведении – действовал ли я как король или как частный человек, Роберт Стюарт Кэррик, – вам открылось нечто, что могло вызвать такое суровое осуждение, какое мне послышалось в ваших словах, то ваш долг – высказаться прямо, и я вам это приказываю.

– Повинуюсь, мой государь, – ответил настоятель с поклоном. Потом он выпрямился и с достоинством своего высокого сана сказал: – Выслушай от меня слова нашего святейшего отца, наместника святого Петра, кому переданы ключи царствия небесного, дабы налагал он узы и разрешал их: «Почему, о Роберт Шотландский, на епископский престол Святого Андрея ты не принял Генри Уордло^[90], которого папа приказал возвести на этот престол? Почему твои уста изъявляют готовность послушно служить церкви, тогда как дела твои вещают о порочности и непокорности твоей души? Послушание угодней небу, чем пожертвования!»

– Сэр приор, – сказал король, переходя на тон, более подходящий его высокому званию, – мы можем и не отвечать вам, поскольку вы затронули предмет, касающийся нас и благосостояния нашего королевства, но не частной нашей совести.

– Увы! – сказал настоятель. – А чьей совести будет он касаться в день Страшного суда? Кто из твоих знатных лордов или богатых горожан станет тогда между своим королем и карой, которую король навлек на себя, следуя мирским расчетам при разрешении церковных дел? Знай, могущественный государь: если даже все рыцари твоего королевства оградят тебя щитами от разящей молнии, они будут испепелены, истлеют, как пергамент перед пламенем горна.

– Добрый отец настоятель, – сказал король, чья боязливая мысль редко когда могла не подчиниться воздействию такого рода речей, – вы, право же, чрезмерно сурово судите об этом деле. Прием примаса^[91], к несчастью, встретил сопротивление во время моей последней болезни, пока Шотландией управлял от моего имени граф Дуглас, мой наместник. А потому не ставьте мне в укор то, что свершилось, когда я, неспособный вести дела королевства, был вынужден передать свою власть другому.

– Вашему подданному, государь, вы сказали достаточно, – возразил настоятель. – Но если недоразумение возникло, когда вас замещал граф Дуглас, легат его святейшества вправе спросить, почему оно не было немедленно улажено, как только король снова взял в свои царственные руки бразды правления? Черный Дуглас властен сделать многое – и, наверно,

больше того, что король может позволить кому-либо из своих подданных. Но граф не властен стать между королем и его совестью, не властен снять с вас ваш долг перед святою церковью, который на вас возлагает королевский сан.

– Отец, – сказал в нетерпении Роберт, – вы слишком настойчивы, вам бы следовало хоть повременить, пока мы обсудим вопрос и найдем решение. Подобные несогласия не раз происходили в царствование наших предшественников, и наш высокий предок, король Давид Святой^[92], никогда не отступал от своих королевских привилегий, не попытавшись сперва отстоять их, хоть это и вовлекало его в споры с самим святейшим отцом.

– В этом великий и добрый король не был ни свят, ни богоугоден, – возразил настоятель, – и потому он принял поражение и позор от своих врагов, когда поднял меч против знамен святого Петра, и святого Павла, и святого Иоанна Беверлея^[93] в войне, называемой по сию пору Войной за хоругвь. Блажен он, что, подобно тезке своему, сыну Иессии, претерпел кару на земле^[94] и его грех не возопил против него в грозный день Божьего суда.

– Хорошо, добрый настоятель... хорошо... сейчас довольно об этом. С Божьего соизволения святому престолу не придется жаловаться на меня. Пречистая мне свидетельницей, я и ради короны, которою венчан, не взял бы на душу свою нанести ущерб нашей матери церкви. Мы всегда опасались, что граф Дуглас в чрезмерной приверженности славе и бранным благам жизни преходящей не заботится, как должно, о спасении своей души.

– Совсем недавно, – сказал настоятель, – он со свитой в тысячу своих придворных и слуг самочинно стал на постой в монастыре Аберброкоток, и теперь аббат вынужден доставлять ему все необходимое для его людей и лошадей. Граф это называет гостеприимством, в котором ему не должна отказывать обитель, основанная в значительной мере на даяния его предков. Но, право же, монастырь предпочел бы возвратить Дугласу его земли, чем подвергаться таким поборам: это же чистое вымогательство, какого можно ждать от нищих удальцов из горных кланов, но не от барона из христианской страны.

– Черные Дугласы, – сказал со вздохом король, – это такое племя, которому не скажешь «нет». Но, отец настоятель, я, может быть, и сам становлюсь похож на подобного вымогателя? Я загостился у вас, а содержать мою свиту изо дня в день, хоть она и не столь велика, как у Дугласа, для вас достаточно обременительно, и, хотя мы установили порядок высылать вперед поставщиков, чтобы по возможности облегчить вам расходы, все же мы вас тяготим, не пора ли нам удалиться?

– Нет, нет, упаси Пречистая! – воскликнул настоятель, который был честолюбив, но никак не скуп и, напротив того, славился щедростью и широтой. – Неужели доминиканский монастырь не может оказать своему государю то гостеприимство, с каким обитель открывает свои двери перед каждым странником любого сословия, готовым принять хлеб-соль из рук смиренных слуг нашего патрона? Нет, мой царственный сеньор! Явитесь со свитою в десять раз большей, чем ныне, и ей не будет отказано в горстке зерна, в охапке соломы, в ломте хлеба или толике пищи, покуда ими не оскудел монастырь. Одно дело употреблять доходы церкви, несоизмеримо превышающие нужды и потребности монахов, на приличный и достойный прием вашего королевского величества, и совсем другое – если у нас их вырывают грубые насильники, которые в своей безграничной жадности грабят сколько могут.

– Отлично, мой добрый приор, – сказал король. – Теперь, чтоб отвлечь наши мысли от государственных дел, не доложит ли нам ваше преподобие, как добрые граждане Перта встретили Валентинов день? Надеюсь, галантно, весело и мирно?

– Галантно ли? В подобных вещах, мой государь, я мало знаю толку. А вот мирно ли, об этом я могу рассказать. Нынче перед рассветом три-четыре человека, из них двое жестоко изувеченных, явились к нам просить убежища у алтаря: их настигали обыватели в штанах и рубахах, с дубинками, мечами, алебардами и бердышами в руках и грозили один другого громче забить их насмерть. Они не уgomонились и тогда, когда наш привратник, несший

ночную стражу, объявил им, что те, за кем они гонятся, укрылись в галилее церкви²⁴. Нет, они еще довольно долго не переставали орать и колотить в заднюю дверь, требуя, чтоб им выдали людей, нанесших им обиду. Я боялся, что их грубые крики нарушат покой вашего величества и поразят вас неожиданностью.

– Нарушить мой покой они могли бы, – сказал король, – но как может шум насилия показаться неожиданным? Увы, преподобный отец, в Шотландии есть одно лишь место, куда не доносятся вопли жертв и угрозы гонителей, – могила!

Настоятель хранил почтительное молчание, соболезнуя монарху, чье мягкосердечие так плохо соответствовало быту и нравам его народа.

– Что же случилось с укрывшимися? – спросил Роберт, выждав с минуту.

– Мы, ваше величество, – отвечал настоятель, – разумеется, выпустили их, как они того пожелали, до рассвета, – сперва мы послали проверить, не устроил ли неприятель на них засаду где-нибудь по соседству, а затем они мирно пошли своим путем.

– Вам неизвестно, – спросил король, – кто они такие и по какой причине укрылись у вас?

– Причиной, – сказал настоятель, – явилась ссора с горожанами, но как она произошла, нам неизвестно. Таков обычай нашего дома – предоставлять на сутки нерушимое укрытие в святилище святого Доминика, не задавая никаких вопросов несчастным, которые просят здесь помощи. Если они хотят остаться на более длительный срок, они должны представить на суд монастыря причину, по которой ищут священного убежища. И, слава нашему святому патрону, благодаря этой временной защите удалось уйти от тяжелой руки закона многим из тех, кого мы сами, если бы знали, в чем их преступление, почли бы своим долгом выдать преследователям.

При таком объяснении монарху смутно подумалось, что право священного убежища, осуществляемое так непреложно, должно чинить в его королевстве серьезную помеху правосудию. Но он отогнал этот помысел как наущение сатаны и не позволил себе проронить ни единого слова, которое выдало бы церковнику, что в его сердце затаилось хоть на миг такое нечестивое сомнение, напротив того, он поспешил перейти к другому предмету.

– Тень на солнечных часах, – сказал он, – неустанно движется. Ваше сообщение сильно меня огорчило, но я полагаю, лорды моего совета уже навели порядок, разобравшись, кто прав, кто виноват в этой злополучной драке. В недобрый час возложила на меня судьба править народом, среди которого, кажется мне, есть только один человек, желающий мира и покоя, – я сам!

– Церковь всегда желает мира и покоя, – добавил настоятель, не допуская, чтобы король позволил себе в угнетенном состоянии духа высказать такое суждение, не сделав почтительной оговорки в пользу церкви.

– Таковую была и наша мысль, – сказал Роберт. – Но, отец настоятель, вы не можете не согласиться, что церковь, ведя нещадную борьбу за свою благородную цель, уподобляется той хозяйке-хлопотунье, которая вздымает облака пыли, думая, что выметает ее.

Настоятель не оставил бы этих слов без ответа, но дверь в исповедальню отворилась, и дворянин-прислужник доложил о приходе герцога Олбени.

---

²⁴ Галилеей называется часовенка при католическом соборе, куда получают доступ отлученные, хотя в самый храм им заходить не разрешается. Преступники, требующие священного убежища, имели обыкновение – по понятным причинам – укрыться именно в этой части здания. (Примеч. авт.)

Глава X

*...Друг милый, не брани
Веселость той, что лишь вчера грустила,
А завтра снова может загрустить^[95].*

Джоанна Бейли

Герцога Олбени, как и его брата-короля, звали Робертом. Король получил при крещении имя Джон, которое решил сменить, когда короновался, так как суеверие того времени связало это имя с бедами жизни и царствования королей Иоанна Английского, Иоанна Французского, Иоанна Бэлиола Шотландского^[96]. Было решено, что новому королю, дабы отвести дурное предзнаменование, следует принять имя Роберт, любезное шотландцам в память Роберта Брюса. Мы упоминаем об этом здесь, чтобы разъяснить, каким образом два брата в одной семье получили при крещении одно и то же имя, что, разумеется, и в ту пору было столь же необычно, как и в наши дни.

Олбени, тоже человек в годах, был так же чужд воинственности, как и сам король. Но если он и не отличался храбростью, у него хватало ума прятать и маскировать недостаток, который, как только бы о нем заподозрили, неминуемо обрек на крушение все его честолюбивые замыслы. К тому же у него довольно было гордости, подменявшей в случае нужды отвагу, и довольно самообладания, чтобы не выдать тайную боязнь. В прочих отношениях это был искушенный царедворец – спокойный, хладнокровный и ловкий, который неуклонно преследует намеченную цель, пусть даже весьма отдаленную, и никогда не упускает ее из виду, хотя бы временами и казалось, что избранные им извилистые тропы ведут совсем в другую сторону. Наружностью он был схож с королем – те же благородство и величие отмечали осанку его и черты лица. Но, не в пример старшему брату, он не страдал никакой немощью, был энергичен и более легок во всех смыслах этого слова. Одежда была на нем, как подобало его возрасту и сану, богатая и тяжелая. Он, как и брат его король, не имел при себе оружия – только набор ножей в небольшом футляре висел у пояса на том месте, где полагалось быть если не мечу, то кинжалу.

Едва герцог показался в дверях, настоятель, отвесив поклон, почтительно отошел в нишу на другом конце комнаты, чтобы братья могли свободно вести разговор, не стесненные присутствием третьего лица. Необходимо упомянуть, что эту нишу образовало окно, вырубленное с фасада так называемого дворца – одного из внутренних монастырских зданий, в котором нередко проживали шотландские короли, но в другое время его обычно занимал настоятель, иначе говоря – аббат. Окно приходилось над главным входом в королевские палаты и смотрело на внутреннюю квадратную площадь монастырского двора, огражденную справа продольной стеной великолепной церкви, слева – строением, где над подвалом с погребями разместились трапезная, капитул и прочие монастырские покои, совершенно обособленные от покоев, отводимых королю Роберту и его двору, четвертый ряд строений, своей нарядной внешней стороной обращенный к восходящему солнцу, представлял собою просторную *hospitium*²⁵ для приема путешественников и паломников и несколько подсобных помещений – всяческие службы и склады, где хранились бесчисленные припасы для поддержания пышного гостеприимства монахов-доминиканцев. Сквозь восточный фасад вел во двор длинный проход с высокими сводами, приходясь прямо напротив того окна, у которого

---

²⁵ Гостиницу (лат.).

стоял приор Ансельм, имевший, таким образом, возможность заглянуть в темноту под аркой и наблюдать мерцание света, проникавшего в открытые наружные ворота, но так как окно расположено было высоко, а проход уходил далеко вглубь, глаз наблюдателя лишь смутно различал пространство под его сводами. Читателю следует запомнить, что и как было расположено. Возвращаемся к разговору между державными сородичами.

– Мой милый брат, – сказал король, поднимая герцога Олбени, когда он наклонился поцеловать ему руку, – мой любезный брат, к чему такие церемонии? Разве оба мы – не сыновья Стюарта Шотландского и Елизаветы Мор?

– Я это помню, – сказал, выпрямляясь, Олбени – но, оставаясь любящим братом, не забываю и об уважении, которое должен оказывать королю.

– Правильно, очень правильно, Робин, – ответил король. – Трон – как высокий и голый утес, где не пустит корней ни куст, ни цветок. Добрые чувства, нежные привязанности – в них государю отказано. Король не вправе от души обнять родного брата... не смеет дать волю любви к сыну!

– Таково в известном смысле проклятие величия, мой государь, – сказал Олбени. – Но небо, отдалив от чрезмерной близости с вашим величеством кое-кого из членов вашей семьи, подарило вам множество новых детей – весь ваш народ.

– Увы, Роберт, – отвечал король, – твое сердце более подходит для суверена, нежели мое. С высоты, куда меня вознесла судьба, я смотрю на скопище моих детей, как ты назвал их... Я люблю их, я им желаю добра, но их много, и они от меня далеки. Увы, даже у самого ничтожного из них есть дорогое существо – кто-то, кого он может прижать к сердцу, на кого может излить свою отцовскую любовь. Но все, что может дать король народу, подобно улыбке, с какою смотрит солнце на снежные вершины Грэмпианских гор, – далекая, холодная улыбка! Увы, Робин! Наш отец ласкал нас, а если и бранил, бывало, то в тоне его слышалась доброта. А ведь и он был таким же, как я монархом. Так почему не дозволено мне, как ему, исправлять блудного сына не только строгостью, но и лаской?

– Когда бы ласка не была испробована, мой государь, – возразил Олбени таким тоном, точно ему самому было больно от этих слов, – тогда, разумеется, в первую очередь следовало бы прибегнуть к мягким способам воздействия. Ваша милость лучше всех можете судить, достаточно ли долго мы применяли их и не пора ли перейти к более действенным средствам – к суровости и запрету. Всецело в вашей королевской власти применить те меры к герцогу Ротсею, какие, по вашему мнению, должны в конечном счете оказаться наиболее благотворными и для принца и для королевства.

– Это безжалостно, брат, – сказал король. – Ты мне указываешь трудную тропу и понуждаешь меня вступить на нее, не предлагая притом своей поддержки.

– Она всегда к услугам вашей милости, – возразил Олбени, – но мне менее, чем всякому другому, пристало толкать вашу милость на суровые меры против вашего сына и наследника. Не ко мне ли, если – не приведи господь! – оборвется ваш род, должна перейти роковая корона? Не подумают ли и не скажут ли тогда запальчивый Марч и надменный Дуглас, что Олбени посеял распрю между своим царственным братом и наследником шотландского престола, чтобы расчистить путь к престолу своим собственным детям? Нет, государь, я готов пожертвовать жизнью, служа вам, но я не могу ставить под удар свою честь.

– Ты правильно говоришь, Робин, очень правильно! – подхватил король, спеша придать собственное толкование словам брата. – Мы не должны допускать, чтобы эти могущественные и опасные лорды заметили что-то похожее на раздор в королевской семье. Этого надо избежать во что бы то ни стало, а потому попробуем и дальше быть снисходительными, в надежде, что безрассудный Ротсей исправится. Я иногда наблюдал в нем, Робин, зачатки, которые стоит взлелеять. Он молод, совсем еще молод, он принц и в той поре, когда кровь бурлит. Мы будем с ним терпеливы, как терпелив хороший наездник с норовистым конем.

Дадим ему изжить эту легкость нрава, и ты первый будешь им доволен, как никто. По своей доброте ты осуждал меня за излишнюю мягкость – этого недостатка у Ротсея нет.

– Головой поручусь, что нет, – ответил жестко Олбени.

– И не скажешь, что ему не хватает рассудительности или отваги, – продолжал несчастный король, отстаивая собственного сына перед своим же братом. – Я пригласил его присутствовать сегодня на совете, послушаем, как он отчитается в исполнении возложенных на него поручений. Ты и сам говоришь, Робин, что принц проявляет проницательность и способность к делам, когда находит на него охота заняться ими.

– Несомненно, мой государь! Он проявляет и ум и способности, – сказал Олбени, – когда находит на него такая охота.

– То же говорю и я! – подхватил король. – И я рад от души, что ты со мной согласен, Робин, в моем решении еще раз дать злополучному юноше возможность исправиться. У него теперь нет матери, чтоб защищать его перед рассерженным отцом. Этого нельзя забывать, Олбени.

– Будем надеяться, – сказал Олбени, – что решение, наиболее приятное добрым чувствам вашей милости, окажется мудрейшим и лучшим.

Герцог разгадал нехитрую уловку брата: устранившись следствий, естественно вытекавших из рассуждений собеседника, король делал вид, что тот дал свою санкцию, и затем утверждал не ту линию поведения, которую ему пытались подсказать, а как раз обратную. Убедившись, однако, что сейчас не склонить короля к желательной политике, герцог все же не стал выпускать вожжи из рук и решил пока повременить, но при более удобном случае извлечь всю черную выгоду, какую сулили ему новые несогласия между наследником и государем.

А король Роберт, опасаясь, как бы снова брат не поднял мучительный разговор, от которого ему сейчас удалось уклониться, громко обратился к настоятелю доминиканцев:

– Я слышу стук копыт. Вам виден из окна весь двор, преподобный отец. Поглядите и скажите нам, кто там спешился. Не Ротсей ли?

– Прибыл благородный граф Марч со своей свитой, – сказал настоятель.

– Сильный при нем отряд? – спросил король. – Его люди входят во внутренние ворота?

Олбени тем временем успел шепнуть королю:

– Не бойтесь ничего, ваши бранданы²⁶ ждут во всеоружии.

Король с благодарностью кивнул, между тем как настоятель, глядя в окно, отвечал:

– При графе два пажа, два дворянина и четверо слуг. Один из пажей направился к главной лестнице следом за своим господином – несет его меч. Остальные задержались во дворе и... *Venedicite...*²⁷ что такое?.. Тут бродячая музыкантша со своей виолой приготовилась петь под королевскими окнами. И это в монастыре доминиканцев, как на каком-нибудь постоялом дворе! Я сейчас же велю вышвырнуть ее вон.

– Не надо, отец, – сказал король. – Позвольте мне испросить милости для бедной странницы. Она служит так называемой Веселой Науке⁹⁷¹, но та, увы, печально сочетается с невзгодами, на какие нужда и беда обрекают бродячий люд, – и в этом он схож с королем. Все вокруг кричат венценосцу: «Славься, славься!», а он тоскует по той почтительной любви,

²⁶ Обитатели острова Бьюта звались бранданами. Происхождение этого имени точно не установлено, хотя очень похоже, что прав доктор Лейден, когда производит его от святого Брандина*, покровителя островов в устье Клайда. Бьют был вотчиной короля, а его уроженцы – королевскими слугами и телохранителями. Знатное семейство Бьютов, владеющее островом в настоящее время, представляет собой древнюю незаконную ветвь королевского дома. (Примеч. авт.)* ...прав доктор Лейден, когда производит его от святого Брандина... – Джон Лейден (1775–1811) – поэт и ученый-востоковед, друг Скотта, собиратель шотландского фольклора. Брандин (или Брендан, ок. 484–578) – ирландский святой, почитаемый и в Шотландии. С его именем связаны многочисленные легенды, известные у многих народов Западной Европы, о путешествии Брендана по Атлантике.

²⁷ *Благослови нас небо (лат.).*

какую самый бедный йомен окружен в семье. Не чините страннице помехи, отец: пусть, если хочет, поет во дворе солдатам и йоменам, это их удержит от ссоры, почти неизбежной, раз их необузданные хозяева враждуют между собой.

Так говорил добросердечный и слабовольный монарх, и настоятель поклонился в знак согласия. Между тем граф Марч, в обычном по тому времени кафтане для верховой езды и с кинжалом у пояса, вошел в приемный зал. Пажа, несшего за ним его меч, он оставил в прихожей. Граф был красивый, статный мужчина, белолицый, с густою светлой бородой и волосами и голубыми глазами, сверкавшими как у сокола. Его лицо было бы приятным, когда бы не отражало в своих чертах раздражительность и горячность нрава, которым феодальный властитель в сознании своего могущества слишком часто давал волю.

– Рад вас видеть, лорд Марч, – сказал король, сделав изящный поклон. – Вы давно не показывались на нашем совете.

– Государь, – ответил Марч, почтительно склонившись перед королем и кивнув высокомерно и холодно герцогу Олбени, – если я не присутствовал на совете вашей милости, то лишь потому, что место мое заняли более угодные вам и, бесспорно, более разумные советники. Теперь же я явился только сообщить вашему высочеству, что вести с английской границы ставят меня перед безотлагательной необходимостью возвратиться в свои поместья. Подле вашей милости остается мудрый политик – милорд Олбени, ваш брат, с ним вы можете советоваться, а также могущественный и воинственный граф Дуглас, который будет приводить ваши решения в действие. Я же могу быть полезен только на моих собственных землях, а потому, с соизволения вашего величества, я намерен немедленно туда вернуться, чтобы исполнить свою обязанность стража восточных рубежей.

– Вы не поступите с нами так нелюбезно, кузен, – возразил государь. – Ветер несет дурные вести. Злополучные горные кланы опять готовятся к мятежу, и даже спокойствие нашего собственного двора требует присутствия мудрейших наших советников, чтобы обсудить необходимые меры, и наших баронов – чтобы выполнить то, что мы постановим. Неужели потомок Томаса Рэндолафа покинет в час нужды правнука Роберта Брюса?^[98]

– Я оставляю при нем потомка многославного Джеймса Дугласа, – ответил Марч. – Сей лорд похваляется, что, как только он вденет ногу в стремя, вслед за ним седлают коней не менее тысячи его телохранителей, и, полагаю, монахи Абербротока^[99] клятвенно это подтвердят. Несомненно, Дугласу и его рыцарям будет легче обуздать бесчинную ватагу диких горцев, нежели мне дать отпор английским лучникам и силам могущественного Генри Хотспера^[100]. К тому же при вас его светлость герцог Олбени, который так ревниво охраняет ваше величество, что поспешил призвать к оружию бранданов, едва только я, ваш покорный подданный, приблизился ко двору с жалкой горсточкой всадников, свитой, какую привел бы за собой самый ничтожный из мелких баронов, владелец какой-нибудь башни и тысячи акров пустоши. Если к такой предосторожности прибегают там, где нет и тени опасности, – ибо с моей стороны никто, надеюсь, ее не ждет, – то особу короля, конечно, не оставят без защиты пред лицом действительной угрозы.

– Милорд Марч, – сказал герцог Олбени, – ничтожные бароны, упомянутые вами, вооружают слуг даже тогда, когда принимают самых дорогих и близких друзей за железными воротами своих замков, и, если будет на то воля Пречистой, я не меньше стану заботиться об особе короля, чем те – о своей собственной особе. Бранданы – непосредственные стражи короля и слуги его дома, и если их сто человек, разве это большая охрана для его величества, когда вы сами, милорд, как и граф Дуглас, часто выезжаете в сопровождении свиты вдесятеро большей?

– Милорд герцог, – возразил Марч, – когда требует того служба королю, я мог бы разъезжать с отрядом всадников и вдесятеро большим, чем указала ваша светлость, но я никогда

не делал этого с предательским намерением захватить короля врасплох или ради бахвальства – чтобы почваниться перед другими лордами.

– Брат Роберт, – сказал король, стремясь, как всегда, примирить враждующих, – ты неправ, выражая недоверие милорду Марчу. А вы, кузен Марч, даете ложное истолкование осторожности моего брата. Но будет вам, прекратите спор – я слышу музыку и пение, и, кажется, довольно приятные. Вы знаете толк в Веселой Науке, милорд Марч, и любите ее – подойдите к тому окну, станьте рядом с благочестивым настоятелем, и, так как ему мы не можем задавать вопросы касательно светских утех, вы нам скажете, впрямь ли стоит послушать эту музыку и стихи. Мелодия как будто французская... Мой брат Олбени ничего не смыслит в таких вещах... так уж я положусь на ваш суд, кузен, – сообщите нам, заслуживает ли награды бедная потешница. Сейчас придут сюда наш сын и Дуглас, и, когда совет будет в сборе, мы перейдем к более серьезным предметам.

С подобием улыбки на гордом лице Марч отошел в нишу окна, где молча стал рядом с настоятелем. Было ясно, что если он и подчинился повелению короля, то разгадал, чем оно вызвано, и презирает эту робкую попытку помешать спору между ним и Олбени. Мелодия, исполняемая на виоле, была поначалу веселой и бойкой, напоминая своеобычную музыку трубадуров. Но дальше надрывные звуки струн и женского голоса, которому они аккомпанировали, зазвенели грустной жалобой и оборвались, как будто захлебнувшись в горьких чувствах девушки-менестреля.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

«Пертская красавица» относится к «шотландскому» циклу исторических романов, которым начинается творчество Вальтера Скотта-прозаика («Уэверли», «Пуритане», «Легенда о Монтрозе»). Написанная за четыре года до смерти (1828), «Пертская красавица», пожалуй, наиболее полно характеризует своеобразие созданной им формы исторического романа.

2.

Кристал Крофтэнгри – вымышленный издатель произведений, образующих «Хронику Кэнонгейта», куда входит и «Пертская красавица». Кэнонгейт – улица в Эдинбурге.

3.

...разных работ о шотландских гэлах... – Гэлы – кельтский народ, населявший в древности горную часть Шотландии. Гэльский язык и до сих пор сохраняется в некоторых районах страны.

4.

...высокомерный дом Дугласов... – Дугласы – один из могущественных и древних шотландских родов. В феодальные времена Дугласы были почти независимы от королевской власти.

5.

...чтобы в битве разрешить свой давний спор пред лицом короля Роберта III, его брата герцога Олбени... – Роберт III – Джон Стюарт (1340? – 1406), король Шотландии, принявший имя Роберта при вступлении на престол (1390). Обладая слабым здоровьем, почти устранился от государственных дел, передав управление своему брату Роберту (1340?–1420), носившему титул герцога Олбени и оставшемуся регентом государства также и после смерти короля. Описанная в романе битва между двумя шотландскими кланами действительно произошла в 1396 г. на Северном Лугу города Перта (Перт был окаймлен двумя лугами, с севера и с юга).

6.

Мисс Бейли – шотландская поэтесса и драматург Джоанна Бейли (1762–1851), друг Скотта. Скотт говорит об Эдуарде, персонаже ее трагедии «Эсуолд».

7.

Казалось возможным представить себе и такой случай... – Как признавал сам Скотт, в Конахаре он хотел представить некоторые черты характера своего брата Дэниела, также проявившего малодушие в критический момент своей жизни. Дэниел был весьма легкомыслен и, когда оказалась серьезно затронутой его честь, бежал в Америку, испугавшись возможной дуэли.

8.

...привел от своего клана четыре тысячи человек в помощь королю против Властителя Островов. – Так назывались владельцы Гебридских островов (архипелага у северо-западных берегов Шотландии), населенных гэлами. В XIV–XV вв. этот титул принадлежал Макдоналдам, часто оказывавшим неповиновение королевской власти. В данном случае Скотт, видимо, имеет в виду события, фактически происшедшие после пертской битвы кланов. Доналд Макдоналд (ум. в 1420 г.?) решил овладеть графством Росс и высадился в

Шотландии. Его пробовал задержать отряд Ангюса Маккея, но островитяне прорвались в глубь страны. Решающая битва произошла 24 июля 1411 г. при Харло, где Доналд потерпел поражение.

9.

...Уинтоун называет Камеронов... – Эндрю Уинтоун (1350? – 1420?) – настоятель монастыря в Лохлиvene, историк Шотландии, автор стихотворной хроники, излагающей события шотландской истории от «начала мира» и до 1407 г. Камероны – старинный шотландский род.

10.

...Дуглас в своей «Книге баронов»... – Речь идет о книге шотландского историка Роберта Дугласа (1694–1770) «Бароны Шотландии» (издана посмертно в 1798 г.).

11.

...по эту сторону Инвернесса... – то есть в низинной части страны, с англосаксонским, а не кельтским населением. Инвернесс – обширное графство в северной горной части страны.

12.

«Скоти-Хроникон» («Хроника скоттов») – историческое сочинение, составленное шотландским хронистом, аббатом Уолтером Бауером (ок. 1385–1449) в последние годы его жизни.

13.

Гектор Боэций (1465?–1536) – шотландский историк, автор «Истории Шотландии», доведенной до воцарения Иакова III (1527) и написанной на латинском языке.

14.

Лесли Джон (1527–1596) – епископ, автор «Истории Шотландии», изданной на латинском языке в Риме в 1578 г.

15.

Бьюкенен Джордж (1506–1582) – историк, приверженец Реформации, автор памфлетов, направленных против Марии Стюарт и ее сторонников, а также «Истории Шотландского королевства», вышедшей в 1582 г. на латинском языке.

16.

...по ту сторону Грэмпианских гор... – Грэмпианские горы – горная цепь в Центральной Шотландии. Районы к северу от Грэмпианских гор населены были преимущественно кельтами.

17.

...может ли какой-то сассенах надеяться... – Сассенахами кельты называли пришедших сюда англосаксов.

18.

Иаков VI (1566–1625) – сын Марии Стюарт, король Шотландии (с 1567 г.), позднее, под именем Иакова I, король Англии (1603–1625).

19.

Под монастырскою стеной Сент-Джонстона... – Сент-Джонстон (то есть Город святого Иоанна) – старинное название Перта в честь святого, по преданию, обратившего в христианство древнее шотландское племя пиктов.

20.

...настоятель Лохливена... – Эндрю Уинтоун.

21.

...продолжателем Фордуна... – Джон Фордун (ум. ок. 1384) – капеллан собора в Эбердине, автор исторического сочинения «Хроника шотландских родов», написанного на латинском языке и оставшегося незавершенным. Продолжателем Фордуна стал Уолтер Бауер (см. коммент. к с. 8), чье сочинение называют «Скоти-Хроникон». Иногда под этим названием объединяют хроники Фордуна и Бауера.

22.

...двумя очумелыми катеранами... – Катеран – гэльское слово, обозначающее разбойничью шайку. В Шотландии катеранами называли разбойников-горцев и, как презрительное обозначение, горцев вообще.

23.

Давид Линдсейский и Крофордский вместе с лордом Томасом, графом Морей... – Речь идет о Давиде Линдсее, первом графе Крофорде (1365?–1407), который в 1384 г. женился на дочери шотландского короля Роберта II. Титул графов Морей принадлежал роду Рэндолфов, однако трудно сказать, о котором из них идет речь.

24.

...празднику святого Михаила... – День святого Михаила – 29 сентября.

25.

...по самым признанным образцам из Ливия. – Тит Ливий (59 до н. э. – 17 н. э.) – римский историк, автор «Римской истории от основания города».

26.

...в битве под Инверкийтингом между роялистами и войсками Оливера Кромвеля... – Роялисты – сторонники низложенного в результате английской буржуазной революции короля Карла I, казненного в 1649 г. Оливер Кромвель (1599–1658) – деятель английской буржуазной революции, установивший впоследствии режим личной власти. Битва под Инверкийтингом в Шотландии (1651) – один из эпизодов революционной борьбы. В этом сражении шотландские роялисты потерпели поражение от войск Кромвеля.

27.

...генерал Стюарт из Гарта... – Дэвид Стюарт из Гарта (1772–1829), генерал-майор, автор книги «Очерки о характере, нравах и нынешнем состоянии шотландских горцев с добавлениями касательно военной службы в горских частях» (1822).

28.

Сражение при Килликрэнки (1689) – эпизод восстания шотландских горцев, сторонников свергнутого в 1688 г. короля Иакова II Стюарта, выступивших против войск нового короля

Вильгельма III. В этом сражении горцы под командованием Джона Грэма Клеверхауза (1649? – 1689) нанесли поражение войскам Вильгельма, но сам Клеверхауз был смертельно ранен.

29.

Лохиель – сэр Ивен Камерон из Лохиеля (1629–1719), сражавшийся в армии Грэма Клеверхауза.

30.

...из армии генерала Маккея... – Хью Маккей (1640–1692) – шотландский генерал, состоявший на службе у Вильгельма Оранского и потерпевший поражение при Килликрэнки.

31.

Тщеславный римлянин, увидев Тэй... – Эпиграф Скотта.

32.

...всякого другого округа Каледонии... – Каледонией римляне называли Шотландию.

33.

...леди Мэри Уортли Монтегю... – Мэри Уортли Монтегю (1689–1762) – английская писательница.

34.

...Грей или кто-то другой из поэтов... – Томас Грей (1716–1771) – английский поэт.

35.

...кровавые побоища между саксами Нижней Шотландии и гэльскими кланами... – Англосаксонские завоеватели (V–VI вв.) оттеснили древних обитателей Шотландии в горы, но постоянная борьба между саксами и кельтами длилась несколько столетий. Отряды горцев нередко совершали массовые набеги на города и селения Нижней Шотландии, и шотландским баронам приходилось организовывать настоящие походы для усмирения горских кланов. Лишь в середине XVIII в., после подавления крупных восстаний горцев, последние были окончательно усмирены.

36.

...старинное предание гласит, что он основан римлянами. – Речь идет о городе Виктории, основанном в 320 г. римлянами на месте нынешнего Перта.

37.

...цистерцианский монастырь... – Цистерциане – ответвление монашеского ордена бенедиктинцев, одного из наиболее распространенных в Западной Европе. Однако в данном случае речь идет о доминиканском монастыре, основанном в Перте в 1231 г. Во время действия романа в Перте существовал еще кармелитский монастырь, основанный в 1260 г. Позднее возникли еще два монастыря: картезианский в 1425 г. и францисканский в 1460 г. Таким образом, упоминание в конце романа четырех монастырей – анахронизм.

38.

Иаков I... пал жертвой зависти озлобленной аристократии. – Иаков I (1394–1437) – шотландский король (с 1424 г.), был убит заговорщиками-феодалами, убийство это было совершено в доминиканском монастыре в Перте. Иаков был также и поэтом, автором лирических и сатирических стихов.

39.

...загадочный заговор Гаури... – Так Скотт называет события, связанные с убийством Джона Рутвена, графа Гаури (1578?–1600), и его брата Александра в их собственном замке во время пребывания там короля Иакова VI. По официальной версии, существовал заговор, возглавленный Джоном Рутвеном, и Рутвены, пользуясь приездом короля, пытались напасть на него, но были убиты сами. Возможно, что заговор действительно имел место, а может быть, дело это было спровоцировано самим Иаковом VI, решившим таким способом расправиться с опасными для него лицами.

40.

...покинув Кинросс... – Кинросс – графство в Шотландии, граничащее с Пертширом.

41.

Пастушки губы – бархата нежней... – Цитата из стихотворения Джона Драйдена (1631–1700) «Эпилог, произнесенный при открытии нового здания 26 марта 1674 года». Речь идет о новом здании королевского театра, впоследствии известного под именем «Друри-Лейн».

42.

... проезжая по Кэрфью-стрит. – Кэрфью-стрит – «улица церковного звона». Кэрфью – испорченное французское выражение «couver feu» («туши огонь»), которое связано с установлением Вильгельма I Завоевателя (1066–1087), обязавшего жителей покоренной им Англии из опасения ночных сходок гасить огни в определенный час, по звону церковного колокола. Улица в Перте получила такое название по расположенной на ней колокольне. На этой улице и до сего времени сохраняется дом, в котором якобы жила Кэтрин Гловер.

43.

Завтра день святого Валентина... – С этим днем (14 февраля) связан обычай, идущий еще от язычества и заключающийся в том, что юноша и девушка выбирали себе по жребию подругу (или друга) на следующий год. Их и называли Валентинами.

44.

...по заказу леди Драммонд. – Драммонды – один из наиболее знатных шотландских родов.

45.

...в одежде йомена. – В средневековой Англии йомен – свободный крестьянин, владевший небольшим земельным наделом.

46.

...веселый пляс вокруг майского дерева? – Игры и пляски вокруг майского дерева (или шеста) – пережиток старинных обрядов, связанных с культом растительности. Они были весьма распространены в средневековой Европе.

47.

Поблагодарим святого Дунстана – он и сам занимался нашим ремеслом. – Святой Дунстан (925–988) – архиепископ Кентерберийский. Хроники рассказывают, что Дунстан любил заниматься кузнечным делом, и, когда однажды к нему явился дьявол, Дунстан зажал ему нос раскаленными кузнечными щипцами.

48.

... на утесах Святого Ленарда... – Так называлась окраина Эдинбурга.

49.

... был родичем светлой памяти короля Роберта. – Роберт Брюс (1274–1329) – национальный герой Шотландии, провозгласивший себя королем под именем Роберта I.

50.

Верстиган Ричард Роуленс (1565? –1620) – историк Шотландии и поэт, принявший имя своего деда, Верстигана. За опубликование в Париже сочинения, направленного против Елизаветы и Реформации, был посажен в тюрьму.

51.

... накинудся на отару лэрда... – Лэрд – в Шотландии землевладелец.

52.

... Старого Ника... – то есть дьявола.

53.

... господина Шантеклера... – Шантеклер – название петуха из средневекового сатирического эпоса «Роман о Лисе».

54.

А что нам в этой буре?.. – Эпиграф взят из написанного Джоном Драйденом эпилога к пьесе Чарлза Соундерса «Тамерлан Великий», поставленной на сцене Королевского театра в 1681 г.

55.

... мой старый двуручный Троян... – Здесь Троян – имя меча. В английском языке слово «Троян» (дословно «троянец») употребляется также в смысле удальца и, в переносном смысле, верного друга.

56.

Броги – грубая обувь шотландских горцев.

57.

Скорее Тэй потечет вспять к Данкилду... – Данкилд – небольшой городок вблизи Перта, вверх по Тэю.

58.

Бэйли – в Шотландии выборный бургомистр.

59.

Встань, дева! Косы расчеши... – Эпиграф взят из драмы Джоанны Бейли «Маяк» (акт I, сц. 1).

60.

... хутородному оруженосцу, которого... дарила улыбками некая венгерская королевна. – Имеется в виду английская народная баллада о незнатном оруженосце, полюбившем дочь венгерского короля и добившемся в конце концов ее руки. Баллада эта, упоминаемая также в романе Скотта «Квентин Дорвард», была опубликована в вышедшем в 1802 г. сборнике Джозефа Ритсона «Стихотворные рыцарские романы».

61.

Вовеки Катарина мужчине руку не отдаст. – В комедии Шекспира «Укрощение строптивой» этих слов нет.

62.

Не думаю, чтобы чтение Сенеки... вернуть ей спокойствие духа. – Луций Анней Сенека (4 до н. э. – 65 н. э.) – древнеримский философ-моралист и автор трагедий. В его учении, близком к стоицизму, важное место отводилось воспитанию абсолютной невозмутимости.

63.

... король Артур со всем своим Круглым столом... – Король Артур – герой обширного цикла средневековых сказаний и возникших на их почве рыцарских романов. Рыцари короля Артура, возвращаясь из походов, сходились за круглым столом.

64.

... ремесло святого Криспина... – сапожное ремесло, которым проповедник христианства в Галлии Криспин добывал себе пропитание. Его стали почитать как покровителя цеха сапожников.

65.

...сын великого Мака или О'... – Мак – частая приставка при шотландских фамилиях, О' – при ирландских.

66.

Дуньевассал – в Горной Шотландии землевладелец, несший службу при вожде клана и получавший от него земельный надел.

67.

... Гарри Слепец, наш славный менестрель... – Упоминание Гарри Слепца – анахронизм. Гарри Слепец было прозвище менестреля по имени Гарри (ок. 1470–1492), шотландского поэта, автора поэмы «Уоллес», посвященной подвигам национального героя Шотландии Уильяма Уоллеса (ок. 1270–1305). Уоллес поднял шотландцев на борьбу против завоевателей-англичан, но, потерпев поражение, был взят в плен и казнен.

68.

...упаси меня святой Иоанн... – Святой Иоанн – покровитель Перта.

69.

...под Лонкарти... – Лонкарти – местность неподалеку от Перта, на западном берегу Тэя. Здесь в X в. шотландцы нанесли тяжелое поражение датчанам. По преданию, в этой битве особенно отличился некий смуглый воин, который потом был щедро награжден королем. От него якобы и пошел род Дугласов, названных так за темный цвет лица (Dhuglas – кельтское выражение, означающее человека с темным лицом).

70.

Не кончился бы спор кровопролитием... – В эпитафии не вполне точная цитата из исторической хроники Шекспира «Генрих IV» (ч. 1, акт II, сц. 4).

71.

... об одноглазых кузнецах былых времен... – то есть одноглазых циклопах в кузнице древнеримского бога огня, а также и кузнечного ремесла Вулкана.

72.

... герцогу Ротсею... – Титул герцога Ротсея носил сын и наследник шотландского короля Роберта III Давид Стюарт (1378–1402).

73.

...не предпочтете ли вы Черного Дугласа? – Существовали две ветви рода Дугласов: так называемые Черные Дугласы – потомки сподвижника Брюса графа Джеймса Дугласа (1286?–1330), и Рыжие Дугласы – потомки младшего брата Джеймса, Арчибалда Дугласа (ум. в 1333 г.). Черные Дугласы носили титул графов Дугласов, Рыжие – графов Ангюсов. Обычно Черным Дугласом называют самого Джеймса Дугласа, у которого было и другое прозвище – Добрый. В романе действует его сын Арчибалд Дуглас (1328?–1400), прозванный Лютым. Скотт его также называет Черным Дугласом.

74.

... со знаком кровавого сердца на плече. – Происхождение этого отличительного знака принадлежности к дому и войску Дугласов связано со следующим событием: король Роберт Брюс на смертном одре, сожалея, что не успел совершить паломничества в Палестину во искупление своего греха (убийство в церкви своего соперника, так называемого Рыжего Комина), просил Джеймса Дугласа отвезти туда его сердце. После смерти короля сердце его было вынуто, набальзамировано, и Дуглас отправился с ним в Палестину. Дорогой он принял участие в борьбе испанских рыцарей с арабами и в одном из сражений был убит. Его спутники вернулись на родину и привезли с собой сердце Брюса. С тех пор Черные Дугласы взяли изображение сердца в свой герб.

75.

...против тартана... – Тартан – в Шотландии клетчатая шерстяная ткань, а также одежда из нее.

76.

Кинфонс – старинный замок вблизи Перта.

77.

...как они излагаются в древнем и устойчивом предании... – Легенду о Красном Разбойнике Скотт заимствовал из поэмы «Уоллес» (песнь IX) Гарри Слепца.

78.

Вот Джонстоны из Эннендейла... – Эпиграф Скотта.

79.

...вороной жеребец старой гэллоуэйской породы... – Гэллоуэйская порода – низкорослые лошади темной масти, хорошо приспособленные к горным дорогам.

80.

Я ее назвал Джезабелю в честь кастильской принцессы... – Джезабель – английская форма библейского имени Иезавель. Иезавелью звали порочную жену израильского царя Ахава. Отсюда переносный смысл слова «джезабель» – «ведьма», «карга». Кроме того, кличка включает и намек на масть: «изабелла» – темно-бурый цвет (а также и масть); название это связывается с легендой об испанской принцессе Изабелле, дочери короля Филиппа II (1556–1598), которая объявила, что не сменит рубашки, пока ее муж не овладеет нидерландским городом Остенде. Осада длилась три года. Упоминание о кастильской принцессе – анахронизм.

81.

Но филистимлянин поравнялся с шапочником... – Филистимляне – народ, живший в древности на восточном побережье Средиземного моря и постоянно воевавший со своими соседями евреями Отсюда словоупотребление в переносном смысле (враг, неприятель).

82.

... как тот король в романе, игравший на виоле, когда горел его город. – Речь идет о римском императоре Нероне (54–68), который, по преданию, сам поджег Рим и, любуясь пожаром, играл на лире.

83.

...шел... громадина дромонд... отрубить нос Драммонду? – Игра слов: дромонд – род баржи, Драммонды – могущественный дворянский род.

84.

Это тот, о ком сочиняют стихи и повести? – Речь идет о герцоге Нормандии Роберте (1028–1035), отце завоевателя Англии Вильгельма. За дерзкое бесстрашие и жестокость его прозвали Робертом Дьяволом. С именем его связано много легенд.

85.

И возложили ж на меня задачу! – В эпиграфе цитата из исторической хроники Шекспира «Ричард II» (акт II, сц. 2).

86.

... конь сэра Джеймса Дугласа Далкита... – Джеймс Дуглас из Далкита (ум. в 1420) – придворный, потомки которого получили титул графов Мортонов.

87.

... предпочтение... было отдано Джорджу, графу Данбара и Марча... – Джордж Марч, граф Данбар (1368 – ок. 1420) – шотландский феодал. После расстройтва помолвки его дочери Элизабет с наследником престола герцогом Ротсеем бежал в Англию, где был хорошо принят

Генрихом IV, который пожаловал ему земли и поместья. В 1402 г. граф Марч участвовал на стороне англичан в военных действиях против Шотландии.

88.

...своей дочери Марджори... – Марджори, дочь графа Дугласа, прозванного Лютым, была обвенчана с герцогом Ротсеом только в 1400 г., то есть через четыре года после описываемых событий.

89.

...своей жене, королеве Аннабелле... – Аннабелла Драммонд (1350?–1402) – королева Шотландии, была обвенчана с Джоном Стюартом (будущим Робертом III) в 1367 г., коронована в 1390 г. Во время описываемых событий она была еще жива.

90.

Почему... на епископский престол Святого Андрея ты не принял Генри Уордло... – Генри из Уордло (ум. в 1440) – епископ монастыря Святого Андрея, возведенный на этот пост около 1404 г.

91.

Прием примаса... – Примас – у католиков высшее духовное лицо в стране. Примасом Шотландии являлся епископ – настоятель монастыря святого Андрея.

92.

Давид Святой – король Шотландии Давид I (1124–1153), покровительствовавший церкви.

93.

...поднял меч против знамен святого Петра, и святого Павла, и святого Иоанна Беверлея... – Петр и Павел – апостолы христианской церкви. Иоанн Беверлей (640–721) – епископ Йоркский. Здесь речь идет о битве при Катон-Муре, иначе называемой Битвой за знамя (1138), в которой английские войска короля Стефана выступали под знаменами с изображением святых. Шотландцы в этой битве потерпели поражение.

94.

...подобно тезке своему, сыну Иессии, претерпел кару на земле... – Сын Иессии – Давид, царь древнеизраильского царства (X в. до н. э.). Грех, в котором его обвиняли, – незаконная связь с Вирсавией, женой Урии, посланного Давидом на верную гибель. Кара, постигшая его, – гибель сына его и Вирсавии.

95.

Друг милый, не брани – Эпиграф из трагедии Джоанны Бейли «Орра» (акт 1, сц. 3).

96.

...с бедами жизни и царствования королей Иоанна Английского, Иоанна Французского, Иоанна Бэлиола Шотландского. – Иоанн Английский – Иоанн, прозванный Безземельным, английский король (1199–1216), в результате неудачной войны с Францией потерявший большую часть английских владений во Франции. Иоанн Французский – Иоанн II Добрый, французский король (1350–1364), потерпел поражение от английских войск в битве при Пуатье (1356), был взят в плен и там умер. Иоанн Бэлиол Шотландский (1249–1315) – главный соперник Роберта Брюса в борьбе за шотландскую корону. В 1292 г. при содействии

короля Англии Эдуарда I Бэлиол стал королем Шотландии. Когда же он вступил в тайный сговор с Францией, англичане оккупировали Шотландию, Бэлиол был взят в плен (1296), впоследствии отпущен и остаток жизни провел во Франции.

97.

Она служит так называемой Веселой Науке... – Под Веселой Наукой в те времена понимали как поэзию труверов и трубадуров, так и представления, разыгрываемые странствующими артистами. В 1324 г. во французском городе Тулузе была создана Академия Веселой Науки.

98.

Неужели потомок Томаса Рэндолфа покинет в час нужды правнука Роберта Брюса? – Томас Рэндолф, граф Морей (ум. в 1332 г.) – ближайший сподвижник Брюса и после его смерти регент Шотландии.

99.

Монахи Абербротока – речь идет о монастыре в небольшом городке Абербротоке (или Арброте) на севере Шотландии.

100.

...могущественного Генри Хотспера. – Хотспер – прозвище сэра Генри Перси (1364–1403), командовавшего английскими войсками при Оттерберне (1388) и взятого шотландцами в плен. Английское выражение hot spur означает «горячая шпора».